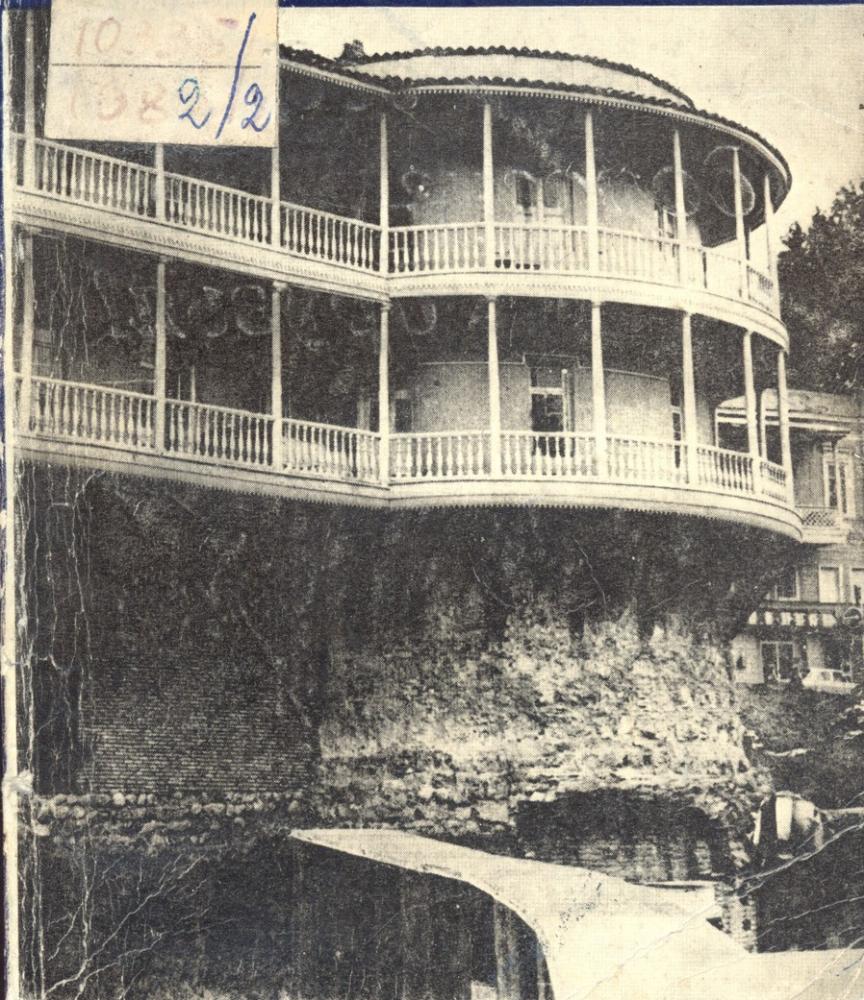

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1982

1

10.257/
382/2

***С Новым
годом,
дорогие
друзья!***

10375/1
1979/10
Оформление
Л. С. П. П. П. П.

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

- ОТАР ЧЕРКЕЗИЯ. Слушать время! 3
- ДЖАНСУГУ ЧАРКВИАНИ — 50 ЛЕТ
- ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Долгие лета 6
- РЕВАЗ МАРГИАНИ. В этот счастливый
день... 7
- ОМЗАР КВИТАИШВИЛИ. Большое сердце
поэта 8

ПОЭЗИЯ

- ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Белыми дорога-
ми тайги. Цикл стихов о БАМе. Пере-
вод Юрия Анохина 10
- БЕСИК ХАРАНАУЛИ. Стихи. Перевод
Владимира Еремченко и Алек-
сандра Маркевича 72

ПРОЗА

- МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Эка. Рас-
сказ. Перевод Элисбара Ананиа-
швили. 16
- ГЕОРГИЙ ХОРГУАШВИЛИ. Джонга. Рас-
сказ. Перевод Виктории Зининой 76
- ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Хроника одной
командировки. Повесть 94

1

1982

ДРАМАТУРГИЯ

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Роль для начинающей актрисы. Драма в 3-х действиях. Перевод Анаиды Беставашили . 30

АНКЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»

«Как мы пишем». На вопросы анкеты отвечают Виктор Шкловский, Вениамин Каверин, Серго Клдиашили, Колау Надирадзе, Павло Загребельный, Акакий Гацерелия, Булат Окуджава, Акрам Айнисли . 122

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. Мост через время . 142

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. И традиционность, и новизна . 163

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ЛИНА ХИХАДЗЕ. На перекрестке культурных воздействий . 182

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

ПРИДОН СИХАРУЛИДЗЕ. Ценный памятник . 189

О ЧЕРК

СВЕТЛАНА ИСАШВИЛИ. Пути - дороги. Счастье . 196

ИСКУССТВО

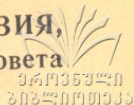
Девять писем Ипполитова-Иванова. Публикация и комментарии Н. Димитриади . 208

ЮМОР

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Ждем главного... . 217

ХРОНИКА 221

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 223

СЛУШАТЬ ВРЕМЯ!

Вступил в свои права 1982 год. Феномен Нового года — традиционное стремление человека к постоянному обновлению своих планов и чаяний — особенно близок нам, советским людям, твердо уверенным в своем завтрашнем дне.

Встречая Новый год, мы думаем о том, что нам предстоит сделать, оцениваем значимость происшедшего, ощущаем четкое и ритмичное биение пульса нашей страны, ее героических свершений, слушаем Время, в которое живем.

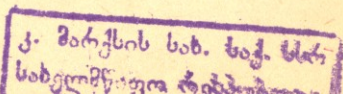
Но для выполнения наших планов нам нужен мир, это — главная забота Времени.

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил грандиозную программу коммунистического строительства, укрепления экономической мощи страны и ее безопасности, повышения благосостояния советских людей, сохранения и упрочения мира на планете.

Усилия миллионов людей доброй воли, неустанная, титаническая деятельность нашей партии и лично товарища Л. И. Брежнева направлены на то, чтобы наши дети никогда не знали войны и мы смогли бы отстаивать свое законное право на труд и созидание.

В речи Леонида Ильича Брежнева на ноябрьском (1981 г.) Пленуме прозвучали слова: «Надо лучше работать». Эта простая мысль и заключает в себе главный фактор осуществления всех наших планов.

В конце прошлого года трудящимися нашей республики была одержана еще одна большая трудовая победа: Грузия досрочно реализовала планы по продаже государству продук-

тов сельского хозяйства. Истроки приветственного письма Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, выдающегося политического деятеля современности, 75-летие которого всенародно отмечалось в те дни, прозвучали высокой наградой всем трудящимся Грузии, залогом наших дальнейших успехов.

Достижения в области культуры неотделимы от успехов в решении народнохозяйственных задач, как неразделимы материальное и духовное развитие общества.

Грузинская литература, театр, музыка, кино, живопись и скульптура развиваются сегодня на высоком идейно-художественном уровне. Это ярко подтвердилось в период празднования 60-летия Грузинской ССР и образования Компартии Грузии и в оценке, данной грузинскому искусству Леонидом Ильичом Брежневым на товарищеском заседании, посвященном юбилею.

Советская литература всегда была причастна к деяниям народа. И в той напряженной работе, которая проводилась и проводится по освоению морально-психологического климата в республике, огромную роль сыграла грузинская литература, ставшая верным помощником партии в выполнении этой ответственной задачи.

В эпоху неослабевающей идеологической борьбы двух систем особое значение приобретает боеспособность нашей литературы, сегодня как никогда актуальны ленинские принципы ее народности и партийности.

Главная задача мне видится в глубоком, вдумчивом осмыслении содержания нашего времени, раскрытии исторической сущности претворения в действительность наших идей, активном вторжении в жизнь, постижении личности героя-современника, его высокого нравственного потенциала, человека действия, человека духовных исканий, впитавшего опыт поколений.

Большую значимость приобретает литература факта, художественно-документальный жанр, публицистика, ведь в эпоху НТР такая литература несет в себе и огромный эмоциональный заряд, убеждая в преимуществе социалистического строя жизни и разоблачая буржуазную идеологию.

Время доказало, что подлинную ценность представляют собой именно те произведения, которые художник создавал на магистралях века, пристально всматриваясь в происходящие перемены, поддерживая ростки всего нового, передового, бичуя то, что мешает нашему движению вперед.

Одно из величайших завоеваний нашего времени — интернационализм и единение народов Страны Советов. В этом году мы будем отмечать 60-летие образования СССР.

Советская Грузия идет к этой дате в расцвете своей экономики и культуры, который обусловлен намеченными партия перспективами и общим подъемом в жизни республики.

Сегодня в Грузии сложились богатые традиции взаимосвязей и взаимообогащения литератур и культур братских народов СССР.

В республике намечен целый ряд мероприятий, посвященных 200-летию породнения Грузии с Россией. Скрупулезно собираются все памятники материальной и духовной культуры, отражающие историческую дружбу русского и грузинского народов, благоустраивается Военно-Грузинская дорога, где будут созданы мемориалы и памятные уголки, посвященные лучшим сынам России и Грузии, способствовавшим сближению и единению наших народов.

Многие из этих славных дел и начинаний находят отражение и на страницах журнала «Литературная Грузия», который в этом году отметит свое двадцатипятилетие. В течение четверти века «Литературная Грузия» служит благородному делу популяризации грузинской литературы и культуры среди многонационального советского читателя.

В журнале были напечатаны широко известные сегодня произведения многих грузинских прозаиков, поэтов, критиков. Журнал сумел привлечь к своей работе замечательных деятелей советской литературы и культуры.

«Литературная Грузия» постоянно устремлена к самым актуальным проблемам нашей жизни, обращаясь к публикации тех произведений, в которых отражается созидательная поступь республики.

И мне хотелось бы выразить общую надежду и уверенность всех почитателей грузинской литературы, что ее многочисленный творческий отряд и впредь будет идти в ногу со временем, внося свою драгоценную лепту в наше светлое будущее.

**У К А З
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

**О награждении поэта
Чарквиани Д. А. орденом
Дружбы народов**

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить поэта ЧАРКВИАНИ Джансуга Авдидовича орденом Дружбы народов.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.**

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.**

Москва, Кремль.
19 ноября 1981 г.

ДОЛГИЕ ЛЕТА

Я ПИШУ эти строки под впечатлением творческого вечера Джансуга Чарквиани. Да, подлинный и первый ценитель искусства поэта — народ, и истину эту еще раз подтвердил вечер поэзии Джансуга Чарквиани. Пятидесятилетие поэта достойно отметила вся Грузия. Лучшие представители литературной общестственности Тбилиси, множество гостей из различных уголков Грузии слушали его, награждая восторженными, бурными аплодисментами. Вечер, на мой взгляд, явился большим достижением поэзии Джансуга Чарквиани, и ноябрьские дни 1981 года по праву принадлежат ему.

Сегодня Джансуг Чарквиани — в творческом зените. Я от всей души поздравляю его, желаю новых успехов в будущих десятилетиях.

Ираклий АБАШИДЗЕ

В ЭТОТ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ...

ДЖАНСУГУ Чарквиани — 50 лет. Мне казалось — он гораздо моложе. Как быстро бежит время! А мне помнится застенчивый и вежливый безусый юноша, щек которого еще не касалась бритва. Это было давно, очень давно. У него были живые, горящие глаза, он оставлял впечатление энергичного парня. Случилось так, что с самого начала, с первых же нерешительных шагов в поэзии он обратил на себя внимание нашей литературной общественности. Чем больше проходило времени, тем более он мужал, рос на глазах с каждым днем. Стих его становился упругим и образным. Он много искал, проявил энергию и настойчивость, необходимые подлинному творцу. И еще одно я замечал — к нему с любовью относились его друзья-ровесники.

Джансуг Чарквиани очень скоро возмужал и смело стал в один ряд с замечательными мастерами грузинского стиха.

Смелость и самобытность, безграничная верность поэзии и самоотверженность — вот качества, присущие не только его поэзии, но и ему лично. В грузинской поэзии нелегко проторить свой путь, сказать свое, никем еще не высказанное слово, заслужить любовь и уважение народа. Джансуг Чарквиани нашел, что сказать, нашел свою тему и мастерски, непосредственно и непринужденно поет свою песнь во славу Грузии.

Он не гнался за соблазнительным успехом — мастерски отточить, отделать поэтический замысел и предстать перед читателем с сухими и бездушными, лишенными эмоций, безжизненными строками.

Он всегда боролся за здоровый и крепкий стих и всегда достигал намеченной цели.

Стих Джансуга Чарквиани — своеобразен, корни его — в родной почве, и питаются они народной мудростью.

Сегодня Джансуг Чарквиани пожинает радость. Он стоит в поле, на котором хлеб взошел благодаря его заботам.

И я хочу принять участие в его празднике, искренне разделить радость подлинного мастера грузинского стиха.

Да будет всегда щедрым и богатым урожай поэта на всем его долгом поэтическом пути.

Я от всей души поздравляю с этим счастливым днем моего дорогого Джансуга, хочу, чтоб он всегда видел во мне своего брата и друга, почитателя его прекрасной поэзии.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Я НЕ ЗНАЮ человека, которому доставляло бы такую радость делать добро. Все, кто знаком с Джансугом, знают об этой его отличительной черте.

Почти десять лет я работал в редакции журнала «Цискари», когда Джансуг Чарквиани был его редактором. Помню много хорошего. Он оказывал нам, сотрудникам, полное доверие — будут ругать, пусть ругают всех, будут хвалить — разделим и славу поровну. Несказанно бывал рад, когда мы говорили ему, что в редакцию поступил хороший рассказ или же хорошие стихи.

В дивную лечхумскую осень я увидел незамутненный источник поэзии и мужества Джансуга Чарквиани — устремленную в небо Сурмуши и яснее ощутил и понял возвышенную беспокойность его стиха. Там и в самом деле можно «говорить со звездами, с богом».

Я видел столетнего деда Джансуга, Эфрема Чарквиани, подлинное олицетворение махвши¹. В небольших его глазах — печальная улыбка. Он никогда не расстаётся с ружьем — чтоб вовремя отпугнуть прилетевшую «на Таригори» странную птицу — черную тень смерти.

Сидя во главе стола, он посетовал: что поделаешь, иссякла кровь. Нет, не иссякла кровь этого могучего человека. Помню, как внук сказал ему: «Это я, твой Джансуг, говорю, алая ветвь твоей крови»². Нет, не суждено иссякнуть этой древней ветви.

У Джансуга весьма своеобразная, необычная манера читать стихи, в ней превалирует смелый и бурный темперамент, бурлит мощный голос. Сила его стойкости — в любви к отечеству, и в этой любви невольно рождаются строки, которые невозможно читать вполголоса:

«Я ношу во фляге кровь, что отжал в своем сердце!»

Тот, кто знает природу и характер нашего народа, тот не удивится тому, что дало нам право с такой гордостью обратиться к отечеству:

«Ты не глыба земли, ты — гора, и тебя никогда не продать».

Но мы знаем и другого Джансуга, опечаленного пестротой бытия, быстротечностью человеческой жизни. И тогда он шепотом произносит: «Затем — Баграти, затем — Гегути, а вслед — лишь мрак и две свечи».

У Джансуга удивительная способность оживлять и обобщать с первозданной ясностью виденную некогда картину. Медведь, увиденный им в детстве в бродячем цирке в Борчало, видится ему сейчас символом затаившейся смерти:

¹ Махвши — старейшина.

² Здесь и далее строки стихотворений даны в подстрочном переводе.

«Бог знает, кого и когда он укусит, дрессированный зверь, перепачканный опилками цирковыми».

Человек удивительного юмора, он, естественно, любит меткое слово. Острие его сатиры направлено против всего того, что омрачает красоту жизни. К счастью, в своей поэзии Джансуг уделяет этому не много места, он остается прежде всего певцом Красоты, Любви и Счастья.

Джансуг Чарквиани любит вольное, легкокрылое слово, сказанное от сердца; и неудивительно, что многие его стихи стали песнями. В одной фразе, в одном метком определении заключено порой все его безмерное чувство.

«Скажи, сазандари, шаири, скажи, сазандари, дед Вселенной! — Как же я пройду по улице твоей, чтоб не взглянуть на тебя».

Автору этих строк, помимо острого воспроизведения настоящего, присуще живое чувство истории, затаив дыхание, слушает он за гранью столетий плач разрушенной тмогвской крепости, чувствует на теле своем раны, полученные героями Маррабинской битвы. Рыцарский дух этот сквозит во всем, даже в таком удивительном поэтическом видении:

«Я целую раненого орла в очи, потом распрямляю ему крылья и сравниваю себя с ним».

Таким я знаю Джансуга Чарквиани, таким он и будет: надежный помощник в беде, в пиру — незаменимый тамада, человек, понимающий радость и любящий стих.

Разумеется, время берет свое, он не совсем такой, каким я знал его тридцать лет назад, в темно-зеленой рубашке, перетянутой широким ремнем, беспокойного, как ретивый конь.

Что поделаешь, таков закон природы — человеку прибавляются годы, но главное, чтоб он с годами не старел. Составившегося, сломленного годами Джансуга Чарквиани я не могу себе представить.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ |

Белыми дорогами тайги

ЦИКЛ СТИХОВ О БАМе

ТРОЕ И ГИТАРА

Посвящается «Голубому трио»

Вот позади и Омск и Брәтск,
 И начались владенья БАМа...
 Вас трое, только трое вас,
 И на троих — одна гитара...
 Мороз такой, что мир продрог!..
 Но посреди тайги, на БАМе,
 Вы пели так, что дай вам бог!..
 Вы, трое, — и гитара с вами!
 Нас было вместе двадцать семь
 Далекой Грузии посланцев.
 И были мастерами все
 Стиха, мольберта, песни, танца.
 Искусству жизнь могли отдать
 Все, как один, — одна порода!..
 Но зиму так нарисовать
 Один лишь мастер мог — Природа!
 Поэтами мой край богат,
 Стихи и песни — жизнь народа.
 Но здесь, на зимнем БАМе, брат,
 Сама Поэзия — Природа!
 Я на земле — не первый год!
 Но замер я, когда впервые
 Увидел танец-хоровод
 Снежинок над замерзшей Нией!
 И среди таежных снежных чащ,
 Среди природы первозданной
 Вы пели так, что голос ваш
 Звенел, как колокол, над БАМом!
 Сибирским волком ветер выл...
 Но, вопреки стихии, смело
 Среди тайги, среди зимы
 Звучали песни Сакартвело!

Ваш голос слился с тишиной...
Но из морозного тумана
Восстал, как сон, передо мной
Печальный образ Тициана...¹

ОТКРЫТИЕ ТАЙГИ

Таежный голубь на мое плечо
Вдруг опустился, робости не зная...
Как будто опалила горячо,
В закатном солнце пламенем пылая,
Высокая эльдарская сосна
На диком берегу, занесенном снегом...
И над бескрайним и морозным небом,
Высокого волненья не тая,
Внезапно вознеслась душа моя
И воспарила, над Вселенной рея...
Откуда я? Зачем? И где я?
Я, Грузией рожденный, сын
Ее бурлящих рек, долин зеленых
И гордых ослепительных вершин,
Открыл непостижимые вовек
Великих тайн природы чудеса:
Другие горы, реки и леса,
Другое небо, и еще — о боги! —
Другие бесконечные дороги...

* * *

Анзору Двалишвили, Гураму Мгеладзе,
Бубе Улуханову, Джемалу Пагава и всем
землякам—строителям БАМа

В оленьих унтах, в крепких полушубках
В тайгу пришли вы смело и упрямо,
Веселые и щедрые на шутку,
Прокладывать стальную трассу БАМа.
В оленьих унтах крепкими ногами
Шагаете надежно и раздольно...
Энергию своих друзей на БАМе
Я сам аккумулирую неволью!

¹ Стихотворение написано в день, когда Тициану Табидзе исполнилось бы 80 лет...

И опьяненный воздухом таежным,
Готов помериться приливом силы с каждым!
И кашляет в ответ тайга тревожно
Своим морозным и простудным кашлем...
А кроны сосен вековых — как знамя!
И вижу: по заснеженной Сибири
В одном строю шагает вместе с вами
Сам Нестор Каландарашвили!¹

РАБОЧИЕ-«КНЯЗЬЯ»

Дом у него, и все, что надо в доме.
Он горд женой — хозяйкой на все руки,
Доволен сыном — ладным и смышленным,
И множеством друзей по всей округе!
А как работает!.. На труд идет, как воин,
Плечом к плечу стоит с друзьями насмерть.
Как зверь — мороз, и ветер волком воет.
Но рельсы опускаются на насыпь!
Я горд и счастлив, что знаком с такими
Моими дорогими земляками,
Что Сакартвело солнечное имя
Прославили они на трудном БАМе,
Что по-хозяйски строго-деловые
Рабочим шагом в жизнь они шагают...
Что иногда парней Грузинской Нии —
Пусть в шутку, но «князьями» величают!

ВОСПОМИНАНИЕ О ТАЙГЕ

Храбриться было бы здесь глупо:
Пурга подует — враз поднимешь ворот!
На унты и овчинные тулупы
С сосны глядит седой таежный ворон...
Морозный вихрь хлещет нас до слез,
И гром войны грохочет в урагане!
Но для меня, кавказца, сей мороз —
Романтика, любовь к Прекрасной Даме!

¹ Нестор Каландарашвили, прозванный «Сибирским дедом», — революционер, борец за Советскую власть в Сибири.

Домой я голубые письма шлю,
Тайгою очарован, словно сказкой.
Я письма шлю тому, кого люблю,
Лишь на окно смотрю порой с опаской,
Не ведая, когда замрет пурга —
Через неделю или очень скоро...
А на меня в окно, как на врага,
Глядит с сосны седой таежный ворон...

ПИСЬМО ТАМУНИИ ЧАРКВИАНИ

Двадцать третье. Я — в тайге, на Ние.
Здесь, на БАМе, ждут меня друзья.
И, пожалуй, понял я впервые,
Как мне грудно, дочка, без тебя!..
Здесь, на Ние, как в Губазоули,
Карпы серебристые, форель...
Только до весны они уснули!
Лют мороз сибирский в январе!
Под покровом снежным зимней стужи
Замерли деревья, как в строю...
Как сейчас мне хочется послушать
Музыку волшебную твою!
И представил, как в концертном зале
Я сижу, дыханье затаив:
Первые аккорды смело взяли
Пальцы легкокрылые твои...
С тихой грустью, с нежною печалью
Слушаю... И вижу, чуть дыша,
Как витает над твоим роялем
Моцарта бессмертная душа!..

ПЕРВЕНЦУ, РОЖДЕННОМУ В НИЕ-ГРУЗИНСКОЙ

Так повелось из тьмы веков:
Чтоб голову сберечь,
Мы наготове для врагов
Держали острый меч.
Так было испокон веков:
От сабли и пращи,
От злого натиска врагов
Спасал надежный щит.

Так было испокон веков,
И было так всегда:
Взамен разрушенных домов
Вставали города.
Враг виноградник вырубал,
Но всюду и везде
Вставала наша Марабда
Друзьям помочь в беде!
Крцаниси праведная кровь,
Дидгори славный час,
Дух басианских храбрецов
Кипит в сердцах у вас.
И там, где трудно, — всюду вы!
Вы впереди везде,
Мой кавказские орлы, —
В сраженье и в труде!
Вам счастье — беспокойно жить,
И вас позвала даль
В глуши таежной проложить
Стальную магистраль!
Трудились, не жалея сил,
Включившись в общий марш,
И ваше имя получил
Не зря поселок ваш!
Таким — страна большая вся,
Кипенье наших дней...
На славном БАМе родился
Сын Грузии моей!
В семье единой и большой
Свободный гражданин,
Расти, мужай, орленок мой,
Мой маленький грузин!

СНЕГОПАД НАД БАЙКАЛОМ

Снег валит хлопьями такими,
Что, как в тумане, я теряюсь,
Забыв, кто я, свой возраст, имя,
Во всем на свете сомневаясь.
А хлопья прямо в душу входят,
Ее собою заполняя,
И прямо к омуту подводят,
Бездонной пропастью пугая.

Фатой укрытый подвенечной,
Байкал молчит и ждет... О боже!
И я с тоскою бесконечной
Все жду, что кто-то мне поможет!..

В ГОСТЯХ У НАУМОВА

А в доме у Наумова тепло,
И самогон мороженой белугой
Глядит в упор сквозь мутное стекло.
А за окном надрывно плачет вьюга.
Хозяин пододвинул мне стакан,
Наполненный огнем и жаром ада.
Я выпил. И застыл, как истукан!..
Но жаркая истома мне награда...
У печки раскаленной — только тронь! —
Ко мне не проявляя интереса,
Смотрела, не мигая, на огонь
Раскосая таежная принцесса.
Любуясь азиатскою красой —
Прищуром глаз и смуглых щек румянцем,
Я размечтался, будто молодой,
И мысли заплясали, словно в танце!
Ее отец, мой друг — Иван Лукич,
Дремал в тепле, у печки восседая...
И вдруг меня — какая чушь и дичь! —
Пронзила мысль нетрезвая, шаль:
«А что, Лукич, — подумал я. — Сейчас
Я дочку украду, пока ты дремлешь,
И увезу добычу на Кавказ,
В глухую, неприступную деревню...»
Об этом лишь подумать я успел,
Как гром небесный грянул над Байкалом,
И чей-то грозный голос прогремел:
«Попробуй, — вмиг справимся с нахалом!
Гостеприимство наше выйдет боком:
Закон один — для Севера и Юга!..»
...Очнулся я, как будто бы от шока,
А за окном опять стонала вьюга...

Перевод Юрия АНОХИНА

Михаил ДЖАВАХИШВИЛИ

Э К А

Рассказ

Моя мать была состоятельная, добрая и простодушная женщина. Она без памяти любила нашу живописную деревню и вековой лес, наш маленький дом и огромный виноградник, свое хозяйство — кур, индюшат... Любила варить варенье, солить огурцы и капусту, выдавать замуж соседских дочерей, а превыше всего — баловать своего единственного сына-студента, расхваливать его каждому встречному и докучать ему нескончаемыми письмами.

Я был ее утехой и надеждой, предметом пылкого ее обожания. Она молилась на меня, даже имя мое произносила с благоговением и беспрекословно исполняла самые вздорные мои желания и ребяческие капризы.

Ни у меня, ни у моей матери не было больше никого на свете.

Имение наше примыкало к железной дороге, а противоположный край его терялся высоко в горах. Небольшой, но красивый дом — белоснежный, затененный раскидистыми ореховыми деревьями — выходил фасадом на Куру, а задними окнами смотрел на дощатый навес глухого полустанка.

По соседству с нами жило немало почетных и богатых помещиков, но моя мать слыла самой уважаемой, самой просвещенной, самой веселой и радушной женщиной во всей округе. Лето и осень она проводила в деревне: возделывала виноградник, разводила домашнюю птицу, собирала плату с арендаторов и заготавливала немомверное количество варений и маринадов. Когда наступала зима, она приезжала, нагрузившись деревенской

снедь, в Тбилиси и оттуда непрерывно слала мне в Россию банки варенья, деньги и письма.

В тот год я увлекся в Москве одной женщиной, приехал на лето в деревню только в середине июля. Пока я целовался с мамой, выбежавшей мне навстречу, молоденькая служанка отобрала мои вещи у крестьянина, принесшего их со станции, и скрылась в доме так быстро, что я не успел ее толком рассмотреть. Потом мы с мамой пошли в комнаты, уселись друг против друга и завели обычный оживленный разговор близких людей, встретившихся после долгой разлуки.

Мама сообщила мне множество деревенских новостей: в доме Хуцинашвили несчастье, умер Глаха; Титэ привел жену; Георгий продал дом, у нас украли белолобого быка, а буйвол Лома повредил ногу; и в довершение всех этих неприятностей наша служанка Машо взломала мамин сундук, украла ее драгоценный старинный головной убор — чихти-копи, парчовый кушак и алмазную булавку — и бесследно исчезла.

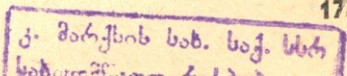
— Теперь у меня новая горничная, — в заключение объявила мама и позвала: — Эка!

В дверях показалась девушка-гурийка¹ лет, примерно, восемнадцати.

— Вот, Эка, это и есть наш молодой барин, — сказала ей моя мать дружески-ласковым тоном. — Ты так нетерпеливо ждала его, так часто справлялась о нем... Ну вот, он и приехал. Иди сюда, посмотри на него. Нравится?

Передо мной стояла высокая, статная, только что расцветшая девушка, стройная, гибкая, как пантера. Смолисто-черные, вьющиеся, неприглаженные кудри волнами струились вокруг ее головы, парили облаком дремучей мглы над гладким, высоким лбом, обрисовывали маленькие уши, бросали нежную тень на округлые плечи и горделиво изогнутую смуглую шею. Из этой воздушной рамки, сотканной из темных нитей, выглядывало небольшое смуглое, безукоризненно правильное лицо. Черты его были совершенны, изящны и соразмерны — точно изваяны искусной рукой. Кожа — слегка тронутая загаром, чистая, нежная, бархатистая. Небольшие яркие губы чуть приоткрыты, меж-

¹ Гурия — одна из исторических провинций Западной Грузии.

ду ними — ровный ряд белых зубов. Осанка — прямая и вольная, голова чуть откинута назад. Выражение лица — открытое, живое и благородное.

Я взглянул на нее — и замер, ошеломленный. И уже не мог отвести взгляд. А она спокойно стояла перед нами, и большие глаза ее словно метали на нас стрелы молний из-под черных бровей.

— Ну как, нравится? — повторила мама свой вопрос.

Эка улыбнулась — блеснули белые зубы — и шепнула, потупив взор:

— Да, сударыня.

— Ну так поди, нарви черешен и угости его.

Эка подняла глаза, улыбнулась, поглядела на меня... Потом легким движением головы откинула волосы со лба и скрылась за дверью.

Мать о чем-то спросила меня; я не ответил. Перед моим взором все еще стояла Эка — и я жадно пожирал взглядом эти рассыпанные по плечам смолистые кудри, эти лучистые, бездонные глаза, эту горделиво изогнутую шею, эти чуть приоткрытые губы — «свежая, алая рана, где дремлет страсть» — вспомнились мне стихи Поля Верлена.

Через некоторое время мы с мамой прошлись по деревне, повидали соседей, родственников и знакомых. Всюду нас приглашали остаться к обеду, но я отказывался, потому что торопился домой.

Когда мы вернулись, я обошел весь дом, заглянул во все комнаты и наконец завернул на кухню. Эка хлопотала у огня, склонившись над кастрюлями. Тонкие золотисто-коричневые руки ее были оголены и блестели мягко, как атлас. Она выпрямилась, взмахом головы откинула со лба прядь волос и с простодушной улыбкой взглянула мне прямо в глаза. Лицо ее разгорелось от жара, щеки пылали, глаза блестели. Я улыбнулся ей в ответ; взор мой был прикован к чуть раскрытым ее губам. Она потупилась, отвернулась и загремела посудой. Я долго не уходил из кухни: рассматривал стены, потолок, пол, кастрюли и паутину в углах.

Девушка достала из кастрюли сваренную курицу и собралась ее разделывать. Но я не дал ей заняться работой и сам схватился за нож. Я возился с курицей, а Эка стояла рядом, смотрела мне на руки и несмело

подсказывала, что надо делать. Когда я нарочно отсек крыло вместе с шеей, она звонко рассмеялась, вырвала у меня нож и сама закончила работу.

После обеда моя мать пошла к себе, чтобы вздремнуть, Эка отыскала во дворе, под самой верандой, тенистое местечко и устроилась там с шитьем. Я взял книгу и расположился на веранде, но не мог сосредоточиться.

Через перила балкона я завел с девушкой разговор. Эка сначала стеснялась и робела; голос у нее дрожал, она заикалась и поминутно краснела. Но скоро мне удалось шутками и ласковостью победить ее робость и оживить беседу. Еще немного, и Эка отложила в сторону шитье, а я уронил книгу на пол. Через час мы совсем освоились, перешли на «ты» и принялись наперебой рассказывать друг другу о себе и о своей прошлой жизни.

Как и я, Эка была сиротой и единственным ребенком у матери. Выросла она в Гурии. В прошлом году мать с дочерью переехали в Тбилиси и стали зарабатывать стиркой. Через полгода мать Эки умерла. Девушка осталась совсем одна и от горя чуть было не последовала за нею. Вскоре после этого моя мать где-то случайно встретила Эку и взяла ее к себе в служанки.

Больше в ее жизни не было никаких значительных событий.

С этого дня Эка завладела всеми моими помыслами.

Первая ночь дома была для меня сплошным мучением. Я очень устал с дороги и рано лег спать, но до самого рассвета не смыкал глаз. Я ворочался в постели, устранивался то так, то этак, закрывал глаза, старался ни о чем не думать, но сон не приходил. Перед моим взором все время стояла Эка со своими волнистыми, черными как смоль волосами, горящими глазами, горделивой шеей, бархатисто-нежным лицом, гибким станом и... чуть приоткрытыми алыми губами, на которых «лениво дремала страсть». Откинув назад голову, она вглядывалась в меня затуманенным взором, надменно улыбалась мне, мучила, истязала меня, заставляла метаться в постели. Явственно ощущал я ее теплое дыхание, ее трепет — и сам трепетал, как лист на ветру, и в мечтах прижимал ее к своей пылающей груди...

Я чувствовал нежное прикосновение мягких, пушистых волос — они щекотали мое лицо, вызывая во мне сладкую дрожь. Охваченный неопишим волнением, я мучительно вздыхал, шарил руками в воздухе и искал эту пленительную девушку, ее гибкий, как лоза, стан... ее нежное, горячее, словно изваянное тело...

Наконец, уже под утро, обессиленный, чувствуя себя совсем больным, я заснул как убитый.

С этого дня начались мои мучения. Образ Эки жил в моей душе и я не в силах был ни на минуту разлучиться с этой девушкой. Я ходил за нею, как тень, я беспрестанно искал ее и, встретив, пожирал голодными глазами — но никак не мог насытиться и вечно испытывал все тот же жгучий голод.

А сама Эка, ничего не подозревая, улыбалась мне — как наивное, неискушенное дитя, радующееся тому, что взрослые играют с ним, готовое доверчиво следовать за каждым, кто ласково поманит его, кто снисходительно согласится с ним поиграть. Во время этих ребяческих игр я то и дело обнимал Эку и прижимал ее к своей груди; мы весело возились, награждали друг друга тумачами, боролись, хохотали — а в душе у меня... Но Эка, казалось, не видела, что творится в моей душе.

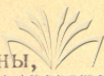
Однажды благодаря моей неосторожности она на мгновение заглянула туда — и, внезапно отрезвев, испугалась. Как-то во время нашей обычной шутилки возни я не выдержал, судорожно стиснул Эку в объятиях и изо всех сил прижал ее к себе; дыхание у меня пресеклось, улыбка сбежала с лица... Эка почувствовала, Эка увидела перед собой вырвавшегося на свободу зверя. Она вдруг вся обмякла, притихла и замерла у меня в объятиях, но тут же опомнилась, выскользнула и убежала. Целую неделю после этого она не подходила ко мне, но потом понемногу перестала дичиться.

Что тут долго рассказывать: Эка была моей первой любовью, первой страстью, мукой и счастьем моей юности.

* * *

Однажды мы с матерью ужинали в гостях по соседству, у моего дяди. Маму я отослал домой рано. Осталь-

Экз. № 135340
СПб. 21101033

ные женщины тоже скоро разошлись, а мы, мужчины, перешли в сад и там засиделись за чаркой допоздна. Я пил мало и хоть был под хмельком, но вполне владел собой. Остальные гости соревновались в питье, опьянели, затеяли ссору, помирились, и наконец, когда уже совершенно обессилели, завалились спать тут же, на мураве. Я отправился домой.

Когда я вошел к себе, петухи пропели во второй раз. Я скинул одежду, но не лег в постель, а сел у окна и стал смотреть вдаль.

Была тихая, мягкая летняя ночь. Полная луна сияла над вершиной горы — она словно обрызгала все вокруг серебряной росой. Теплый, чуть влажный воздух был спокоен и как бы дремал в ожидании утреннего ветра.

Внизу плескалась, бормотала Кура — точно нашептывая сказку росистым кустам, траве, рощам и пригоркам, обступившим ее с обеих сторон. И каждый стебелек, застыв в неподвижности, весь превратившись во внимание, прислушивался к этой утренней сказке. Где-то за полустанком протяжный свисток паровоза прорезал тишину. Эхо подхватило его: свисток повторился в ближнем лесу, потом прокатился по ущелью и наконец затерялся где-то далеко за горами. За свистком последовал нарастающий гул. Он приближался, перешел в лязг и грохот, потом, удаляясь, стал снова слабеть и наконец замер вдали. Вокруг по-прежнему воцарились тишина и безмолвие.

Лунный свет потускнел, потерял силу. Из ущелья вырвался ветерок; сначала он набросился на орешники — листва проснулась, зашевелилась, зашелестела, потом промчался по дому, скользнул в мою комнату, покружил в ней и через открытую дверь вылетел в другую. Вдали, в той стороне, где терялась в сумраке Кура и где заглох шум поезда, на небе высветилась бледно-голубая полоса.

Мозг мой пылал, и в висках стучали сотни молотков, дрожь сотрясала тело. Раз двадцать за последние полчаса я собирался пройти в ту комнату, где спала Эка, но не хватало смелости. Я трусил и стыдился, что-то крепко держало меня, и, скованный незримыми путями, я не мог сдвинуться с места.

Потом перед моим взором ярко и четко предсталла заманчивая картина: залитая лунным сиянием постель и на ней — обнаженная девушка со свободно раскинутыми тонкими руками, с разметанными густыми кудрями и чуть приоткрытым алым ртом. Я стряхнул незримые путы, сковывавшие меня, и тихонько, на цыпочках, направился к комнате Эки.

Перед ее дверью я остановился, прислушался: нигде ни звука. Я осторожно повернул дверную ручку и встал на пороге. В голове у меня гудели колокола, жилы на висках готовы были лопнуть, горло пересохло, я тяжело дышал. Я всматривался в полутьму. Колени у меня подкашивались, лицо горело — на мгновение у меня потемнело в глазах, я зашатался...

Затаив дыхание, неслышными шагами приблизился я к постели девушки и склонился над нею. Я вглядывался в спокойное, сонное ее лицо, но что при этом думал и что собирался делать — не помню. Я ничего не сознавал, голова у меня кружилась, мысли путались и перед глазами плясали искры. Я ли разбудил Эку? Проснулась ли она сама? Секунда — и она забилась в моих объятиях. Смутно припоминаю, что сперва я умолял Эку не поднимать шума, а потом дрожащим голосом, поминутно сбиваясь, бормотал что-то бессвязное, просил, требовал, угрожал, а порой, внезапно вспомнив об осторожности, уговаривал и успокаивал ее.

Потом между нами завязалась безмолвная борьба. Это была ожесточенная, безжалостная, отчаянная схватка. Взбешенные и распаленные, ярились мы, как звери, и беспощадно терзали друг друга. Эка понемногу теряла силы и уже едва сопротивлялась. Глаза у нее затуманились, она обмякла и замерла.

На мгновение мы прекратили борьбу и отдыхали, тяжело дыша. Я думал было, что уже добился победы, и слегка ослабил свои цепкие объятия. Но Эка внезапно толкнула меня изо всех сил в грудь, выскользнула, словно рыбка, с молниеносной быстротой из моих рук и выскочила как была, в одной рубашке, на балкон...

Я бросился за нею. Легкий белый призрак мелькнул на лестнице — в три прыжка сбежала Эка по ступеням во двор и в мгновение ока скрылась в густой тени орешников.

Я погнался за девушкой. Шагах в десяти впереди меня летело с поразительной быстротой белое видение.

Я видел перед собой легкую рубашку, босые ноги Эки, ее распущенные, растрепанные волосы, ее голые руки и шею; я слышал, как шелестела легкая ткань, как шептала под ногами девушки трава, и стремился вперед, напрягая все свои силы, весь превратившись в одно желание: настичь, схватить эту рубашку, эти волосы, эти руки, этот гибкий стан...

После короткого, безумного бега я догнал Эку и протянул вперед руки, чтобы схватить ее. Но белая рубашка мелькнула перед самым моим носом, метнулась вбок, скрылась среди виноградных кустов...

Я продолжал преследование. Виноградник наполнился шорохом, шелестом и хрустом. Нежные побеги лоз трещали и осыпались на землю. Белая рубашка то уносились прямо вперед, то бросалась из стороны в сторону.

Я изловчился, забежал сбоку, пересек ей дорогу и опять протянул руки, чтобы завладеть добычей, — но вместо Эки обнял виноградный куст. Я снова помчался за нею и снова нагнал ее, но на этот раз запутался среди гибких ветвей лоз и с размаху грохнулся лицом вниз.

В ту же минуту я услышал треск ломаемой изгороди. Белая рубашка мелькнула над нею и исчезла.*

Я бросился следом. Эка ворвалась в густую, колосящуюся ниву, помчалась через поле, пролетела с быстротой косули, спасающейся от борзых. Оба мы неслись, не обращая внимания на колючки, канавы и колдобины, не замечая препятствий. Рубашка и развевающиеся волосы стремились вперед, а я следовал за ними, как тень, не отставая ни на шаг.

Раза два я опять нагонял Эку — но белый призрак каждый раз ускользал от меня, отскочив в сторону с проворством рыси. И девушка с развевающимися волосами продолжала свой бег через густую ниву, оставляя за собой широкий след из полегших колосьев.

Но вот беглянка изнемогла, откинула голову назад и замедлила шаг. А я собрал последние силы и понесся со всей быстротой, на которую был способен. Она оглянулась, увидела, что я настигаю и вот-вот готов

схватить ее, но не смогла прибавить шагу и на этот раз даже не попыталась броситься в сторону.

Через минуту поле осталось позади. Эка вбежала в кустарник, но тут же остановилась в полном изнеможении за большим кустом боярышника. Я вовремя подхватил ее — иначе она бы упала, — подхватил и прижал задыхающуюся, дрожащую, плавающую в поту девушку к своей груди. Она безвольно повисла у меня на руках и уронила голову на мое плечо.

Охваченная лихорадочным трепетом, Эка судорожно ловила ртом воздух. Сердца у нас бешено колотились, оба мы еле дышали. Глаза Эки были полузакрыты, вся расслабленная и обмякшая, она отдыхала. У меня тоже дрожали колени, волосы прилипли к потному лбу, голова кружилась и в ушах звенело. Мы вместе упали на росистую траву.

Через несколько мгновений Эка отдышалась и заговорила. Она плакала, умоляла пожалеть ее, пытаюсь смягчить меня поцелуями, но я был глух к ее мольбам, не обращал внимания на ее слезы.

Зверем я был в тот час и совершил звериное деяние.

* * *

Там, на берегу Куры, под кустом боярышника, похоронила Эка свою невинность и девичью честь.

Полубесчувственная, униженная, полная жгучего стыда, девушка лежала ничком на росистой траве и тихо плакала. Все тело ее сотрясалось, как от озноба; в смолисто-черных волосах, всклокоченных и измятых, запуталось множество соломинок, травинок и всякого сору; мокрая от росы рубашка была местами заляпана глиной. В нескольких шагах от нее, за кустом боярышника, стоял я — стоял, словно одереvenев, насупясь и бессмысленно глядя за реку. Огонь в моем сердце погас, оно было полно жгучего яда и охвачено леденящим холодом.

Занималось утро. Из ущелья за Курой повеял студеный ветерок, зашелестел листьями, пригладил траву, взволновал ниву. Восток порозовел. Кура журчала, рокотала, бормотала — шум ее то замирал и терялся в прибрежных зарослях, то словно приближался и доносился из-за соседних кустов.

Я промок от росы с головы до ног. Влажное белье прилипло к моему телу. Мне было стыдно и страшно. Я не смотрел на Эку и прятался от ее взгляда. Я не знал, что теперь делать. Мне хотелось скрыться, тайно бежать, покинуть навсегда эти места, забыть мое минутное безумие. Но как быть сейчас? Я не мог ничего придумать, ни одна мысль не приходила мне в голову. Всеми силами своего существа я старался изобрести какой-нибудь способ прокрасться в свой дом так, чтобы никто не увидел меня в одном белье и не узнал о моем позоре. Я напрягал ум, ломал себе голову, но нить моих мыслей рвалась и путалась, я не мог связать воедино ее обрывки, разобрать начала и концы — словом, ни до чего не мог додуматься. Я весь отупел, одеревенел, окаменел...

— Пойдем... — прошептал я наконец, окинув взором поле, тропинки и дорогу и убедившись, что поблизости никого нет.

— Вставай, пойдем... — повторил я, по-прежнему отворачиваясь от девушки.

Эка встала. Я подошел к ней, но не мог взглянуть ей в лицо и опустил голову.

Мы съежились, сжались, пригнулись к земле и пошли через пшеничное поле. Нива только что казалась такой высокой и густой, а сейчас как будто нарочно, назло нам, стала низкой и редкой. Нас было видно за версту. Шли мы быстро, почти бежали, но никак не могли добраться до цели — словно дорога, опять-таки нарочно, назло нам, растянулась и стала бесконечной. Мы крались, как воры, на каждом шагу оглядывались по сторонам и пугались каждого куста.

Эка больше не плакала. Лицо ее было угрюмо. За этот час она похудела и истаяла так, как будто перенесла долгую болезнь. Глаза ее глубоко запади в орбиты, и глядела она так, словно одновременно видела и впереди, и справа, и слева от себя.

Мы дошли до виноградника и теперь с хрустом и треском пробирались через ряды лоз. Увидев перед собой наш дом, я струсил, ноги у меня задрожали, шаг стал неуверенным. Хотелось повернуть назад, убежать, спрятаться — но я победил страх и продолжал с величайшей осторожностью продвигаться вперед. Каждый высокий стебель травы, каждую ветку перед собой мы

отодвигали руками и так, крадучись, прокладывали себе путь.

Добравшись до края виноградника, мы остановились. Я взглянул на Эку и испугался: притаившись за двумя большими виноградными кустами, стояла она, вся сжавшись, с бессильно висящими руками, худенькая и жалкая. В глазах у нее застыло выражение горя, отчаяния и безграничного ужаса. Губы ее дрожали, тело бил озноб. Передо мной была просто испуганная, несчастная, бессловесно-покорная девочка. Мне стало невыносимо жаль ее, но я ничего не сказал — да и что я мог ей сказать?

— Пстой здесь. Я пойду вперед, а ты — потом.

Поглядев по сторонам, я пустился к дому, прячась за стволами орешников, перебегая от дерева к дереву. У подножия последнего ореха я остановился, чтобы перевести дух и посмотреть, что делается во дворе. В висках у меня стучало, сердце подкатывалось к горлу, рту пересохло; я весь пылал и от слабости еле стоял на ногах.

Кое-как отделился я от древесного ствола и вдруг застыл на месте: прямо перед собой в окошке я увидел маму, она смотрела на меня. Тем временем подошла Эка и замерла у меня за спиной.

Я уперся взглядом в землю и едва доплелся до лестницы. А поднявшись наверх, бросился к себе в комнату, запер изнутри дверь и упал ничком на постель.

Прошло немного времени. Из соседней комнаты донеслись до меня приглушенные голоса. Я подошел к двери и прислушался. Моя мать что-то говорила Эке. Голоса скоро смолкли, и снова наступила тишина. Я был весь разбит и валился с ног. Тело у меня ныло, словно мне переломали кости. Голова моя, точно налитая свинцом, валилась то на одну сторону, то на другую. Я снова прилег. Как же я теперь покажусь матери на глаза? Эта мучительная мысль не давала мне покоя.

Минут через десять во дворе послышался какой-то шум. Прислушавшись, я понял, что это наш работник закладывает арбу. Я встал и, притаившись сбоку у окна, осторожно выглянул на двор. Работник застелил арбу ковром, бросил в нее небольшой узел и стал смазывать аробную ось мылом. Смысл происходящего был мне ясен. Но я все же не верил глазам — не хотел, не

мог поверить и все еще надеялся, что ожидания мои не оправдаются.

Но вот во дворе показалась Эка. Едва волоча ноги, добрела она до арбы. Голова ее была закутана шалью, так что виднелась только часть лица. Она остановилась около арбы, схватилась за перекладину, обернулась и увидела меня. Я отскочил от окна как ужаленный. Потом украдкой снова выглянул во двор. Эка сидела на арбе, не сводила глаз с моего окна и чего-то ждала. Вид у нее был жалкий, несчастный. Работник вытянул буйволов хворостиной, арба тронулась. Эка' еще некоторое время смотрела на мое окно, а потом легла в арбе ничком и уткнулась лицом в свой узел.

Кажется, она плакала. Наверно, плакала...

Вдруг что-то укололо, обожгло меня. Сжалось, запыло сердце... Я хотел выскочить на двор, побежать за арбой, догнать Эку и сказать ей хоть слово: попросить прощения, утешить или подать какую-нибудь надежду... Но смелости у меня не хватило. Усталый до изнеможения, обессиленный, я еле добрался до постели, повалился на подушки и разразился горячими слезами, оплакивая свою утраченную честь и опозоренную юность.

Мама пощадила мое самолюбие и ни разу даже не заикнулась о моем постыдном поступке.

* * *

Время все стирает, уничтожает, испепеляет... и отдает пепел ветру забвения... Потускнела, перегорела и эта история — затерялась среди треволнений моей причудливой жизни. Но какие-то невыкорчеванные корни все же остались в темном уголке моего сердца. Временами под пеплом что-то тлело, и сердце принималось ныть, как больной зуб: я вспоминал свое малодушие и свою трусость...

Почему я не заступился за Эку, когда мама отсылала ее? Почему не окликнул ее, не подал голоса? Почему не нашел для нее ни единого слова утешения? Почему не протянул ей на прощание руку? Почему хоть не сказал ей спасибо за мгновение испытанного счастья? Почему не разыскал ее потом, позднее, — почему?

Почему?

С тех пор прошло уже пятнадцать лет. Не раз водилось мне в жизни испытать любовь, увлечение, ми-

нутное самозабвение. Мне хорошо знакома их власть, и я знаю им цену. Что значила в моей жизни та безумная ночь? Кем была для моего сердца Эка? Первая и последняя ночь первой любви — незабываемая, нетленная; ночь неземного блаженства — ночь необузданного порыва — страстного, яростного, звериного и трусливого.

Долго я старался найти для себя оправдание или хотя бы смягчающее обстоятельство, но ничего не мог придумать. Единственное объяснение, единственная причина, на которую я мог бы сослаться, — то, что я был любимым сыном, заласканным, избалованным, ни в чем не знавшим отказа и своевольным. Но какая же это причина? Разве это объяснение? Кто примет подобное оправдание? Разве можно простить мою вину? Конечно, нет! Да я и не жду прощения, не ищу оправданий, потому что сам не оправдываю себя.

Кончились мои студенческие годы. Я вернулся в Тбилиси и занялся врачебной практикой. Счастье улыбалось мне, и я скоро составил себе имя. Я работал в одной из городских больниц. Прошло десять лет. Я устроился своим домом, завел семью. Дети мои подрастали.

Однажды я был дежурным в своей больнице. Шел амбулаторный прием. Я осмотрел всех, кто был записан. Тут мне сказали, что в приемной дожидается еще какая-то женщина с ребенком.

— Просите!

Склонившись над столом, я записывал в книгу уже осмотренных пациентов. Вошла женщина; она вела за руку подростка.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал я заученные слова.

Потом поднял голову и взглянул на посетителей. Меня словно ударило. Я вздрогнул, вспыхнул, смеялся. Передо мной стояла Эка.

Растерявшись, я сначала опустил голову еще ниже, словно хотел спрятаться от нее. Потом поднял глаза и принялся рассматривать нежданную гостью.

Никогда — ни до того, ни после — не видел я такой женщины! Стройная, статная, прекрасно сложенная, с нежным, чистым лицом, алыми губами и большими глазами; черные, шелковистые вьющиеся волосы обрам-

ляют лицо и спускаются на высокую грудь; кусок легкого шелка кокетливо брошен на горделивую шею и покатые плечи. Нежные руки и точеные пальцы красноречиво говорят, что тот, кому Эка принадлежит, знает ей цену и холит ее, как она того заслуживает.

Рядом с Экой стоял мальчик лет десяти. Я сразу узнал в нем самого себя: каштановые волосы, голубые глаза, короткий нос, круглый подбородок и родинка, моя родинка под левой бровью!

Мой сын! Это был мой сын! Все, все в нем было мое: волосы, лоб, глаза и брови, нос, подбородок и родинка, моя, моя родинка возле левого глаза!

— Эка... Не узнаешь меня?.. — пролепетал я с вымученной улыбкой.

— Да, сударь... Узнала, как же, но... — она смугилась, замолчала и стала поправлять мальчику воротник... — Извините нас, сударь... Я не знала... Не знала, а то бы... — и она повернулась к двери.

— Эка, постой! Куда ты? Этот мальчик... Сколько ему лет? Как его зовут? Хоть это скажи!

— Нет, сударь, ах, нет!.. У него отец есть... Родной отец, свой собственный... Семь годков ему минуло... Нет, нет, не подумайте чего-нибудь, сударь!..

Мальчик удивленно взглянул на мать. Я понял: Эка скрывала от меня правду.

— До свидания, сударь... Извините за беспокойство.

Эка извинялась! Эка просила прощения! И, смущенная, пятилась к двери.

— Идем, Гоги, родной, идем!

Мой сын! Мое имя!

Эка открыла дверь, и оба вышли в коридор...

— Эка, подожди!.. Одно слово, одно лишь слово!..

Я бросился к двери, но... Но овладел собой, удержался, как и тогда, десять лет назад... Сдержанность культурного человека... и все та же трусость... Все это оказалось сильнее меня.

В ту ночь я не смыкал глаз. Эка была навсегда потеряна для меня. Я и не искал ее.

У меня есть семья — жена, дети... Но... кто знает, не была ли Эка той, кого предназначила мне судьба?

Кто знает? Кто скажет? Кто угадает?

РОЛЬ ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕЙ АКТРИСЫ

ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

1. ВЕДУЩИЙ — молодой человек.	8. ЗУРИКО — 25 лет.
2. АННА — 22 года.	9. ИЛИКО — 58 лет.
3. МЕГИ — 22 года.	10. ЭЛО — 50 лет.
4. УЧА ГАМРЕКЕЛИ — 54 года.	11. КЛАВДИЙ — 56 лет.
5. НАТО, жена Учи, — 50 лет.	12. ГАМЛЕТ — 45 лет.
6. ГЕРТРУДА — 50 лет.	13. МАТЬ АННЫ — женщина средних лет.
7. ОФЕЛИЯ — 45 лет.	14. МЕДСЕСТРА — молодая женщина.
	15. ХОР ДЕВУШЕК.

I.

На сцене все участники спектакля.
В углу стоят Ведущий и Девушка.

ВЕДУЩИЙ: Ну, смотри, не подкачай!

ДЕВУШКА: Ладно, ладно, не бойся!

ВЕДУЩИЙ: Главное, чтобы ты не боялась. Ты мне все уши прожужжала: я такая талантливая! — вот теперь докажи! Текст выучила?

ДЕВУШКА: Опомнился!

Показывает тетрадь.

ВЕДУЩИЙ: Не размахивай так, дай сюда!

ДЕВУШКА: Пусть будет у меня, так мне спокойнее.

ВЕДУЩИЙ: Смотри, не подведи меня!

ДЕВУШКА: Они ногами, ногами колотили в дверь...

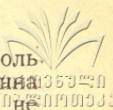
ВЕДУЩИЙ: Ты не слушаешь?

ДЕВУШКА (с улыбкой): Мне трудно начать.

ВЕДУЩИЙ: Самое трудное — потом. Впрочем, посмотри... Теперь ступай, выйдешь, когда я подам знак.

Девушка выходит.

ВЕДУЩИЙ (обращаясь к залу): Мы, актеры, решили показать вам спектакль, в основе которого лежит история, случившаяся в нашем театре: ровно год назад мо-

лодая начинающая актриса, которой была поручена роль Офелии, не явилась на премьеру. Ее звали Анна. Анна не явилась не только на премьеру, она вообще больше не появлялась. Исчезла без следа. С того дня ее никто не видел. У нас осталось мучительное чувство вины. Оно, разумеется, мучит не всех одинаково, но все одинаково хотят раз и навсегда от него избавиться.

Согласно моему сценарию, все участники спектакля с самого начала должны быть на сцене. По ходу пьесы им придется самим строить декорации — если можно так выразиться, они должны сконструировать самолет в воздухе.

Разумеется, вы догадываетесь, что подлинные персонажи этой истории в нашем спектакле не участвуют.

Единственный человек, не являющийся членом нашей труппы, — это девушка, с которой я сейчас разговаривал. Она четвертый год подряд сдает в театральный, но безуспешно. Я знаю ее давно, но совсем недавно обнаружил, что она очень похожа на Анну...

УЧА (смотрит на часы): Давайте начинать, чего мы ждем?

ВЕДУЩИЙ: Сию минуту! (К залу): Это главный режиссер нашего театра, Уча Гамрекели, постановщик «Гамлета», открывший Анну...

УЧА: Разве кого-нибудь не хватает?

ВЕДУЩИЙ: Призрака нет!

МЕГИ (оживляясь): Хочу Призрака-а-а!

ЭЛО: Меги, как ты себя ведешь?

МЕГИ: Покажите Призрака!

УЧА: Чем скорее мы кончим эту комедию, тем лучше. Я, признаться, устал. (Жене): Ты ведь тоже устала, Нато?

Нато улыбается в знак согласия.

— Вот и жена моя устала.

ВЕДУЩИЙ: Надо вспомнить некоторые детали. Мы же договорились?

УЧА: Тогда чего же мы ждем? Давайте оставим в покое призраков, колдуний, чертей и приступим к делу.

ВЕДУЩИЙ: Сейчас, одну минуту... (Кричит): Анна! Анна!

ВСЕ (удивленно): Анна?

ВЕДУЩИЙ (кричит): Анна!

АННА (из-за кулис): Бегу, бегу!

На сцену вбегает молодая исполнительница роли Анны, все смотрят на нее с удивлением.

АННА (Ведущему шепотом): Прости! (улыбается). Я оглохла от страха.

МЕГИ: Да, но... Пойдите, пойдите! Это же не Анна!

ВЕДУЩИЙ: Совершенно верно, это Призрак.

МЕГИ: А волосы постригла совсем как Анна. Правда, Анне эта стрижка шла больше, верно, Зурико?

АННА (Меги): Эй ты!

МЕГИ: Что вам угодно, уважаемый Призрак?

АННА: Сейчас узнаешь, что мне угодно!

ВЕДУЩИЙ (кричит): Замолчи! Обе замолчите!

Спустя некоторое время — спокойно:

— Отвечай, ты живешь одна?

АННА (наконец отрывает взгляд от Меги): Я обязательно должна отвечать?

ВЕДУЩИЙ: В таком случае для чего мы здесь собрались?

ХОР ДЕВУШЕК: Да, Анна жила одна, но это совсем не означает того, что вы подразумеваете под «одинокой жизнью». Квартира Анны была нашей берлогой, нашим «островом свободы». Когда у кого-то из нас случалась радость, мы отмечали ее у Анны: собирали деньги, покупали шампанское, половина проливалась, пока бутылку откупоривали... Такой же общей бывала беда каждой из нас. Если кто-нибудь получал двойку или влюблялся в знаменитого и совершенно недоступного для таких безмозглых девочек мужчину, мы дружно, громко ревели — всласть, всем скопом.

МЕГИ: Из-за двоек ревели?

АННА (Ведущему): Скажите, чтоб она помолчала.

ВЕДУЩИЙ (Меги): Пожалуйста, Меги, помолчите. (Обращаясь к Анне): Но почему они постучали именно к тебе?

АННА: Это нетрудно угадать.

МЕГИ: Действительно, что тут угадывать!

ВЕДУЩИЙ (строго): Меги, прошу вас... (Обращаясь к Анне). И все-таки?..

АННА: Я ведь на первом этаже живу.

ВЕДУЩИЙ: И что же было дальше?

АННА: Дальше? (Что-то вспоминает, потом продолжает с улыбкой): Потом я испугалась.

ВЕДУЩИЙ: Чего?

АННА: Как это чего?

МЕГИ: Анна была поумнее, хотя для призрака и эта не так уж глупа.

АННА (Ведущему): Я пойду!

ВЕДУЩИЙ (сердится): Что значит «пойду»? Ты забыла, как умоляла меня вывести тебя на сцену? Вот тебе твоя сцена! (Спокойно) Не обращай внимания. Скажи louder, чего ты испугалась.

АННА (заглядывает в тетрадь): Вы не знаете, что значит жить одной. Я стояла посреди комнаты и дрожала. Они ногами колотили в дверь. Я открыла...

ВЕДУЩИЙ: А говоришь — испугалась...

АННА: Сама не знаю, почему я открыла. Их было двое. Раненого они вытащили с трудом, уложили на кровать. Попросили меня вызвать неотложку. Не попросили, а закричали. Не знаю, почему они сами не позвонили. Они сразу ушли... Нет, они были трезвые... Больше ничего не сказали... Один из них плакал... Они ушли, убежали... Может, они са-

ми его ранили. А может, испугались, как бы их не обвинили...

ВЕДУЩИЙ: Но ведь обвинить могли и тебя.

АННА: Этого еще не хватало! (Изменившимися голосом): Врачи сказали, что если бы я не открыла, он бы умер. Как же я могла поступить иначе?

УЧА: Я никак не пойму до сих пор, какую роль исполняет эта незнакомая девушка?

ВЕДУЩИЙ: Эта девушка попытается делать то, что делала бы Анна. Они ровесницы, мыслят примерно одинаково и живут одинаково...

МЕГИ: Призрак тоже живет один?

ВЕДУЩИЙ: Да, эта девушка, как и Анна, живет одна.

УЧА: А настоящую Анну до сих пор так и не нашли?

ВЕДУЩИЙ: Уважаемый Уча, вы открыли бы дверь незнакомым, впустили бы к себе раненого среди ночи?

УЧА: Я? (Смотрит на жену. С улыбкой): Как бы мы поступили, Нато? (Ведущему): Я вам не могу сказать точно, но скорее всего мы бы не открыли. И не только я, но большинство поступило бы так же. В больницу, конечно, повезли бы и носилки бы сами тащили, обливаясь потом, не отходили бы ни на шаг, но в дом бы не впустили. А перед совестью оправдывались бы тем, что в больнице за ним лучше присмотрят. Вот так!.. Причину вы знаете лучше меня — это страх. Мы, которые боимся, понимаем друг друга, но не понимаем эту девушку, которая поступила иначе.

Анна, как замороженная, смотрит на Учу.

ВЕДУЩИЙ (обращаясь к Анне): Очнись, твой черед!

АННА: Простите... (Заглядывая в тетрадь). Я растерялась... Вот, нашла. (Уче). Помните, как вы накричали на меня?

УЧА: Накричал? Не помню...

АННА: Мне кажется, это было сто лет назад. Я только что окончила институт и собиралась начать цыганскую жизнь внештатной актрисы, когда вы меня позвали. Я примчалась как сумасшедшая. По лестнице бежала, стуча своими сабо. «Дегенератка, ты ходишь, как поезд», — говорил мне мой педагог Гамлет. В тот день я поняла, что он говорил правду. Я приоткрыла дверь в ваш кабинет, и вы сказали: «Войдите». Я вошла; терпеть не могу, когда с незнакомыми людьми говорят на «ты». «Садитесь, будьте добры», — сказали вы. Я соизволила быть доброй и села. «Что вам угодно?» — спросили вы, и я пожалала плечами, дескать, не мне что угодно, а вам что от меня надо? Некоторое время вы внимательно на меня смотрели, а я стала смотреть в окно, чтобы показать, что меня нисколько ваш взгляд не смущает. «Вы слышали что-нибудь об Офелии?» — спросили вы. Я всем телом ощутила, что это была не насмешка, вам, действительно, было интересно, знаю ли я, кто такая Офелия. «Да, слышала», — сказала я. «Хотите сыграть роль Офелии?». Ва-

ши слова словно выбили почву у меня из-под ног, я с трудом проглотила слюну и сказала: «Откуда вы знаете, что я хочу сыграть Офелию?» «Все хотят», — засмеялись вы. «Возможно, — ответила я почему-то раздраженно, — но вот я, например, не стала бы исполнять эту роль». «Почему же?» — спросили вы. Видимо, мой ответ был неожиданным. «Потому что боюсь». Вы подошли ко мне, взяли меня за подбородок и заглянули мне в глаза. И я почувствовала, что сейчас расплачусь. С трудом удержала слезы. Вы опустили руку, вернулись к своему креслу, сели и закурили. Не скоро я услышала опять ваш голос: «И все же, чего вы боитесь?». Я чуть не закричала: «Откуда я знаю, чего боюсь, почему люди боятся пожара, землетрясения, урагана»... Хорошо еще, что эти глупости я не произнесла вслух... Не могла же я признаться, что боюсь всего, о чем мечтаю... Мы долго сидели молча. Потом вы попросили, чтобы я рассказала что-нибудь о себе. А я лишилась дара речи. Сначала вы смотрели на меня с улыбкой, потом, оттого что я продолжала молчать, видимо, вышли из себя и прикрикнули на меня. (Улыбаясь) Между прочим, прикрикнули на «вы». (Продолжает рассказывать). Тогда уже не знаю, от страха или еще от чего, я открыла рот, и меня понесло. Я рассказала все, что знала и чего не знала, сказала даже о том, что в комнате у меня висит портрет дяди, погибшего на войне, что мама посылает мне тридцать рублей в месяц и что я очень рада, что живу одна... Потом вы повели меня на репетицию...

КЛАВДИЙ (читает): «Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?»

ГАМЛЕТ (читает): «Верите ли — превосходно».

ВЕДУЩИЙ (хлопает в ладоши): Хватит, довольно. «Гамлета» мы уже сыграли, причем с успехом. Лучше позаботимся о нашей покойнице.

УЧА: Покойнице?

ВЕДУЩИЙ: Давайте еще раз вспомним все мелочи. Постепенно докопаемся до истины. Из маленьких камушков вырастают большие дома. Продолжай, Анна!

Анна смотрит на Учу и не слышит.

МЕГИ: Эй, призрак, тебе говорят!

АННА (приходит в себя): Сейчас, сейчас... Я все перепутала...

Листает тетрадь.

ВЕДУЩИЙ (кричит на нее): Ты же сказала, что вызубрила роль назубок.

АННА (с беспомощной улыбкой): Я забыла.

УЧА (подходит к Анне): Вы знали Анну?.. Настоящую Анну?

АННА: Нет, не знала.

УЧА (улыбаясь): А может, вам известно, что вы на нее похожи?

АННА: Нет, и это мне неизвестно.

ХОР ДЕВУШЕК. Когда мы говорили: «Твой Уча — ста-
рик!» — она затыкала уши и стояла, улыбаясь... (Обра-
дась к Анне): Послушай, он ведь женат!

АННА (затыкая уши): Я ничего не слышу, ничего не слышу....

ХОР ДЕВУШЕК: О, Зурико был совсем другой: краси-
вый, порядочный, образованный... В машине, под задним
стеклом, у него всегда лежали книги...

АННА: И маленький венчик!..

В МАШИНЕ У ЗУРИКО

ЗУРИКО: Я слышал, тебя в театр приглашают.

АННА: Да.

ЗУРИКО: Наверно, программки продавать.

АННА: Нет.

ЗУРИКО: Ах, извините! Только не говори, что тебе пред-
ложили роль Офелии.

АННА: Давай поедем на Тбилисское море.

ЗУРИКО: Пожалуйста, но что мы будем делать на мо-
ре в такой холод?

АННА: Сначала поедем, а там что-нибудь придумаем.

ЗУРИКО: И все же почему тебе дали главную роль,
почему доверили такое важное дело?

АННА: Вызвали и сказали: из этой роли ты должна вы-
кроить красное платье и пестрые штанишки с кружевами.

ЗУРИКО: Вот видишь, ты и роль-то свою не любишь!

АННА: А что или кого я еще не люблю? Между прочим,
дорогой Зурико, от этого слова у меня начинается ал-
лергия — смех нападает, я хохочу и остановиться не могу...

ЗУРИКО: Потому что тебе стыдно.

АННА: Помираю просто со смеху. Стыдно? А почему
мне должно быть стыдно?

ЗУРИКО: Ведь любовь теперь считается чем-то провин-
циальным.

АННА: И ничего подобного! Любовь для меня — белая
какета с золотым гербом и кучером в парике.

ЗУРИКО: Поэтому я и говорю, что тебе стыдно. Лю-
бовь нынче не в моде!

АННА: Зурико, Зурико! Ты говоришь как старик.

ЗУРИКО: Потому что говорю правду?

АННА: Когда любят, так много не говорят! Останови ма-
шину!

ЗУРИКО: Ты же хотела на море?

АННА: Передумала. Знаешь, я тебя даже на запятки
какеты не пушу.

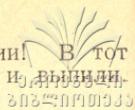
ЗУРИКО (смеясь): Все же я тебя допек!

АННА: Как бы не так! Меня допечь не так просто. А
теперь вези меня домой. Если ты занят, я пойду пешком.

ЗУРИКО: Ну зачем же пешком, я все равно туда еду,
заодно и тебя доведу.

ХОР ДЕВУШЕК: У Анны от радости кружилась голова.
В ту минуту она любила всех. Это ведь не шутка, когда

тебя приглашают в театр и предлагают роль Офелии! В тот вечер мы собрались у Анны, купили шампанское и выпили. Половину опять разлили...

Анна со стаканом в руке выходит вперед.

АННА: Как хорошо, когда кто-то тебя увидит, заметит. Хорошо, когда ты нужна кому-то. Как хорошо, когда знаешь, что кто-то о тебе думает, кто-то о тебе помнит. Вот, оказывается, как устроен этот мир: если ты знаешь наизусть хотя бы одно стихотворение, непременно, непременно, непременно кому-нибудь, когда-нибудь понадобишься...

ДЕВУШКИ: И мы потеряли Анну. Мы больше не встречали ее, не видели, не слышали ее голоса. Анна переселилась в театр полностью и все унесла с собой: радости, печали, песни... Для нее больше не существовало друзей, телефона, пластинок, кино... Домой она возвращалась поздно, усталая, переполненная дневными впечатлениями, возбужденная... Лежала в темноте с открытыми глазами и думала...

АННА: Я лежала и думала, когда наступит рассвет. И во сне я опять была в театре, на репетиции, с вами... Там, где были вы, я чувствовала себя счастливой. Как только вы уходили, мир пустел. Я превратилась в вашего спутника, вернее, в вашу тень. Я ходила за вами по пятам, ждала на улице, часами сидела на лестнице в том подъезде, куда вы ходили два раза в неделю. Я знала, кто там живет — актриса из нашей труппы, потому сердце мое разрывалось от безумных, неистовых мыслей и намерений. Мне казалось, что душу мою терзают стальные когти ревности. Один или два раза я подходила к дверям, не знаю, какая добрая сила удержала мою руку, тянущуюся к кнопке звонка.. Что бы я сказала, если бы дверь открыли вы или хотя бы она — та, которая была якобы подругой вашей жены... Когда я шла следом за вами по улице, я не видела никого и ничего, кроме вас. Я не сводила с вас глаз, словно бы были ребенком, оставленным на мое попечение. В самом деле, меня не покидало необъяснимое чувство тревоги, мне казалось, что если я отведу свой взгляд, с вами что-нибудь случится, или машина наедет, или кирпич на голову упадет, или, чего доброго, вас похитят... И в то же время это чувство тревоги было мне знакомо. Десять лет назад, сама еще ребенок, я так же, едва живая от страха и волнения, ходила по пятам за толстым краснощеким соседским мальчиком, которого заботливая мама причесывала на пробор, проведенный ровно, как по линейке, и смазывала волосы брилином. Этот мальчик, как маленький музыкант (а он и в самом деле был музыкантом, играл на скрипке), носил белую рубашку с черным галстуком-бабочкой. Эта черная бабочка сводила меня с ума, но вместе с восторгом наполняла мое сердце бесконечной жалостью. Да, я не то чтобы любила этого мальчика, я жалела его, хотя он в моей жалости абсолютно не нуждался. Но бог, видимо, в связи со мной с самого начала что-то перепутал — вместо способности любить он пожаловал мне способность жалеть, и поэтому всех изумля-

ла моя любовь-жалость, вернее не изумляла, а пугала. Однажды к моей маме явились тетушки этого мальчика, тогда жила вместе с мамой, и сказали: милая, может, как-нибудь избавите нашего племянника от вашей дочери, может, привяжете ее дома, чтобы нам не пришлось в милицию обращаться. Конечно, мама не смогла меня привязать. И тогда в подъезде, где жила его учительница музыки и где я его ждала, так же, как вас, сидя на ступеньках, на меня натравили бульдога. Да-да, учительница музыки натравила на меня бульдога...

У вас был очень однообразный маршрут: дом, театр и еще дом этой актрисы. Имени этой актрисы я никому не открывала, даже своим подругам, им в особенности — потому что их я стыдилась больше всего как будто вы мне изменили... Вот какой дурочкой я была! Но однажды меня поразила ваша жена. Одним прекрасным утром, когда я по обыкновению набрала номер вашего телефона и приготовилась услышать ваш голос (это была моя утренняя доза — всего два слова: «Слушаю, алло!», потому что потом вы бросали трубку), вместо вас ответила ваша жена, я почему-то не повесила трубку, может, просто растерялась от неожиданности. После небольшой паузы ваша супруга заговорила: «Вы хотите мне сказать, — сказала она, — вернее, указать, где сейчас находится мой муж, не так ли?» Я повесила трубку и содрогнулась от ужаса... Нет, меня напугала не ее прозорливость, а ее голос — как будто записанный на магнитофонную пленку. Как будто я спрашивала, который час, а голос мне отвечал: восемь часов, тридцать минут. Да, я говорила о том, что у вас был однообразный маршрут, настолько однообразный, что иногда я сердилась — неужели, думаю, его ничего больше не интересует. Один раз вы неожиданно зашли в Кировский парк. И тогда я решила выйти из своего укрытия. Я описала круг и появилась в аллее, как будто случайно на вас наткнулась.

УЧА (обращается к Анне, но кажется, что он размышляет вслух): Давно я здесь не был. А ведь это парк моего детства. Я в этом районе вырос... Все время собирался сюда заглянуть, да все не получалось. Завтра-завтра, и так прошли годы — завтра зайду, завтра повидаю, завтра прочту, завтра отвечу, завтра скажу... Но это «завтра» все так и не настает...

НАТО, ГЕРТРУДА И ОФЕЛИЯ

ГЕРТРУДА: НАТО, вот мы с тобой вместе учились. Вспомни, сколько раз нам случалось бывать в парке со взрослым мужчиной, который в отцы нам годится? Не вспомнишь, верно? Я говорю не потому, что придаю этому значение, но все же... Все изменилось. Боже мой, и какие наглые девчонки!

ОФЕЛИЯ: Какая вы счастливая, милочка, что у вас такой муж! Мой, кроме телевизора и постели, ничем не интересуется. А ваш такой внимательный, со взрослым человеком — взрослый, с ребенком — ребенок...

НАТО (с улыбкой): Какая чушь, господи, какая чушь...

УЧА И АННА

УЧА: Анна, я хочу вам что-то сказать, давно собираюсь...

АННА: Я поняла, что вы хотели сказать, поняла, что вам все известно. Вы или заметили меня, когда я ходила за вами по пятам, или вам кто-то донес. О, доносчиков много, будь здоров, сколько! Вы, наверно, догадались, что и в парке я оказалась не случайно. Впрочем, что я такое говорю! Тут и догадываться нечего! Тогда мне казалось, что никто ничего не замечает, как будто я преследовала вас в шапке-невидимке... как... не смейтесь... как телохранитель! Я вас ни в чем не обвиняю, но слушать упреки из ваших уст я не могла, у меня бы сердце разорвалось. Так же страшно было и вам произносить эти слова — я заметила это по тому, как надломился ваш голос, вытянулось лицо, вы сразу постарели за эти несколько минут. Поэтому я опередила вас и сказала: хотите... хотите, пойдем в цирк: «Господи,—думала я,—господи, только бы он не подумал, что я глупая и наглая девчонка. Господи, не позволяй ему так думать!» Вы не сказали больше ни слова...

ДЕВУШКИ: Анна говорила, что нигде не встречала столько добрых людей, как в театре... Вернувшись домой, Анна долго стояла перед фотографией дяди. Когда случилось что-нибудь значительное, она непременно рассказывала об этом дяде.

АННА: Вот та белая маленькая карета с золотыми гербами, словно висит в стеклянном ящике, я тоже маленькая, сижу в маленькой карете, а вокруг меня расстилается безграничное пространство, но я знаю, что не смогу разбить стеклянную стену. А карета висит в воздухе и качается, качается, качается...

ДЕВУШКИ: Потом она легла, погасила свет... Когда позвонил Зурико, она уже спала... Ее разбудил звонок, телефон стоял у кровати, она в темноте нашарила трубку...

АННА: Слушаю...

ЗУРИКО: Я все брошу, плюну на аспирантуру, на все... Уедем куда-нибудь, скроемся...

АННА: Зурико, это ты?

ЗУРИКО: Я, а кто еще может быть?

АННА: Пьяный Зурико...

ЗУРИКО: Послушай...

АННА: Мы обязательно должны скрыться? Непременно? Если бы ты знал, какой хороший сон я видела!

ЗУРИКО: Тогда скажи, что нам делать?

АННА: А почему ты меня вспоминаешь только когда выпьешь?

ЗУРИКО: Я помню о тебе всегда... Я в самом деле тебя люблю!

АННА: Что за глупости! Зурико, запомни, я когда-нибудь отплачу тебе за этот звонок. Так и знай. Явлюсь в

самое неподходящее время... Представляешь — в дверь звонят, ты открываешь и — нате вам — Анна!

ЭФР35340
ЭФР35340

От души смеется.

ЗУРИКО: Впусти меня, Анна, я тут, совсем рядом с твоим домом... Впусти на минуточку.

АННА: А еще говорил, что любишь меня...

ЗУРИКО: Люблю, я ради тебя готов на все.

АННА: Между прочим, я уже сплю, Зурико!

ЗУРИКО: Я хочу, чтобы ты была счастлива, проснись!

АННА: Вот я уже проснулась. Ладно, Зурико, хватит. До свиданья.

ЗУРИКО: Анна, я люблю тебя, слышишь!

АННА: Слышу...

Кладет трубку.

Телефон снова звонит.

АННА (берет трубку): Что за глупые шутки, Зурико?

ЗУРИКО: Я не только, когда пьяный, о тебе вспоминаю.

АННА (смеясь): Ага, заело, значит я права! Ты не любишь меня, а злишься!

ЗУРИКО: Зачем мне злиться?

АННА: Скажу, если оставишь меня в покое.

ЗУРИКО: Хорошо, оставляю.

АННА: Я скажу и сразу повешу трубку... Помнишь, как мы познакомились на танцах у Нуцико?

ЗУРИКО: Как же, помню.

АННА: А помнишь, как ты вывел меня в соседнюю комнату?

ЗУРИКО: Помню.

АННА: И как дверь запер?

ЗУРИКО: Да...

АННА: И как у тебя ничего не получилось... Ты чуть с ума не сошел... И поэтому злишься на себя и на меня... Ну что, я права?

ЗУРИКО: Нет. Анна...

АННА: До свиданья...

ЗУРИКО: Постой...

Анна кладет трубку.

Телефон снова звонит.

Анна снимает трубку.

АННА (сердито): Я же сказала, отстань.

ГЕРТРУДА: Это я, Анна, тетя Гертруда...

АННА: Ах, извините...

ГЕРТРУДА: Представляю, как тебе надоедают, звонят и звонят. Но это неплохо... Прости, что я так поздно...

АННА: Я не забыла...

ГЕРТРУДА: Меня замучил этот фурункул...

АННА: Я же сказала, что за нашим домом целое поле, где растет подорожник, завтра утром я соберу и принесу вам.

ГЕРТРУДА: Большое спасибо, Анна, я знала, что ты не забудешь... Ты случайно вечером не заходила в театр?

АННА: Нет.

ГЕРТРУДА: А Уччу ты случайно не видела?

АННА: Как же, видела...

ГЕРТРУДА: Где?

АННА: Я встретила его в парке.

ГЕРТРУДА: В парке?

АННА: В Кировском парке.

ГЕРТРУДА: Что ему понадобилось в парке?

АННА: Не знаю...

ГЕРТРУДА: Нато три раза мне звонила...

АННА: Должно быть, он гулял...

ГЕРТРУДА: Что?

АННА: А что еще делают в парке?

ГЕРТРУДА: Да... В общем, спасибо, Анна, милочка! До свиданья. Не забудь про подорожник.

АННА: До свиданья... Не забуду.

Кладет трубку. Некоторое время стоит неподвижно. Потом идет к портрету дяди.

— Учительница музыки натравила на меня бульдога, или я это тебе уже рассказывала?... У каждого уйма мамок и нянек... Не прикоснешься — как к тарту на витрине, крошки не утащишь... (с улыбкой). Как к тарту на витрине. Человеку кажется, что он может раздавать себя всем, кому захочет: вот тебе кусочек с кремом, а тебе — с шоколадкой... Но нет, извините, не тут-то было! Как торт на витрине... На витрине торт... А что делал Учча в саду? Что в саду делал Учча? Учча что делал в саду? Как торт на витрине...

Закрывает лицо руками, долго стоит так, потом опускает руки и улыбается Ведущему.

ВЕДУЩИЙ: Хорошо, отдохни немного.

АННА: Ну как?

ВЕДУЩИЙ: Пока ничего.

КЛАВДИЙ: Молодчина, на, держи!

Бросает ей конфету, которую Анна ловит на лету и садится — вернее, без сил опускается на стул. Усталая, но довольная, разворачивает бумажку.

АННА (улыбаясь, про себя): Я ведь знаю, теперь меня все будут звать Анной...

УЧА И НАТО

Нато печатает на машинке. Учча сидит рядом.

УЧА (после паузы): Сколько раз я тебе говорил, не жди меня.

НАТО: А я и не жду тебя. Я работаю.

УЧА: А-а-а, а я думал...

НАТО: Нет, я всегда работаю допоздна. Дождь идет?

УЧА: Ну и пусть идет! Тебе-то что?

НАТО: Почему ты злишься? Ты же любишь дождь?

УЧА: Я устал.

НАТО: Скажи прямо, чего хочешь, зачем подсел ко мне? Ты же видишь, я занята.

УЧА: Для меня ты всегда занята.

НАТО: Ого! С каких это пор ты так считаешь?

УЧА: Что ты делаешь? (Берет со стола стра-ничку). Я, как наш Гамлет, без очков не вижу... А с каких это пор я люблю дождь?

НАТО: Ты забыл... А я помню...

УЧА: Ты целый день в работе — ученики, машинка... И целый день одна.

НАТО: Ничего. Я люблю работать. Дай сигарету.

Уча протягивает ей сигарету, дает закурить.

— Что я делаю? Я перевожу Диккенса. Ты в который раз спрашиваешь, и я в который раз отвечаю.

УЧА: Да ты все время Диккенса переводишь...

НАТО: Да, я все время перевожу Диккенса.

УЧА: Поэтому ты такая спокойная.

НАТО: То, что ты считаешь спокойствием, на самом деле — терпение.

УЧА (после паузы): Опять звонили?

НАТО: Все время звонят.

УЧА: Чего звонят? Не говорят, почему не дают нам покоя?

НАТО: Знаешь, наша жизнь кажется интересной. Для посторонних...

УЧА: Для посторонних? А для нас? Почему она не интересна для нас?

НАТО (с улыбкой): Все стараются сделать свою жизнь интересной для других. Пусть звонят сколько угодно. Нас от этого не убудет, и не изменится ничего. Вот мне послезавтра будет пятьдесят. (Улыбается). Я хотела от тебя скрыть. Я уже старуха. А ты заигрываешь со старостью. (С улыбкой передразнивает): Без очков не вижу! Когда ты утром принес газеты, об очках и не вспомнил. Ты можешь сказать, где вообще лежат твои очки?

УЧА (с улыбкой): Не забывай, что я старше тебя.

НАТО: И все-таки мы старимся не вместе. Знаешь, какое это счастье, когда муж с женой старятся вместе?.. Мы с тобой вместе только в палочку играем.

УЧА: Что это еще за игра?

НАТО: Самая обыкновенная. Кидаешь палку, а собака приносит ее обратно. Человек забавляется, а собака возвращает потерянное, выброшенное. Вот и все.

УЧА (с улыбкой): Нато, Нато, всю жизнь мы говорим намеками.

НАТО: Потому что чего-то ждем.

УЧА: Чего?

НАТО: На этом свете все, начиная с птички и кончая самой маленькой рыбкой, чего-то ждут. Только ожидания и терпение — разные вещи, запомни это.

УЧА: Хочешь, я скажу тебе, чего мы ждем?

НАТО: Не нужно. Уже поздно.

УЧА: Мы ждем, что в один прекрасный день и у нас будет семья, и мы заживем по-человечески...

НАТО: Неужели ты тоже этого ждешь?

УЧА: Ты права, все чего-то ждут...

НАТО: Поэтому я собирала, берегла, возвращала все, что ты, как самосвал, безжалостно выбрасывал... Я хранила твои слова, улыбки, морщинки, появлявшиеся от боли и огорчения, твой портсигар, очки, блокнот... Массу ненужных, никчемных вещей, которые ты невесть откуда приносил... Я возвращала все это в дом, как собака приносит брошенную палку, бежала, радостно ласться, помахивая хвостом...

УЧА: Нато, Нато, мы всю жизнь разговариваем как актеры, произносим заранее заученные слова...

НАТО: О, я заучивала эти слова в одиночестве, поэтому у меня было достаточно времени, чтобы отобрать, взвесить, проверить и оставить те...

УЧА (с улыбкой): ...у которых шипов и колючек побольше, не так ли?

НАТО: Хотя бы и так! Как странно, мы давно с тобой не беседовали так мирно...

УЧА: Мы сейчас играем в «счастливую семью». Нато. Если бы мы играли в эту игру почаще, было бы лучше для нас обоих.

НАТО (с улыбкой): Именно теперь, когда я постарела, мы начали в это играть? Между прочим, меня этой игре никто не учил.

УЧА: Это игра, которой надо учиться самому. Я, например, знаю несколько ее вариантов, вернее мечтал о них...

НАТО: О каких именно?

УЧА: Ну, скажем, так: мы ставим на плиту сковородку, на сковородку кладем большой кусок масла, в миску нарезаем помидоры и лук, перемешиваем и тушим в масле, потом берем несколько яиц (количество зависит от нашего аппетита), хорошенько их взбиваем и заливаем ими тушеные помидоры с луком... Сковородку ставим на середину стола, в одну руку берем вилку, в другую — большой кусок черного хлеба. Господи, я же забыл про перец! Значит, яичницу с помидорами сверху густо посыпаем черным перцем (ничего, что у меня воспаление желчного пузыря!), да здравствует игра в счастливую семью! Открываю холодильник, достаю две бутылки ледяного чешского пива... Ну, как игра, ничего?

НАТО: Прекрасная! Остальные игры тоже такие вкусные?

УЧА: Вторая менее вкусная, но очень полезная для души. Называется она «Гадание на кофейной гуще»... Мы только что выпили сваренный тобой черный кофе. Знаю,

знаю, что тебе черный кофе не очень удастся, но это же игра! И оба разглядываем свои чашки, таинственные линии — изображения на кофейной гуще. Все человечество сегодня разглядывает чашки, хочет в них увидеть свой завтрашний день. Мы берем друг у друга чашки, молча качаем головами в знак удивления или одобрения. Как удивительно похожи наши чашки! Боже, как сладко и бесечно мы стареем, словно игрушечные белки с новогодней елки!.. Но лучше всех, разумеется, третья игра — «Мы варим ткемали». Рано утром мы с тобой едем на базар, ты — за рулем, как всегда, я — рядом, курю сигарету. Это первая сигарета с утра — самая желанная и вкусная. Ты от души ругаешь инспекторов и пешеходов, а я, откинувшись на мягкую спинку, думаю о ткемали. Ты с трудом находишь место для стоянки, потом ты идешь впереди, а я за тобой — с ведрами. Мы должны купить два ведра крепкой и гладкой, как пуля, сливы-ткемали. И вот после долгой торговли, пререканий и прочего мы покупаем ткемали, необходимую зелень и перец и довольные возвращаемся домой, предвкушая тот миг, когда, повязав фартуки, начнем хлопотать у плиты, когда ты мне дашь облизать ложку и скажешь: «Попробуй, все ли так, как ты любишь?» Вот так варится ткемали, это чудо из чудес, подливка, которая скрепляет стены дома сильнее любого цемента...

НАТО: Какие это, оказывается, несложные игры! Мы вполне могли в них играть. Непонятно только, что нам мешало...

УЧА: Ничего...

НАТО: Чего мы ждали или чего ждем теперь?

УЧА: Я лично жду премьеры, которая состоится послезавтра... И знаю также, чего ждешь ты.

НАТО: Я тоже жду премьеры.

УЧА: Ты ждешь провала моего спектакля, и так уже несколько лет, ждешь, стиснув зубы, ждешь. Но надежды твои не сбываются, нет! (С о смехом). Я ведь правду говорю, НАТО?

НАТО (смеется): Да, ты говоришь правду.

УЧА (смеется): Да, но почему?! Объясни!

НАТО (смеется): Не знаю, ей-богу, не знаю. Я только жду. Знаешь, какая моя самая омерзительная и в то же время сладчайшая, как твоя первая сигарета, мечта? Чтобы мы всегда были вместе, как сиамские близнецы.

УЧА: (с огорченной улыбкой): НАТО?

НАТО (с улыбкой): Не выношу, когда ты уходишь из дома! (Пауза. С улыбкой): Испугался?

УЧА: Да.

НАТО: И я тоже...

УЧА: Сегодня тебе потрепали нервы. Наверно, теперь у всех на языке Анна. Мы с ней сегодня были в парке.

НАТО: Знаю.

УЧА: Я был уверен, что ты знаешь. Она тоже ждет... Премьеры. А раз ждет, то произойдет чудо. Поверьте мне, я знаю, что делаю. Увидишь, она заставит говорить о себе весь город...

НАТО: Я советую тебе на всякий случай подготовиться /
еще одну Офелию.

УЧА: Зачем?

НАТО: Мое дело — предупредить.

УЧА (угрожающе): НАТО, если ты собираешься..

НАТО: Могла и не предупреждать.

УЧА (улыбаясь): Счет твоей двадцатилетней борьбы со мной пока в мою пользу...

НАТО: Ты так думаешь?

УЧА: А что касается Анны..

НАТО: Я просто так сказала, ведь им нельзя доверять...

УЧА: Нет. Анне доверять можно. НАТО, ты никогда ни слова не говорила о...

НАТО: Да, никогда ни слова.

УЧА: Хотя все знала. Ведь у нашей семьи много доброжелателей, все нашепчут, начирикают...

НАТО: Да, я никогда не говорила ни слова, хотя все знала.

УЧА: Потому что тебе было все равно, потому что...

Заминка.

НАТО: Продолжай, почему ты замолчал?

УЧА: Потому что ты кусок льда.

НАТО: Нет, потому что я боялась.

УЧА: Чего?

НАТО: Нет, твоих бесконечных романов я не боялась. Это были увлечения, которых женщина бояться не должна.

УЧА (иронически): Очень интересно!

НАТО: Я знала все, знала, куда и к кому ты ходишь два раза в неделю, знала, что эта женщина — моя ближайшая полтуга, но я и ее не боюсь.

УЧА: Тогда чего же ты боишься, НАТО?

НАТО: Раз ты не понимаешь, я не скажу.

УЧА: Нет, ты и в самом деле ничего не боишься и не можешь бояться, тебе ведь все безразлично, я ведь для тебя не существую, приходит какой-то человек, очень поздно, иногда утром на рассвете, иногда ложится, не раздеваясь, или засыпает, прямо сидя на стуле, или возвращается такой усталый, что засыпает, не выходя из машины, а ты смотришь из окна, как он спит, уронив голову на руль...

НАТО: Нет...

УЧА: Потом ты задерживаешь занавеску, ложишься и гасишь свет.

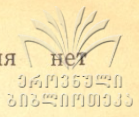
НАТО: Нет...

УЧА: Этот человек утром бреется в ванной, ты иногда просыпаешься от жужжания бритвы. Понимаешь, что уже утро, что он скоро уйдет и ты останешься одна со своим любимым Диккенсом.. Иногда человек по утрам ощущает голод, у него странная привычка — утром пить чай или кофе! Каков наглец! Конечно, чай не вскипячен и в буфете ни крошки хлеба!

НАТО: Замолчи!

УЧА: Уходя, он задерживается в передней, медлит в надежде, что ты с ним заговоришь, спросишь хотя бы, какое сегодня число. И этот наивный человек не знает, что для

тебя это не имеет никакого значения. У равнодушия нет календаря...

НАТО (очень тихо): Как тебе не стыдно...

Уча садится в кресло, закуривает сигарету. Пауза.

УЧА: Я очень хочу есть.

НАТО: У нас ничего нет...

УЧА: Ничего... потерплю...

НАТО: Хотя, подожди! (Достает из буфета завернутый в бумагу бутерброд, протягивает Уче). Это тебе бог послал! Мой ученик оставил, от меня он уходит к другому репетитору, поэтому на ходу завтракает...

Уча разворачивает бутерброд.

УЧА: Ого, хлеб с маслом и колбасой! Действительно, бог послал! (Разламывает бутерброд пополам. Оба с аппетитом едят). Нет, дома еда имеет особый вкус...

НАТО: Не бойся, послезавтра все будет хорошо...

УЧА: Спасибо, НАТО. Огромное спасибо за этот вкусный ужин... Я тебе очень благодарен.

II

ВЕДУЩИЙ: Наступил послезавтрашний день. Но случилось то, чего никто не ожидал: Анна не явилась на премьеру! Уча Гамрекели долго не начинал спектакля, все говорил: давайте подождем еще пять минут. Так прошло полчаса. Зрители несколько раз начинали хлопать в ладоши, выражая свое нетерпение. Ждать было больше нельзя. Уча дал знак Офелии, которая стояла тут же, подобострастно заглядывая ему в глаза, что будет играть она, и спектакль, наконец, начался. Офелия в тот вечер была божественна. Спектакль превратился в триумф, торжество...

ДЕВУШКИ: Этот день был для Анны необычным. И начался он необычно. Она еще спала, когда ей позвонила НАТО Гамрекели: «Я хочу тебя видеть, будь добра, зайди ко мне в десять часов». Ровно в десять Анна была у нее...

ВЕДУЩИЙ (Анне): Чего ты ждешь?

АННА Нет, мне эта сцена не нравится.

ВЕДУЩИЙ: Что значит — не нравится?

АННА: Не нравится — и все. Я лично...

ВЕДУЩИЙ (теряя терпение): Делай то, что тебе говорят!

АННА (испуганно): Да-да, конечно! (Заглядывает в тетрадь, некоторое время спустя — совсем другим голосом): Дверь мне открыла хозяйка...

НАТО: Входи. Вот ты, оказывается, какая, Анна! Какая славная девочка. Ну, здравствуй!

АННА: Здравствуйте.

Озирается по сторонам.

НАТО: Нет, Учи нет дома. Садись вон там.

Показывает, куда сесть. Анна садится на краешек стула, явно чувствует себя не в своей тарелке. Нато догадывается об этом.

НАТО (улыбаясь): Я недолго тебя задержу. Вы ведь в одиннадцать часов собираетесь?

АННА: Да.

НАТО: Кстати, в детстве я тоже мечтала о театре. В 16 лет уже твердо решила стать актрисой. Но отец запретил мне...

Анна рассматривает комнату. Первоначальная скованность уже прошла, теперь она старается держаться непринужденно, противостоять этой красивой, самоуверенной женщине, которая находится в своих владениях, поэтому занимает значительно более выгодную позицию.

АННА (показывая глазами на машинку): Вы сами печатаете?

Нато некоторое время молча смотрит на Анну. Ей не понравилось, что ее прервали, но потом она продолжает как ни в чем не бывало.

НАТО: А запретил он потому, что его сестра — моя тетя...тоже была актрисой и плохо кончила... Говорят, она влюбилась в женатого человека и поэтому поркончила с собой. Она была совсем ребенок — двадцать два года... В этом возрасте девочки легкомысленны. Они не столько влюблены, сколько воображают, что любят.

Пауза.

— Да, это машинка моя, я сама печатаю. И эти книги, которые ты так внимательно разглядываешь, тоже мои...

АННА: Сколько книг! Когда вы успели столько написать!

НАТО: Я не пишу, а перевожу.

АННА: Знаю, знаю.

НАТО: Это английские книги, а там французские...

АННА: А с этой стороны, должно быть, немецкие?

НАТО: Немецкого я не знаю, к сожалению...

АННА: И эти картины тоже ваши, конечно?

НАТО: И картины мои.

АННА: И ваш транзистор...

НАТО: Да.

АННА: Это ваш магнитофон...

НАТО: А ты любишь книги, Анна?

АННА: Нет, я не люблю книги.

НАТО: Не может быть!

АННА: Я сама удивляюсь, но что поделаешь. Я и на машинке печатать не умею, и языков иностранных не знаю.

(С улыбкой). Впрочем, в театре мне это и не понадобится.

НАТО: Благодаря Уче в театр я все же попала. Видно судьба... Сегодня у вас важное событие — премьера. Наверное, это знаменательный день для тебя, Анна...

АННА: Да, этот день для меня знаменательный. А для вас какой день был знаменательным?

НАТО (как будто не слыша вопроса Анны, продолжает): Поэтому у тебя и пригласила. Уча очень волнуется. Ты, наверно, заметила.

АННА: Я ничего не замечала.

НАТО: Скрывает. Не хочет, чтобы его волнение перешло к вам. А мне он все рассказывает. Как вы на репетициях мучаетесь..

АННА: Мучаемся?

НАТО: Хотя ему в театре все уши прожужжали: дескать, Анна не похожа на Офелию! (Улыбаясь). Как будто кто-нибудь из них видел Офелию! Но Уча в тебя верит, все время мне говорит: вот увидишь, вот увидишь, на сцене эта девочка будет вполне нормальной...

АННА: Нормальной?

НАТО: Она, говорит, с таким упорством борется со своим изъяном, как бульдозер — с землей..

АННА (повторяет): Бульдозер с землей!

НАТО: И хотя голос у тебя никуда не годится, но теперь, он говорит, этого никто не заметит... Молодец, Анна!

АННА: Что еще он вам рассказывает?

НАТО: Как ты краснеешь, когда он делает тебе какое-нибудь замечание..

АННА: И об этом тоже рассказывает?

НАТО: Как вы гуляете в парке, как он провожает тебя домой, о чем вы говорите... Он знает, что ты идешь следом, когда он куда-то отправляется один, следуешь по пятам за ним, как наплакавшийся ребенок за отцом..

Смеется.

АННА: Да, но ведь она умерла?

НАТО (вздрагивает): Кто? Кто умерла?

АННА: Ваша тетушка.

НАТО: Да, умерла. А при чем тут она?

АННА: Разве может быть легкомысленной та, которая умерла?

Нато не отвечает. Через некоторое время спокойно продолжает.

НАТО: Сколько я себя помню, с тех пор как я стала женой Учи, он всегда такой: волнуется, терзается, сколько молодых он вывел в люди, сколько на ноги поставил! Уча говорит, что с девушками работать намного труднее, чем с парнями. К ним нужен особый психологический подход. Девушки любят внимание и, кроме того (смеется), им необходимо, о, до чего же они глупы.. Во время работы над

ролью им необходимо кого-то любить, вернее — воображать, что они влюблены...

АННА (не может скрыть удивления): Вот теперь я, пожалуй, свистну!

НАТО (спокойно): Пожалуйста, дорогая, свистни...

АННА (очнувшись): Извините...

НАТО: Мне следовало вызвать тебя раньше, да все некогда было.

АННА (сердито): Но почему он вам все это рассказывает, почему?

НАТО: Ты еще ребенок, Анна!

АННА: А вы знали, что мы собирались пойти в цирк?

НАТО (с улыбкой): Уча любит цирк.

АННА (достает из сумки зеркальце, смотрит в него): Знаете, я, кажется, действительно не похожа на Офелию...

НАТО (дрогнувшим голосом): Анна...

АННА (кладет зеркальце в сумку): Я вас слушаю.

НАТО (дрожащим от волнения голосом): У меня сейчас могла быть такая дочка, как ты...

Это сказано отчаявшейся, бессильной женщиной. Как видно, Ната на мгновение потеряла самообладание.

— Люди считают меня счастливой. Уча в театре один, а дома он другой. Он очень переживает, что у нас нет детей. Поэтому все время окружает себя молодежью. А у меня, по правилам, сегодня должна была быть такая дочь... (Улыбаясь). Ты пока свободна... независима... Я часто думаю, какой была бы моя дочь... Я сейчас разговариваю с тобой, как со своей дочерью...

Анна встает в волнении.

АННА: Я хочу сказать...

НАТО (твердым, как и прежде, голосом): Короче говоря, дорогая, запомни: мы с Учей очень волнуемся. Ты должна оправдать наши надежды. Ведь оправдаешь, Анна, ответ!

Кладет руки ей на плечи, смотрит в глаза. Анна глядит в сторону.

АННА: Да, непременно, да...

НАТО: Посмотри мне в глаза!

АННА: Да... да...

НАТО (улыбаясь): Только не проговоришься, что была у меня...

ВЕДУЩИЙ: В одиннадцать часов мы собрались в театре: явились все как один. Уча Гамрекели говорил недолго. Мы, сказал он, делали все, что могли, на протяжении этого времени, не жалея сил, теперь же судьба нашей премьеры

в руках божьих. Держался он очень спокойно, раза два даже засмеялся. Мы тоже не волновались, главное волнение началось позже, вечером, примерно в половине восьмого... Когда мы расходились, Гамрекели попросил Анну остаться.

УЧА: Я слышал, вы утром были у меня дома?..

АННА (вздрагивает): Я — у вас?

УЧА: Да, вы у меня...

АННА: Нет, нет...

УЧА: Что вам понадобилось?

АННА: Я же сказала — нет...

УЧА: Я жду ответа на свой вопрос.

АННА: Я не была у вас.

УЧА: Анна, почему вы лжете? Раз вы приходили ко мне, значит у вас было какое-то дело. Мне доподлинно известно, что вы у меня были, так что... Почему вы плачете? В чем дело, что вообще происходит? Анна, я предупреждаю вас, чтобы вы раз и навсегда выбросили из головы эти глупости! Вы думаете, я не знаю, как вы ходите за мной по пятам, сторожите меня в подъездах, сидите на ступеньках и ждете. Зачем? Что вам нужно?

АННА: Почему вы туда ходите, ну почему?

УЧА: Это не ваше дело! В конце концов каждый должен знать свое место. На что это похоже? Это чепуха, навязчивая глупая идея привела к тому, что вы начали выследживать и доносить... Как бы там ни было, но вам я в отцы гожусь.

АННА: Нет, нет!

УЧА: Вы думаете, я не знаю, кто постоянно нам звонит? А сегодня вам показалось звонка недостаточно и вы явились самолично... Это уже просто подло!

АННА (кричит): Я говорю вам — нет!

УЧА: Анна, вам никто не говорил, что вы немного наглы?

АННА: Как вы могли подумать, что я...

УЧА: Ладно, хватит об этом. Сейчас не время. Только запомните, что я вам сказал.

АННА: Как вы могли подумать, что я доношу на вас!

УЧА: Легкомыслие довело вас до этого...

АННА: Легкомыслие? Какое знакомое слово!

УЧА: ...И хватит, пора поставить точку. Немного поразмыслите над своим поведением. Что общего у нас с вами? Кроме того дела, которое мы делаем сообща в театре...

АННА (с отвращением): Вы... вы знаете, как вы рассуждаете сейчас?

УЧА: Как?

АННА: Как беззубая старуха!

Уча дает ей пощечину.

АННА (с отвращением): Я вас ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

С самого начала, а также и в дальнейшем должно создаваться впечатление, что эти две женщины разговаривают друг с другом по телефону.

НАТО: Премьера совпала с днем моего рождения. После спектакля все поехали к нам, явились с цветами, шампанским. Уча поцеловал меня и шепнул на ухо: я тоже принес тебе цветы. Знаю, говорю, у тебя на лице все написано. А на лице у него было написано, что он чувствовал себя скорее побежденным, чем победителем. Я знала причину. Потом Гертруда мне сообщила, что Анна не явилась на премьеру. Уча, сказала она, срочно ввел в спектакль нашу Офелию, и она так сыграла, так сыграла, что всех с ума свела. Конечно, наша Офелия немного глупа, но в общем способная девочка. Она всех обнимала, целовала, пела, пила, короче говоря, была счастлива. Гамлет и Клавдий, неисправимые пьянчужки, потребовали водки, у меня для них была припрятана бутылка...

ЭЛО: И у нас была гостя. Водкой мы ее поить не могли, но чаем угостили. Неожиданно явилась Анна, как снег на голову...

НАТО: Кто?

ЭЛО: Анна. А почему ты удивилась?

НАТО: Нет, так просто... Значит, Анна была у вас?

ЭЛО: Да, у нас. (Оборачивается к Анне). Анна я налью вам еще чаю.

АННА: Нет, спасибо.

ЭЛО: Вы непременно должны попробовать этот торт. Его испекла Меги.

ИЛИКО: В самом деле? Его действительно испекла Меги?

ЭЛО: Что с тобой, Илико?

ИЛИКО: Нет, ты мне, ради бога, ответь, этот торт правда испекла Меги?

ЭЛО (А и н е): Берите, берите.

АННА: Спасибо.

Берет кусочек торта.

ИЛИКО: Нет, не буду есть.

ЭЛО: Почему?

ИЛИКО: Боюсь, как бы не повредило.

МЕГИ: Папочка, ешь спокойно. Если бы я умела печь такой торт...

ЭЛО (с улыбкой): То что бы ты сделала, дорогая?

МЕГИ: Между прочим, по-моему, этот торт вчерашний...

ЭЛО: Не выдумывай... Бери и ешь.

МЕГИ: Анна, возьмите варенье из розы.

АННА: Благодарю вас.

МЕГИ: Вы когда-нибудь ели варенье из розы?

АННА: Нет.

МЕГИ: Так вот это оно и есть.

АННА: О, непременно попробую.

МЕГИ: Скоро, наверно, из меня тоже сварят варенье.

ЭЛО (улыбаясь): Так что бы ты сделала, если бы умела печь такой торт?

МЕГИ: Стала бы победителем конкурса кондитеров, меня бы наградили путевкой, и я бы объехала на туристическом поезде весь мир, а потом сошла бы на станции Шорапани...

ЗУРИКО: Значит, именно в Шорапани бы сошла?

МЕГИ: Папочка, Зурико, как видно, не знает, что мы родом из Шорапани и что там по сей день у окна сидит наша столетняя бабушка Эквиринэ и ждет нас...

ЭЛО (качает головой, укоризненно): Меги, Меги... Бабушка давно умерла.

ИЛИКО: Ничего, ничего, пусть девочка вспомнит бабушку.

МЕГИ: Нет, не умерла, сидит у окна и ждет, потому что мы обещали приехать и не приехали.

ЭЛО: Когда это мы обещали?

ИЛИКО: Обещали-то обещали, но так и не выполнили последнее желание моей бедной матери.

ЭЛО: Илико!

МЕГИ (стучит ножом о чашку и кричит): Бабушка Эквиринэ, бабушка Эквиринэ!

ЭЛО: Что с тобой, Меги, постыдилась бы гости. Встань, вынеси чашки.

МЕГИ: Нет, нет, я непременно разобью! Что мне делать, я не умею держать язык за зубами. Анна, а ты умеешь?

АННА: Нет, со мной тоже такое бывает.

МЕГИ: Вот видите, Анна сменяла Офелию на варенье из розы, и все равно с ней такое бывает!

НАТО: Эло, ты боишься старости?

ЭЛО: Нам еще далеко до старости!

НАТО: А вот я боюсь. Еще тогда боялась, когда маленькой была.

ЭЛО: Ты всегда была со странностями. А боялась ты только одного. (С улыбкой). Хочешь, скажу? Потерять Учу.

НАТО (с улыбкой): Да, этого тоже боялась. (Закрыв руки за голову, закрыв глаза, мечтает вслух). Я хотела всегда быть с ним. Всюду, мы же так и ходили вместе... И в конце концов он всегда возвращался ко мне, куда бы ни уходил. (Смеется). Нет! Больше всего я любила, когда он возвращался домой пьяный. Я притворялась спящей, затаив дыхание от счастья. Слышала, как он хлопал дверью, как раздевался, вздыхал. У меня кружилась голова от запаха алкоголя, которым вдруг наполнялась, пропитывалась вся наша квартира. Он всегда что-нибудь приносил: обломок черепицы, ржавое ведро, птичье гнездо, всякую всячину. Говорил, что эти вещи напоминают ему о детстве. Протрезвев, он не мог вспомнить, зачем принес эту ерунду, зачем ему понадобилась эта абсолютно бесполезная вещь. А я все прятала. Я берегу все, что связано с ним, чего касалась его рука, все, что когда-либо было ему нужно. Рама для картины, игрушечная лошадь со

сломанной ногой, негодный карманный фонарик... Прежде чем заснуть, он шептал: вот я нашел... помню, помню, ви- жу... Когда проснулся — ничего не помнил, да и было вспоминать — он стеснялся этой странной привычки...

МЕГИ: Я вас спрашиваю: почему, почему наши дети не ездят в деревню? Отвечаю — потому, что родители этих детей не любят своих родителей.

ЭЛО (смеясь): Она положительно сведет меня с ума! (А н н е). Кажется, ваша мать живет в деревне, не так ли?

АННА: Так, Мама живет в деревне.

ЭЛО: Одна? Бедняжка...

АННА: Нет, не одна. Она во второй раз вышла замуж и теперь вместе с моим отчимом живет в деревне.

ЗУРИКО (укоризненно): Мама!

ЭЛО: В чем дело, Зурико? Мы же беседуем.

АННА: У мамы двое пасынков. Отчим тоже учитель. Мама очень без меня скучает. Все время пишет, чтобы я приезжала, но мне все некогда. (С улыбкой). Можно подумать, что я так уж занята!.. Вот возьму и в самом деле поеду к маме...

ИЛИКО: Вот так-то. Стариков никто не любит. Мне осталось еще два многосерийных фильма по телевизору посмотреть — не больше, и тоже пора честь знать... Нет, но как вам это нравится: Меги, говорит, испекла торт! Анна, а вы умеете печь торт?

АННА: Нет. Никогда не пробовала.

ЭЛО: Испечет, когда будет семья.

АННА: Когда будет семья... и тогда не испеку.

Все смотрят на Анну.

АННА: Но покупать буду, если мой муж будет любить сладости.

Пауза.

ИЛИКО (дочери): Эквиринэ, принеси мне воды, будь добра!

МЕГИ: Сейчас, папочка! (Останавливается в дверях, зовет Анну). Анна, поди сюда!

Анна подходит к Меги.

МЕГИ: Ты не любишь Зурико?

АННА: Нет.

МЕГИ: Тогда зачем ты сюда пришла?

АННА: Поесть торт.

МЕГИ: И как он тебе, понравился?

АННА: Ничего, представь себе.

МЕГИ: А вот мне — нет!

Анна возвращается к столу.

АННА (с улыбкой): Знаете, я сегодня ничего не ела и сейчас немного пришла в себя.

ИЛИКО: Дайте вашу тарелку, я положу вам еще.

АННА: Нет, спасибо. Я больше не хочу. Не могу!

ЗУРИКО: У меня было такое чувство, словно я сижу на бочке с порохом, которая вот-вот взорвется: визит Анны был для меня неожиданностью, хотя однажды она мне пригрозила, свалюсь, говорит, как снег на голову, тогда узнаешь. Поэтому я сидел как на иголках, хотя пока все было терпимо, более того, меня даже удивляло чрезмерное спокойствие Анны. Она казалась утомленной, сидела, как нахохлившийся птенец, и все время улыбалась. Я знал, что сегодня у нее премьера, а она пришла ко мне. В душе я, конечно, обрадовался, но и огорчился тоже — большая жертва вызывает неприятное чувство. А эта история меня не только встревожила, но даже напугала. То я за ней бегал, а теперь она сама перешла в наступление. Такое никому не нравится, да и мне понравиться не могло.

В общем, она сидела смиренно и, если хотите знать правду, то рядом с Меги выглядела как благовоспитанная девица из прошлого века. Но, вообще говоря, ей не следовало приходить к нам в рваных джинсах и на босу ногу. Мы, конечно, не те люди, чтобы придавать этому значение, но человек должен в конце концов соблюдать приличия, хотя бы сотую долю приличий. Иначе до чего мы дойдем? Но в то же время меня не покидал какой-то неясный, глухой страх: Анна не из тех девушек, которые преподносят себя на блюдечке. Была минута, когда меня пронзило сомнение — уж не назло ли кому-то она сюда явилась? Но я быстро сомкнул это сомнение, поспешно запрятал его подальше, в глубины души, потому что оно оскорбляло мое самолюбие...

Отцу моему Анна сразу понравилась. У Меги никогда ничего не поймешь, а мать настроилась к ней враждебно с первого взгляда. Другого я, честно говоря, и не ждал. Я знал, что матери Анна не понравится. Издалека она ее уже видела — возле театра. На антилопу, говорит, похожа. Сначала я обрадовался, действительно, в Анне есть что-то такое, как бы это вам сказать, естественная свобода, что ли, и она чувствуется в движениях и в смехе. В общем, сначала я обрадовался, а потом помрачнел, потому что мама была права: Анна походила на антилопу, а антилопа хороша в Африке или в рассказах Хемингуэя, а в квартиру к себе пусть мой враг антилопу приводит. И вот теперь эта антилопа своими ногами к нам в дом притопала. Интересно, что едят антилопы — листья или траву? (С улыбкой). Главное, чтобы не съела меня. У меня наготове моя белая с золотыми гербами карета, с кучером в парике. Только бы моя матушка лошадей не напугала...

НАТО: Вчера мне приснилось, как будто мы с Учей сидим на аэровокзале. Уча, видимо, куда-то улетал, а я его провожала. У наших ног ползал ребенок.

УЧА (улыбаясь): Ну и что же, я уехал?

НАТО (после паузы): Да, уехал. (Улыбаясь).

Улетел!

УЧА: А что же с ребенком?

НАТО: Сначала я кормила его грудью, потом ^{сдала} камеру хранения, и там его посадили на полку, ^{потому что} это оказался не ребенок, а кукла...

УЧА: Сколько раз я тебе говорил, Нато, ^{перестань ду} мать об этом. С тех пор прошло двадцать три года.

НАТО: Давай возьмем ребенка, усыновим...

УЧА: Что ты сказала? Это что-то новое!

НАТО (смеясь): Я шучу, шучу...

ЭЛО: Говоря по правде, я ожидала худшего. Я ведь видела ее однажды, издалека, мне Меги показала. Вон, говорит, та красивая девочка — Анна. У них ведь совсем другие представления о красоте. Моя дочка нарочно себя уродует, уверена, что так лучше. Вблизи Анна производит более приятное впечатление. Тихая, спокойная. Черты лица не очень красивые, зато глаза необычные, обращают на себя внимание. Про меня тоже когда-то говорили, что у меня глаза необычные. Одета как хиппи, меня это возмутило, но я, конечно, виду не подала. Они это считают хорошим тоном. Что поделаешь, пусть одевается как хочет, лишь бы человек был хороший, в чем я тоже сильно сомневаюсь. Мой умный сын выбрал себе именно эту! Хотя они все одинаковые. И другая была бы так же одета и растрепана. Судя по всему, упрямая. Поглядим, надолго ли хватит ей упрямства... Видимо, театр она бросила, если в день премьеры к нам явилась. Я думаю, ее оттуда выставили, и не мудрено. Такая разве может сыграть Офелию?.. Из театра ее, значит, выставили, так она к нам пожаловала. А почему бы и нет! Она будет, как барыня, тут распоряжаться, а мы ей — кланяться. Вот какой подарочек мне мой сын приговорил, я-то считала, что у него есть голова на плечах. Когда я понесла посуду на кухню, она пошла за мной, я говорит, вам помогу... Я хотела с ней остаться наедине, поэтому согласилась... (Анне). Мои дети так избалованы, что им в голову никогда не придет помочь матери.

АННА: Меги — хорошая девочка.

ЭЛО: Девочка должна в первую очередь быть хорошей хозяйкой, а не кичиться своей строптивостью...

АННА: Я тоже нехозяйственная...

ЭЛО: Научишься.

АННА: Не думаю.

ЭЛО: Я тоже не думала, но когда понадобилось, семья когда потребовала — научилась! Теперь одна управляюсь целым домом. Хотя не так уж мы нуждаемся... Оставь, я сама вымою, спешить некуда... Все, что вы здесь видите создано моими руками, моим трудом, заботой, любовью.. Если нет любви, семьи не существует. Семья — ведь это не только вещи. И не только стены и потолок. Семья — это тепло, которое всех объединяет друг с другом. Правда или нет?

АННА: Не знаю.

ЭЛО: Что ты сказала?

АННА: Я этого не испытывала.

ЭЛО: Успеешь.

АННА: Нет, не успею.

ЭЛО (удивленно): Почему это не успеешь?

АННА: Потому что я люблю жить одна.

ЭЛО: Я тоже много чего любила, а замуж вышла, все обою.

АННА: Знаете, я ведь замуж не собираюсь... Хочу вам доверить тайну: я никогда замуж не выйду.

ЭЛО (очень заинтересованная): Почему, по какой причине?

АННА: Это трудно объяснить. Вы можете меня принять за сумасшедшую, но меня на этом свете удивляют только три вещи: как передается по телефону человеческий голос, почему не сталкиваются встречные поезда и как муж с женой живут вместе всю жизнь...

ЭЛО (смеется): О Анна, Анна, ты, оказывается, любишь шутить!

АННА: Нет, я не шучу. Я люблю разнообразие, неожиданность... И вообще — пестроту. Да, люблю ходить в кино, люблю мороженое, танцы. А вы танцуете? Ходите в кино?

ЭЛО: Конечно. Кинотеатр как раз в нашем доме.

АННА: Но это же все равно, что смотреть телевизор! Я люблю, когда смотреть кино едешь далеко — например, из Ваке в Авчала или в Навтлуги из Сабуртало. И еще одну тайну вам открою: я очень люблю детей.

ЭЛО: Это прекрасно, детей я тоже люблю.

АННА: Знаете, у меня скоро будет ребенок.

ЭЛО: Что ты сказала?

АННА: Зурико этого не знает.

ЭЛО: Да, но от кого у тебя будет ребенок?

АННА: Только не спрашивайте, как его зовут. Это седой, умный и благородный человек. Правда, он намного старше меня, но разве это имеет какое-нибудь значение? Мы ведь все равно будем вместе недолго. А потом, когда мой ребенок вырастет, я поведу его на могилу отца и скажу: вот, милый, здесь похоронен твой отец, которого я когда-то любила больше себя самой...

ЭЛО: Господи, что ты такое говоришь, Анна!

АННА: Так что, уважаемая Эло, мне самой очень обидно, но вы видите сами, что я вряд ли буду хорошей хозяйкой... Я очень люблю кино и детей и еще не знаю, что полюблю завтра...

ЭЛО: Анна, Анна, ты, конечно, шутишь... Так значит, у тебя будет ребенок?

АННА: Я непременно приведу и покажу его вам... И очень скоро!

ЭЛО: А кто отец, как ты сказала?

АННА: Я вернула ему в старости вторую молодость. Я не думал, сказал он, что у меня еще будут дети, и поцеловал мне руку. Представляете, поцеловал мне руку, как даме.

ЭЛО: Седой, умный, благородный...

Задумывается, как будто вспоминает, кто бы это мог быть.

АННА: Да, благородный, умный и седой...

НАТО: Вот вам и Анна!

ЭЛО: Но кто же это такой? Кого она может знать седого, умного и благородного?..

НАТО (смеясь): Не знаю, не знаю... Я то набросилась на них: вы, говорю, тут кутите, а с бедной Анной как бы чего не случилось... Ее бывшие преподаватели Клавдий и Гамлет чуть не лопнули от смеха...

ГАМЛЕТ (смеясь): Что-то вы сказали, с бедной Анной как бы чего не случилось?! Ты слышишь, Клавдий, уважаемой Нато простительно, она Анну не знает и вдобавок добра безмерно, но я не думал, что она так наивна. «С бедной Анной как бы чего не случилось!» — вы слышали что-нибудь подобное! Она была моей ученицей. Она могла встать во время лекции, заявить, что ей надоело учиться, и уйти. Однажды она притащила ящерицу и сушила ее в карман Клавдию, который тоже был ее педагогом.

КЛАВДИЙ: Если меня спросить, то я считаю, что ваша Анна — типичная хулиганка.

ЭЛО: А у меня, честно говоря, немного от сердца отлегло. Мы вернулись в комнату. Все наши смотрели телевизор. Показывали фигурное катание. Мы с Анной подсели к ним...

ИЛИКО: По правде говоря, я только и жду, когда кто-нибудь упадет. Теперь я уже привык, а раньше, бывало, как закричу: идите, посмотрите, как он упал, идите все! Как будто чудо какое. Вот такие мы, люди, бессовестные.

МЕГИ: А мамочка плачет.

ИЛИКО: А что я такого сказал, Эло? Строи-ка, в самом деле плачет!

ЭЛО: Кто вам сказал, что я плачу? (Вытирает слезы, с улыбкой): Знаешь, Анна, я ведь тоже была артисткой. В институтском драмкружке Луизу играла. (Детям). Отцу вашему я тогда и понравилась. Потом, спустя несколько лет, мы встретились на улице, и он меня узнал. Так начался наш роман.

ИЛИКО: Из-за этого ты плачешь?

ЭЛО: Я очень хорошо танцевала. И петь любила. Анна, хотите, я вам спою?

Поет:

Я могилу милой искал,
Но ее найти нелегко,
Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико...

Все подпевают.

НАТО: Гости разошлись поздно. Гертруда осталась, помогу, говорит, тебе убрать. У нее никого нет, кто бы мог ее вразумить, живет одна. Я люблю ее как сестру, мы ведь выросли вместе.

ГЕРТРУДА: Наш мудрый Гамлет сегодня объяснился мне в любви, разведусь, говорит, с женой и на тебе женюсь. Не бойся, у нас все еще впереди. Сейчас — эпоха молодых бабушек. Посмотри на Офелию, она всего на три года моложе нас, а держится как девчонка. О, какая она хищница.

если бы ты знала! А вообще, если меня спросить, то никто не достоин любви. (Со смехом). Причем я не старой становлюсь, а ветхой! Посмотри, как у меня волосы вылезли (Снимает парик). Полюбуйся!

НАТО: Не бойся, ничего страшного!

ГЕРТРУДА (надевает парик): Раз ты говоришь — ничего страшного, значит, я совсем облысела. Кроме того, у меня хронический катар, паршивая штука. Тоже ничего страшного! Что тебе еще сказать, чем порадовать? Зубной протез я уже показала... Ты не представляешь, как я устала! С удовольствием бы легла и спала неделю, месяц, год... Моя сестра живет в Сухуми, единственный близкий человек, я ее двадцать лет не видела, все некогда. Тоже ничего страшного! Но я все-таки не сдаюсь. (С улыбкой). Не хочу стать такой, как ты.

НАТО (с улыбкой): А какая я?

ГЕРТРУДА: Сегодня у тебя была Анна?

НАТО: Анна? При чем здесь Анна?

ГЕРТРУДА: И что же?

НАТО: Ничего. Просто я с ней познакомилась. Хорошая девочка. Пришла в майке и драных джинсах.

ГЕРТРУДА: Сейчас такая мода, что делать!

НАТО: Ходит в сабо на босу ногу в такой холод, это тоже мода? Я бы воспаление легких схватила.

ГЕРТРУДА: Они другой породы.

НАТО Присела на край стула, заложила ногу на ногу и давай качать двухпудовым сабо на кончиках пальцев.

ГЕРТРУДА (смеясь): Не свистела, случайно? Они любят свистеть.

НАТО: (сердито): Свистела!

ГЕРТРУДА: Да ну тебя, не выдумывай!

НАТО Кем тебе поклясться?.. Учей клянусь! Насвистывала и разглядывала комнату. Кончив разглядывать, спросила: это все ваше? А на машинке вы сами печатаете? Я ей рассказала про мою тетушку...

ГЕРТРУДА: Для этого ты ее вызвала перед самой премьерой?

НАТО: Настоящий маленький звереныш!

ГЕРТРУДА: Была! Была маленьким зверенышем!

НАТО: Я ей сказала, что мы с Учей возлагаем на нее большие надежды.

ГЕРТРУДА (смеется): Ах, НАТО, НАТО, ты мудра и безжалостна, как змея.

НАТО: Потом она взяла мой транзистор и спросила—это ваш транзистор? Я не прибавляю ни слова. Да, говорю, это мой транзистор. Из мешка, какие теперь все носят вместо сумок, она выудила жеваную сигарету, тщательно распрямила ее, закурила и спросила — а это ваш магнитофон? Она со мной говорила точно так, как я разговариваю с учениками, только теперь она была учительницей, а я — ученицей...

ГЕРТРУДА: И при этом свистела, не так ли?

НАТО: Вот и все. Больше ничего не было.

ГЕРТРУДА: Больше ничего или ничего страшного?

НАТО (смеясь): Значит, ты не хочешь быть такой, как я? Но почему все-таки?

ГЕРТРУДА: Я шучу...

НАТО (жестко): Я знаю, когда со мной шутят, когда — нет.

ГЕРТРУДА: (огорченная): Нато!..

НАТО: Никто не хочет быть такой, как я, все меня избегают... Этот дом — ледяная глыба. Знаешь, почему? Потому что я боюсь. Нет, потому что один раз испугалась. Ты знаешь, какой выбор я сделала двадцать лет назад? Я вырвала из своего тела свое дитя, свою плоть и кровь. Я — или ребенок, вот так стоял вопрос. И я выбрала себя. Я хотела жить потому что любила, потому что была счастлива. Тогда я, задумываясь, пожертвовала бы всем ради нескольких безумных и блаженных минут. Боже, эти минуты казались мне вечностью... Если бы я знала, что через эти двадцать лет мне предстоит пройти одной, я бы, конечно, сделала другой выбор. Во всех случаях я так или иначе виновата, и бог меня наказал. Он приговорил меня к самому страшному наказанию — одиночеству. А я одиночества боюсь больше, чем смерти поэтому и соглашаюсь на все, на все закрываю глаза, только бы рядом было живое существо. И пусть он меня ненавидит, ведь ненависть уже означает, что я не одна! Муж по сей день не простил мне моего выбора, он любил меня больше себя самого и поэтому не простил. И не должен был прощать. Так я постепенно превратилась в страшное существо, которое питается своим собственным мясом, мыслями и мечтами... Дошла до такого состояния, что уже боюсь успехов Учи. Когда он побеждает, мне кажется, что он отдаляется от меня.

ГЕРТРУДА: Успокойся, Нато!

НАТО: Жизнь перед каждым человеком однажды ставит такой выбор. Побеждает и долго живет тот, кто жертвует собой ради других. Этот парадокс жизни я не смогла понять сначала. Теперь я постепенно начинаю понимать его великий смысл, но уже поздно... Уча иногда храпит во сне, так, как будто его кто-то душит. Я знаю, отчего это с ним происходит ему снятся кошмары: как будто он и его... нет! — наш ребенок летят над выжженным полем... и никак не могут опуститься на землю. Или сидят на верблюде посреди пустыни, верблюд каменный и стоит на месте... И когда он просыпается, не хочет меня видеть... Я — жертва эгоизма. Несчастливая, оставшаяся в одиночестве, растоптанная. Эгоизм — рак души, разрушающий не только меня, но и все вокруг. Он снижает все на одну ступеньку, принижает любовь, благородство, дружбу, все, что хоть немного нуждается в тепле и понимании. Вот я для собственного спасения ежеминутно готова на новые и новые преступления. Разве сегодня утром с бедной Анной я не повторила того, что совершила двадцать лет назад? Вот и Анна исчезла... Я успокоилась. Но зачем мне это спокойствие, зачем?

ГЕРТРУДА: Что с тобой, Нато, довольно!

НАТО: Эгоизм виноват и в том, что я делаю вид, будто не знаю, что мой муж дважды в неделю ходит к моей ближайшей подруге...

ГЕРТРУДА: Это ложь!

НАТО: Молчи! Я давно об этом знаю. Вот как низко мы упали! В таком страхе я должна прожить всю жизнь...

ГЕРТРУДА (растерянно): Я не думала... Я всегда тела...

НАТО: Нет, мне не надо было этого говорить.

ГЕРТРУДА: Сначала... Как тебе сказать... Мне было жаль... Я его посадила на кухне и дала кофе с молоком. Я ел хлеб с маслом... Как бездомный... бездомный ребенок...

НАТО: Да, бездомный... А ты этим воспользовалась.

ГЕРТРУДА: Ты думаешь, он любил меня или любит?

НАТО: Нет, не думаю!

ГЕРТРУДА: Часами он просиживал у телевизора. Однажды принес шлепанцы... В этих шлепанцах ходил по комнате — взад-вперед, взад-вперед, без передышки, как заключенный. Постепенно я привыкла...

НАТО: Он ходил, а ты на него смотрела?

ГЕРТРУДА: Иногда мы играли в шахматы.

НАТО (в изумлении): Во что-о?

ГЕРТРУДА: В шахматы. Иногда играли до утра.

НАТО (смеется): До утра играли в шахматы?

ГЕРТРУДА (смеется): Да, до утра играли в шахматы...

НАТО (смеется): Я больше не могу! Значит, до утра играли в шахматы?

ГЕРТРУДА (смеется): Да, до утра играли в шахматы.

НАТО (смеется): Хватит, хватит, больше не могу. Значит, играли в шахматы до утра...

ГЕРТРУДА (смеется): Да, до утра играли в шахматы...

Это истерический смех двух женщин.

III

ДЕВУШКИ: В ту ночь Зурико проводил Анну домой. Сидя в машине, они еще долго сидели в машине, о чем-то говорили. Потом вышли из машины... Остановились у подъезда...

АННА: Чего ты ждешь? Почему не уходишь?

ЗУРИКО: Не знаю...

АННА: Хочешь, я скажу, почему ты не уходишь?

ЗУРИКО: Скажи.

АННА: Хочешь зайти ко мне. Ты помнишь, как ломил ко мне однажды?

ЗУРИКО: Прости, я был пьян.

АННА: Ты и сейчас хочешь зайти, но поскольку не хочешь, не решаешься в этом признаться. Верно?

ЗУРИКО (хотя прямо Анны и покорила ее, не сдается): А почему бы и нет?

АННА: Действительно! Чем ты хуже других? Почему бы и тебе не хотеть?

ЗУРИКО: Действительно, почему бы и мне не хотеть?

АННА: Тем более, все хотят...

ЗУРИКО: Кого ты имеешь в виду?

АННА (очерчивает в воздухе большой круг): Всех!

ЗУРИКО (повторяет): Всех...

АННА: Ты что, обижаешься?

ЗУРИКО: Чего мне обижаться?

АННА: Тогда запомни (по слогам): Я имею в виду ВСЕХ!

ЗУРИКО: Я пошел, пока!

АННА: Иди, только запомни: всех!

ЗУРИКО: До свиданья...

Пауза.

ВЕДУЩИЙ (Анне): Продолжай, почему ты замолчала?

АННА: Зурико... Если хочешь, пойдем ко мне... Я напою тебя чаем. (Живо). Да, выпьем чаю.

ЗУРИКО: Уже поздно.

АННА: Как хочешь.... (Обращаясь к Ведущему). Лично я не впустила бы к себе парня так поздно.

ВЕДУЩИЙ: Нет, эта девчонка положительно сведет меня с ума! Кто тебя спрашивает, как бы ты поступила? Дела свое дело и не болтай лишнего!

АННА: Пожалуйста.... (К Зурико). Только у меня не варенье из розы.

Они якобы входят в квартиру Анны.

АННА: Видишь, я-таки пришла к тебе, выполнила свое обещание! Что ты подумал, когда меня увидел? Обрадовался?

ЗУРИКО: Как тебе сказать...

АННА: Наверно, испугался.

ЗУРИКО: Чего мне пугаться?

АННА: А того, что я пригрозила, что приду, и пришла!

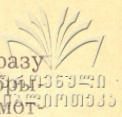
ЗУРИКО: Подумаешь, пришла.. Пальто куда повесить?

АННА: Знаешь, я ведь читала книгу твоего отца, и постеснялась сказать. А ты и Меги не похожи. Она умнее тебя...

ЗУРИКО: Выскочка она...

АННА: Офелию, говорит, на варенье из розы сменяла. Брось пальто на пол, пол чистый. А вешалки нет — все руки не доходят. Как будут деньги — куплю непременно. люблю, когда квартира на квартиру похожа. Вот, например, ваша квартира: и вешалка на своем месте, и зеркало... Я тоже, когда смотрю фигурное катание по телевизору, только жду, что кто-то упадет... Упал, кричу, упал, и катаюсь по полу от радости. Вот какая я злая! А ты не испугался. Мне очень обидно, что ты не испугался... Стул на кухне, если хочешь, принеси. А чаю, говоря по правде, у меня нет.

ЗУРИКО: А я и не хотел чаю.

АННА: Очень хорошо, лучше некуда! Отец твой, сразу видно, добрый... Знаешь, как я люблю быть рядом с добрыми людьми. Как будто сидишь возле теплого радиатора, смотришь на улицу, а там дождь... А мне хорошо... Нет, спокойно...

ЗУРИКО (с улыбкой): При чем здесь радиатор и мой отец?

АННА: Ей-богу, не знаю. Всякие глупости лезут в голову. Если ты немного подождешь, у меня это пройдет, и я буду говорить с тобой по-человечески. Ты любишь человеческий разговор? Слышал когда-нибудь человеческий разговор?..

ЗУРИКО: Анна, я тебя правда люблю...

АННА (с улыбкой): А сказал, что не хочешь чаю.

ЗУРИКО: Не смейся: Я не шучу...

АННА: Хотя скоро придет весна...

ЗУРИКО: Весна?

АННА: И вешалка будет не нужна...

ЗУРИКО: Вот, бросил я это пальто! Успокойся! Ты права, вешалка скоро будет не нужна... (Пауза). Чей это портрет?

АННА: Это мой портрет.

ЗУРИКО: Ты раньше была мальчиком?

АННА: Это портрет моего дяди.

ЗУРИКО: Впервые вижу, чтобы в доме висел портрет дяди.

АННА: Когда отец умер, его фотографию унес пьяный родственник и потерял. Другой у нас не было. (Садитесь на кровать). Ты все еще любишь меня или передумал?

ЗУРИКО: У вас что, была всего одна фотография?

АННА: Ты не удивляешься, что я сегодня не пошла на премьеру?

ЗУРИКО: Я рад, что ты не пошла, остальное меня не интересует.

АННА: Я благодарна тебе за то, что ты не спросил, за то, что остальное тебя не интересует.

ЗУРИКО: Почему ты плачешь?

АННА: Кто тебе сказал, что я плачу? (Со смехом). Этого еще не хватало! «Поворачивай, моя карета»... Это из моей роли...

ЗУРИКО: Догадываюсь. Я терпеть не могу Офелию.

АННА: Спасибо, Зурико... (Пауза). Зурико...

ЗУРИКО: Я слушаю...

АННА: Ну что ты встал над душой, чего тебе надо?

ЗУРИКО (с трудом выдавливая): Ничего...

АННА: Раз тебе ничего не надо, скажи мне хотя бы: тебе когда-нибудь было все безразлично?

ЗУРИКО (надтреснутым голосом): Анна...

АННА: Я не люблю, когда стоят у меня над головой. Садись, чего стоишь?

ЗУРИКО: Куда?

АННА: Иди, садись сюда.

Рукой показывает, чтобы он сел рядом.

ЗУРИКО: Я постою.

АННА: Иди, не бойся.

ЗУРИКО: Чего мне бояться?

Садится рядом с ней.

НАЦІАНАЛЬНАЯ
БІБЛІАТЭКА РЭСПУБЛІКІ
БЕЛАРУСЬ

АННА: Я не думала, что это произойдет так... Думала, что голову потеряю от счастья. А я сейчас ненавижу все и вся...

ЗУРИКО: Что ты сказала?

АННА: Испугался?

ЗУРИКО: Испугался?

АННА: Не бойся.

ЗУРИКО: Я ничего не боюсь.

АННА: Вот и не бойся.

Свет гаснет.

В темноте слышно, как стучат в окно, потом колотят в дверь ногами. Свет зажигается.

Посреди комнаты стоит Анна в одной рубашке.

ГОЛОС: Прошу вас, откройте, человек умирает! Откройте!

Анна смотрит на Зурико, который сидит на кровати и поспешно одевается, делая Анне знаки, чтобы она не открывала.

В дверь колотят ногами.

Анна подходит к двери, показывая Зурико на кухню, чтобы он там спрятался. Зурико выбегает на кухню. Анна открывает дверь. Свет гаснет.

ВЕДУЩИЙ (освещенный лучом прожектора): Остальное вы уже знаете. Они вошли, втащили раненого, попросили Анну вызвать скорую и убежали... Один из них плакал. Вот и все...

Свет зажигается. Зурико выходит из кухни.

ЗУРИКО (шепотом): Анна!

АННА (до сих пор она не сводила испуганных глаз с раненого): Что?

ЗУРИКО (шепотом): Я пойду... Мне надо уйти... Слышишь?

АННА: Да... Да...

ЗУРИКО: Так будет лучше... И для тебя тоже... Скорая вот-вот приедет...

АННА: Да... да... (Вдруг очнувшись): Что ты сказал? Уйти? Нет, не уходи!

ЗУРИКО: Я посмотрю, пришла ли скорая... Так лучше, поверь... Для тебя лучше.

АННА: Я боюсь, Зурико, боюсь... (Кричит). Боюсь!

Зурико убегает.

ЭЛО, ЗУРИКО, МЕГИ И ИЛИКО

ЭЛО: Она боится! Поглядите на эту бесстыдницу! Вы бы видели бедного мальчика, на кого он был похож! Я не спала, ждала его возвращения. Он осторожно открыл дверь. Я вышла в коридор. «Мамочка!» — вскричал он и повалился мне в ноги. (Сыну). В чем дело, сыночек, что с тобой?

ЗУРИКО: Мама, помоги мне, мамочка!

ЭЛО: Я так и знала, что с тобой непременно что-нибудь случится!

ЗУРИКО: Я погиб!

ЭЛО: Может, ты все-таки скажешь, что произошло?

ЗУРИКО: Mamочка, спаси меня!

ЭЛО: Не кричи, соседней разбудишь!

Квартира Анны. Медсестра и Анна. Анна в отчаянье стоит у окна.

МЕДСЕСТРА: Чего только не болтают люди! Разве их заставишь молчать? Или докажешь, что все не так? Я должна тебе все сказать, зачем скрывать, разве не лучше, чтобы ты все знала? Говорят, что ты и тот парень... Ты понимаешь, о ком речь. Соседи говорят, что он ходил к тебе каждую ночь. На чужой роток не накинешь платок! Мы, говорят, с помощью милиции ее из этого дома выселим. Если, говорят, ее любовники будут резать друг друга, нам здесь жить будет невозможно. Или какой пример будут брать с нее наши дети?.. Недавно по телевизору передавали—женщину ограбили среди бела дня, и никто не помог... А я что могу сделать, я же не милиция!.. Жалко, конечно, но кто будет рисковать ради чужого человека. Вот все и говорят — если она его не знала, зачем дверь открыла?.. Давай теперь в карты сыграем.

АННА: Нет... Мне сейчас не до этого.

МЕДСЕСТРА: А до чего же тебе, хотелось бы знать?

Слышен стон раненого:

— Мама... Мама... Mamочка...

МЕДСЕСТРА: (с улыбкой): Слышишь? Это он тебя зовет: мамочка! Мой крестный тоже жену мамочкой называет... Ах ты, шалунья. (С улыбкой грозит Анне пальцем). Mamочка... Куда идешь, мамочка? На базар. Возвращайся скорей, мамочка... Скоро вернусь, папочка. У моего крестного трое детей. Поставили меня тут вас сторожить, можно подумать, что кто-то сюда ворвется. Да с ним ничего страшного, выживет... С такой хорошей мамочкой все образуется. Я сейчас к моему папочке сбегая, он на той стройке работает, а ты пока тут за своим присмотри. (Смеется): Я скоро вернусь, мой папочка сейчас всю меня известной заляпает... Еще хорошо, у меня халат белый...

Убегает.

ЭЛО, ЗУРИКО И МЕГИ

ЗУРИКО: Отец ушел?

ЭЛО: Не бойся. Он все уладит.

ЗУРИКО: Не знаю, может, кто-то записал номер моей машины. Так-то меня никто не видел. Только Анна знает, что я там был...

ЭЛО (совсем потеряв голову): Я так и думала, что-нибудь случится. Когда я тебе говорю, ты не слушаешь, а потом: мама, помоги! Когда уже поздно, тогда роди-

телей вспоминаешь. Родители вам только затем и нужны, чтобы помогать. Я тебе с самого начала твердила, что мне эта девчонка не нравится. Она мне сказала, что ребенка ждет. Ты беременную полюбил и даже не знал об этом...

ЗУРИКО: Это ложь!

ЭЛО: А ты откуда знаешь?

ЗУРИКО: Анна — моя жена!

ЭЛО: С каких это пор?

ЗУРИКО: С этой ночи.

ЭЛО (пристально смотрит на него, после паузы): Если она твоя жена, почему ты здесь?

ЗУРИКО: Мама...

ЭЛО: Тебе что-то померещилось?

ЗУРИКО: Как это померещилось?

ЭЛО: Тогда пойди и заяви, что Анна — твоя жена и ночью ты был у нее.

ЗУРИКО: Кто мне поверит, что я ни в чем не виноват. Этот парень, возможно, уже умер.

ЭЛО: Никто, никто тебе не поверит.

ЗУРИКО: Конечно, я мог бы пойти и заявить, и к Анне мог бы пойти, но кто мне поверит?

ЭЛО: Я, например, верю, что ты не мог убить человека.

ЗУРИКО: Ты — мать.

МЕГИ: Может, и другие поверят. Ты бы попробовал.

ЗУРИКО: Мама, сейчас Меги начнет свои фокусы, а у меня и так нервы не в порядке.

МЕГИ: Ничего я не начну. Мне только интересно, если бы ты сбил кого-нибудь своей машиной и тебя никто не увидел — ты бы тоже убежал?

ЗУРИКО: Мама, скажи, пусть она замолчит!

МЕГИ (включает магнитофон): Я молчу.

ЗУРИКО: А вообще-то ты, мамочка, права. Я сам во всем виноват. Пришла, моей матери заявила, что беременна, мне позволила себя проводить. Мне, говорит, все безразлично... (Цепляется за эту фразу, как утопающий за соломинку). Да, так и сказала: мне все безразлично.

ЭЛО: Что, что?

ЗУРИКО: Все безразлично. (Сестре): Заткни этот магнитофон!

Меги увеличивает звук.

ЗУРИКО: Все, говорит, ненавижу и все мне безразлично. Так и сказала. (Кричит на сестру). Выключи, я сказал! (Матери). И все же, что ей скажет отец? (Сестре): Замолчи!

МЕГИ (кричит): Все равно, говорит, мне все безразлично!

ЭЛО: Он хочет просить ее руки.

ЗУРИКО: Чего?

ЭЛО: Просить ее руки для сына. Меги, уменьши звук, я устала кричать.

МЕГИ (кричит): Все равно, говорит, все равно, все равно!

ЗУРИКО: Может, лучше было мне самому пойти?

ЭЛО: Что ты сказал?

ЗУРИКО (кричит): Может, мне самому пойти к тебе, говоря!

ЭЛО (кричит): Твоя Анна сама сейчас сюда явится!

ИЛИКО И АННА

АННА: Если бы вы знали, как я жалею, что открыла им. Одна соседка даже сказала: ты, мол, что за исключение такое, что их впустила. Они ногами, ногами в дверь колотили. Я открыла и вот как влипла. Соседи написали в милицию заявление, требуют, чтобы меня выселили. (Улыбается). К ней, говорят, каждую ночь любовники ходят. А он все стонет и стонет. (С улыбкой). Зовет меня мамочкой. Нет, конечно, не меня зовет. Он меня вообще не знает, но мне кажется, что меня, и мне хочется прикрикнуть на него: кто твоя мамочка, сопляк! Можно, я выкурю сигарету?

ИЛИКО: Курите, курите, тут дело нешуточное.

АННА: Но ведь у меня нет сигарет.

ИЛИКО: Я не курю, к сожалению.

АННА: Ничего, еще потерплю. Хотите, я скажу вам правду: я думала, что Зурико больше не появится.

ИЛИКО (с укоризненной улыбкой): Анна!

АННА: Он испугался... Нет, конечно, я тоже испугалась... Всякий бы испугался... Знаете, я виновата перед Зурико, не знаю, как в глаза ему посмотрю. В такое положение его поставила. И вас побеспокоила. Знаете, о чем я думала, когда была у вас? Если бы Зурико был хоть немного похож на отца, думала я, какой был бы хороший парень...

ИЛИКО (с улыбкой): Спасибо, дорогая Анна, но учитите, что Зурико тоже хороший парень.

АННА: Вообще-то вчера я думала иначе, а сегодня иначе, как будто вчера я была другой Анной. Если бы сегодня я не была другой, я бы могла подумать, что Зурико прислал вас на разведку, все разузнать и... меня умаслить.

ИЛИКО (улыбаясь): Умаслить... Но зачем? Он в чем-нибудь провинился?

АННА: Если бы я была вчерашней Анной, я бы решила, что вы, такой славный человек, над чьими книгами я проливала слезы, пришли просить меня, чтобы я не называла имени Зурико: как будто его здесь вчера и не было... И правда, если задуматься, зачем я должна упоминать о нем. Во-первых, это нехорошо для моей репутации — ой, я и не думала, что знаю это слово! Во-вторых, пользы от этого никакой, а Зурико это может повредить. Кто поверит, что он не знал этих ребят? Подумают, что Зурико из-за меня ранил этого парня...

ИЛИКО: Анна, вы так говорите, можно подумать, что Зурико действительно в чем-то провинился.

АННА: А что вам сказал Зурико — провинился или нет?

ИЛИКО: Он любит вас, Анна!

АННА (с улыбкой): Откуда вы знаете, что я люблю, когда со мной на «вы» разговаривают? (Жестко). Гово-

рите прямо, что вам от меня надо. Я слушаю вас! Смотрите, смотрите, как дрожат у меня руки!

ИЛИКО: Успокойтесь, все уладится. А если Зурико ^{би-в}самом деле не совершил ничего дурного, пусть меня ^{выслу}шаает вчерашняя Анна, которая за свой короткий визит к нам успела завоевать мою любовь своей искренностью и честностью. Сегодня это такие редкие качества, что я поддался их очарованию. В чем дело, в конце концов? Положение не такое безвыходное, как может показаться некоторым. Зурико вас любит, это главное!

АННА (повторяет с улыбкой): Зурико меня любит... Но вы же знаете, что я беременна от другого...

ИЛИКО (с улыбкой): Между прочим, это будет далеко не первый случай. И лично я, как писатель, могу не только понять такую любовь, но и оправдать ее. В конце концов мы же цивилизованные люди.

АННА: Откровенно говоря, мне было бы приятнее, если бы вы пришли, чтобы осудить меня, а не подкупить. Я ждала от вас гнева, а не прощения... А вы согласны принять в семью женщину, беременную от другого, и не потому, что любите ее, а потому, что вы испугались. А вообще-то, если хотите знать правду, господин писатель, то эту беременность я выдумала по своей глупости... И еще запомните — вашего сына здесь не было, будьте спокойны! Что ему тут делать? Разве мог Зурико оказаться здесь?

ИЛИКО: Анна...

Он хочет что-то сказать, но не может произнести ни слова.

АННА: Хоть бы вы не приходили сюда сегодня. Хоть бы не приходили...

Илико уходит. Анна останавливается перед портретом дяди.

АННА: Вот и моя белая карета с золотыми гербами и кучером в парике. (Плачет). Да, но почему, за что? За что? Вот видишь, что со мной случилось? Но послушай меня: я все равно слепую любовь предпочитаю зрячей ненависти...

АННА И ЕЕ МАТЬ

Мать Анны одета в старенькое пальто с вытертым меховым воротником, в старомодную фетровую шляпу. Она выглядит очень утомленной или подавленной свалившимся на нее несчастьем. Она сидит, сжав руки между колен, разговаривая, раскачивается.

МАТЬ (постепенно повышая голос): Плохие вести доходят быстро. Я все время предчувствовала беду. А тут с утра у меня глаз дергался. Ну, говорю, вот увидите, придут плохие вести.

АННА: Я сразу послала тебе телеграмму...

МАТЬ: Я получила две телеграммы подряд. Одну от тебя, вторую послал какой-то доброжелатель. Интересно, откуда у нас такой доброжелатель! Телеграммы утром принес почтальон. Я стояла в школьном дворе вместе с другими учи-

телями. Это была первая перемена... И нате вам: в квартире твоей дочери человека убили...

АННА: Но я этого не писала!

МАТЬ: Знаешь, что такое телеграмма в деревне? Все равно как по радио передать... Так-то ты отблагодарила меня? Для этого я от всего отказалась, в деревню переехала? Ты думаешь, я не могла жить в городе? Уехала, забралась в глушь, спряталась в этой дыре, чтобы не мешать тебе. Мой муж мне сказал: давай переждем в деревню. Он сам — святой и других святыми считает. Три года я от тебя ни строчки не получала. Хотя, извини, я забыла — ты же не любишь мать, а я сижу и плачу — что я виновата, что не должна была во второй раз замуж выходить. А если бы я осталась с тобой, ты бы меня живьем ведь сгрызла. Еще хорошо, я вовремя спаслась. Ты никого не любишь. Меня не любишь — это ладно. Но ты и отца не любила. Родного отца. У меня руки все от работы потрескались, как печеный картофель. Когда ты каждый месяц получаешь деньги, почему не спрашиваешь, чьими руками они заработаны? Каждое семнадцатое число твой отчим несет на почту деньги и переводит тебе... Ты нас опозорила... Перед всей деревней осрамила. Мне уже сто раз говорила, что моя дочь открывает всем, кто постучится к ней. Пожалуйста, я буду молчать, закрою рот, лучше бы ему землей наполниться! А ты открывай каждому, кто в окно постучит...

АННА: Да поймите же вы, наконец, они ворвались ко мне и оставили раненого. Я больше ничего не знаю и ни в чем не виновата!

МАТЬ: Лучше бы ты у меня в животе задохлась, чем мне до этого дня дожить!

АННА: Увези меня отсюда, заведи с собой, мама, мамочка, возьми меня отсюда, милая...

МАТЬ: Я должна была убить тебя в тот день, когда нашла у тебя в сумке сигареты... Вот тогда и надо было тебя убить, всем было бы лучше...

Анна пытается ее обнять, но мать грубо отталкивает ее.

МАТЬ (встает с криком): Убирайся! (Анна не отстает). Убирайся, я сказала, не прикасайся ко мне!

АННА (рыдая): Возьми меня с собой!

МАТЬ (схватив ее за волосы, поднимает голову и смотрит на нее сверху): Сейчас взять тебя с собой? (Бьет наотмашь). Сейчас взять? Вот, взяла! (Бьет). Взяла! (Бьет).

АННА: Да, да, бей еще...

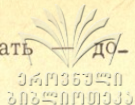
Мать отпускает ее, Анна кидается, целует ей руки.

— Только заведи меня... Только заведи...

МАТЬ: Мужа моего ты не впустила в дом, заявила, что другой отец тебе не нужен, как собака кусалась. Ну, он ушел, пожалел тебя... А теперь взять тебя с собой? Ты совсем, что ли, совесть потеряла? Уже ничего не стыдишься! Убирайся, говорю!

Ногой отпихивает Анну, которая обнимает ее колени. Идет дверям, на мгновение останавливается.

МАТЬ: Ты уже не маленькая. Захочешь приехать — до-
рогу сама найдешь.

Уходит.

1-я ДЕВУШКА: Сначала она позвонила мне, но я была больна. Как раз в то утро у меня поднялась температура.

2-я ДЕВУШКА: Потом позвонила мне. А мне как раз нужно было к тете в больницу ехать. Целый день я провела там. Операция закончилась поздно...

3-я ДЕВУШКА: А у меня зачет оставался, и я весь день ждала преподавателя. Он так и не пришел допоздна.

ДЕВУШКИ: Кончив звонить, она достала из шкафа сумку и начала складывать в нее вещи. В это время вернулась медсестра.

МЕДСЕСТРА: Ты что? Уходишь куда-нибудь?

Анна не отвечает.

МЕДСЕСТРА: Как наш папочка? Ты куда собралась?

АННА: Никуда.

МЕДСЕСТРА: От моего папочки тебе привет. Знаешь, какие у него друзья! Хочешь — познакомлю? Вместе будем известной мазаться! И чего тебе надо было, не понимаю, зачем ты им дверь открывала? Черт с ними со всеми! Кто он тебе — брат, любовник? Ты что, думаешь весь мир переделывать? Теперь все такие, всех ведь не переделаешь. Тогда и впрямь придется каждому открывать дверь и станешь такой... понимаешь?..

АННА: Да.

МЕДСЕСТРА: А теперь, если ты никуда не уходишь, сыграем в карты.

АННА: В карты?

МЕДСЕСТРА: Да.

АННА: Зачем?

МЕДСЕСТРА: Просто так, сыграем.

АННА: Я не умею.

МЕДСЕСТРА: Не выдумывай! Что ты, и в «дурачка» не умеешь? Сядем на кухне за стол, и я тебя научу.

Садятся за стол на кухне. Медсестра достает из кармана халата карты.

— Этот парень через три-четыре дня встанет на ноги...

АННА: Когда?

МЕДСЕСТРА: После дожличка в четверг.

АННА: Что-о?

МЕДСЕСТРА: Через три-четыре дня, говорю.

АННА: Три-четыре дня?

МЕДСЕСТРА: Ты что, оглохла? Раздаем по шесть карт, кладем козырь. Да ты умеешь, наверно...

АННА: Умею....

МЕДСЕСТРА: Если умеешь, раздавай!

АННА: У меня к тебе просьба...

МЕДСЕСТРА: Валяй. Раздавай по две, быстрее будет.

АННА: Нужно отнести в театр одну вещь.

МЕДСЕСТРА: Какую?

АННА: Фотографию.

МЕДСЕСТРА: Ого! Твою?

АННА: Я напишу, кому ее передать. Ты скажешь: эта фотография знает все.

МЕДСЕСТРА (повторяет): Эта фотография знает все... А если спросят, кто меня послал?

АННА: Повернешься и уйдешь...

МЕДСЕСТРА: Хотя посмотрят на фотографию и поймут!

АННА: Да, поймут...

МЕДСЕСТРА: Если ты присмотришь за папочкой, мне не лень прогуляться...

АННА: Хочешь — я подарю тебе свои сабо?

МЕДСЕСТРА: Твои сабо мне будут велики.

АННА: Не будут...

МЕДСЕСТРА: Дай примерить. (Анна снимает сабо, медсестра их примеряет). Как раз. Ну, если хочешь, — подари...

АННА: Только ничего больше им не говори...

МЕДСЕСТРА: Скажу — эта фотография знает все, вернусь и уйду. Но ведь у тебя нет другой обуви?

АННА: Мне не нужно...

МЕДСЕСТРА: Когда ты складывала сумку, я решила, что ты уезжаешь.

АННА: Никуда я не уезжаю...

МЕДСЕСТРА: Бери-ка свои карты. А катушка у тебя найдется?

АННА: В ящике.

Медсестра достает из ящика катушку и держит ее над зажженной спичкой.

МЕДСЕСТРА: Дурака будем сажей клеймить. В больнице мы все время играем. У меня все пятнистые ходят. Один — настоящий дурак, помню, заперся в туалете... Крыто! Сделал петлю из ремня. Тоже крыто! Один конец привязал к ручке, а сам... в общем, как дурак. А я в карты как раз играла. Мне и говорят: почему ты в это время в карты играла? Принимай! В какое время, уважаемый, спрашиваю? Вот в то самое, говорят. А откуда мне было знать, что он дурак. Давай-ка сюда твой красивый лобик! Это раз! (Прижимает закопченную катушку ей ко лбу). Он все равно бы умер через месяц от рака... Взял и в туалете повесился... Я так и скажу: эта фотография знает все. Ах ты хитрушка!..

УЧА, НАТО И ГЕРТРУДА

Уча держит в руках портрет дядюшки Анны. Кладет портрет на стул. Становится перед женой на колени и роняет голову ей в подол.

Нато проводит рукой по его волосам. Гертруда берет портрет, спрашивает глазами у Нато, кто это. Нато пожимает плечами: не знаю. Обе — Нато и Гертруда — думают, что эту фотографию Уча нашел где-то и, по своему обыкновению, принес домой. Но Уча сейчас не пьян. Похоже, что очень утомлен, надломлен. Гертруда с портретом крутится в комнате, играет, шалит, резвится, делает вид, что ищет, куда бы его повесить. Нато машет рукой: ты, мол, с ума сошла, убери с глаз долой.

Гертруда подходит к окну, открывает его, продолжая смотреть на Нато — выбрасывать или нет.

Нато тоже смотрит на Гертруду, но, чувствуется, думает о чем-то другом. Она ласково гладит Учу по голове.

АННА

Анна некоторое время сидит неподвижно. Потом встает, вытаскивает из ящика веревку, влезает на стол, завязывает петлю. Все, кто сейчас на сцене, удивленно следят за ней. Анна, не торопясь, делает петлю. На сцене напряженная тишина.

ВЕДУЩИЙ (очнувшись, окликает Анну): Эй, послушай!

Анна не слышит.

ВЕДУЩИЙ Тебе говорят, чокнутая!

Анна улыбается ему.

ВЕДУЩИЙ (подходит ближе, вырывает у нее из рук веревку): Ты чересчур увлеклась! Этого ведь нет в тексте. Слезай сейчас же!

— Помогает ей сойти со стола.

УЧА (смеясь): Мы превратили комедию в трагедию!

АННА (пристыженная и раздосадованная): Я и в самом деле чокнутая... Меня нельзя выпускать на сцену! Вошла в роль, называется! (Улыбаясь): Я ничего не испортила?

ВЕДУЩИЙ: Ничего. Ты хорошая девочка. На, держи яблоко!

АННА (берет яблоко): Тебе понравилось? Ты не обманываешь меня?

Откидывается на спинку стула, довольная, счастливая, что справилась с порученным делом, заслужила похвалу. С удовольствием откусывает яблоко.

КЛАВДИЙ: Вот вам и Анна!

ГАМЛЕТ: Зря только время потеряли.

ОФЕЛИЯ: Я знала, что все кончится благополучно.

НАТО: Я должна непременно взять ребенка...

УЧА: Пора расходиться.

ГАМЛЕТ: Ты на машине?

УЧА: Нет, Клавдий нас подвезет.

ГАМЛЕТ: Все не поместимся.

ОФЕЛИЯ: Мне с вами не по пути.

ГЕРТРУДА: А я живу рядом.

ИЛИКО: Зурико тоже с машиной.

ВЕДУЩИЙ: А эту девушку провожу я.

Обнимает исполнительницу роли Анны.

КЛАВДИЙ: Пошли, сколько человек поместится — всех посажу.

НАТО: Я обязательно возьму ребенка — удочерю, усыновлю...

УЧА: Ладно, хватит! Пошли!

МЕГИ (кричит): Подождите, подождите!

ГЕРТРУДА: Ведь все выяснилось, чего тебе еще надо?

ЭЛО: Начнет сейчас болтать! (Обращаясь к Меги): Что такое? В чем дело?

ОФЕЛИЯ: От этих выскочек просто спасу нет!

МЕГИ: Я говорю, подождите!

Вскакивает на стол, на котором перед этим стояла Анна.

МЕГИ (с беспомощной улыбкой): Да но... да но... да но... да но..:

Она хочет что-то сказать и не может, изумленная и испуганная в одно и то же время. Кто-то протягивает к ней руку, кто-то фыркает, за ним другие, и скоро все начинают смеяться, смех перерастает в хохот. Держась за животы, артисты сталкиваются друг с другом, хохочут, покатываются со смеху. На столе, потрясенная и ошеломленная, стоит Меги.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ.

Я РОДИЛСЯ ОСЕНЬЮ

Едва рожденный, в поисках тепла
Я вышел в осень. Свет листа сухого
Мерцал над ней. Исчерпанное солнце
Казалось солнцем только потому,
Что лист мелькал на черном фоне неба.

Нет, — солнце было выцветшим листом,
Но облетевшим не в садах Эдема,
Пыль улицы моей была на нем,
Земная пыль, примятая ногами.

И не был он одет блаженной шерстью.
И не было тепла в живущих им.
Ах, солнце, — несуразный человек
Пинком подбросил белую жестянку.

Потом задрал башку и обомлел:
Вращался череп в черном небосводе.
И человек, болтавший о футболе,
Заговорил о жизни и о смерти.

И вот тогда, не в силах удержаться,
Шуршащий лист сорвался с черной ветки,
И я родился в недрах ноября.

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

* * *

Бывают минуты,
когда изведенный бессонницей, в полночь
ты слышишь внезапный шум,
который тебя тиранит,

и ты не в силах постичь,
что же он напоминает:
может быть, топот копыт,

с детства запавший в память,
страх, или шелест деревьев,
или девичьи шаги —
мúку студенческих лет...

Бывают минуты,
когда изведенный бессонницей, в полночь
ты слышишь...
Но однажды, потом, много позже
ты с трудом понимаешь,
что это —
сердцебиенье земли.

* * *

Ты только взгляни:
солнце отбросило в сторону
винтовку с оптическим прицелом
и отправилось в царство свое,
чтобы сливы покрыть загаром.
По крыше снуют кровельщики,
ее — тук-тук-тук! — починяя.
Ты только взгляни:
мама с твоей женой
бок о бок сидят, как голубки,
уставясь на красные кончики туфель.
Ты только взгляни:
между людьми и предметами,
среди которых ты жил,
установилась гармония!
Лишь оттого,
что ты лежишь
посреди своей комнаты —
мертвый.

ЛЮБОВЬ

Этой ночью
я был у тебя,
но не застал тебя дома,
и твоего дома
я нигде не нашел
в этом городе,

которого тоже
нигде
нет.

* * *

Закрою глаза
и увижу беспечные сны,
потому что ты будешь во мне заперта,
закутавшись в нежность ресниц.
А утром
мои слезинки
распахнут пред тобою двери —
улетай!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Благородные уличные деревья!
Я вас повсюду, повсюду люблю,
где бы вы ни стояли в Тбилиси —
на улице ли Бараташвили,
на проспектах Важа или Руставели, —
ибо вы расположены
на таком расстоянии друг от друга,
что всегда сумеете
домой проводить
пьяного.

Вы на руках несете
его усталое тело,
прижимая к груди, облизывая шершавым
языком
и бережно — из рук в руки —
передаете собратьям,
пока он не позвонит
в дверь своего дома.

Благородные уличные деревья!
Пусть вас никогда не печалит
мысль, что ваши предки
обитали в дремучих лесах,
ведь и мои когда-то
сидели вокруг костра.

Ну а теперь мы с вами
должны подставлять головы
под скучную уличную пылицу
и вместе скорбеть и радоваться...

И вот я держу в руке
полную чашу вина
и знаю — сердце проклятое чует, —
что хозяин дома, такой ученый и учтивый,
скоро выпроводит меня
из теплого своего жилища
на улицу... на февральский мороз... одного...
и я встаю во весь рост
и вызывающе,
и нарочито медленно
пью за вас — за Вас,
уличные деревья!

Перевод Александра МАРКЕВИЧА

ДЖОНГА

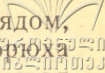
Рассказ

ДЖОНГА, повернув сильную, крепкую шею и забыв о сочной траве, огромными, любопытными глазами смотрел на странное зрелище.

В поле, неподалеку от того места, где он пощипывал траву, сбежались собаки со всего поселка. Одни заигрывали друг с другом, изливая страсти, другие с собачьей завистью рычали на собрата, всем своим видом показывая, что при случае не пощадят шкуру соплеменника.

Джгуна, единодушно признанный вожаком песьей стаи, обычно держался особняком. Однако в тот день он досыта наелся, был в игривом расположении и даже снизошел до своих собратьев, к которым, как правило, относился только лишь с презрением. Сейчас он вел себя с ними как ровня, резвился, ластился к другим псам, точно они неразлучные друзья, спят в одной конуре и едят из одной миски. Осмелев, собаки кружили вокруг Джгуны, весело повизгивая, однако ни на минуту не забывали об осторожности, о вечно неувядающей морали в отношениях нижестоящих к вышестоящему. Они позволяли себе только то, что мог одобрить самолюбивый Джгуна, знали, что их вожак любит, когда ему почесывают брюхо, в особенности если он сыт. Вот и сейчас они стремились угодить своему повелителю. Брюхо у Джгуны было одно, а желающих почесать его много, и потому между ними разгорелась отчаянная схватка за пальму первенства. Преуспел в ней молодой кобель Бобгиа, то и дело пускавший в ход оскаленные зубы.

По тому, как Джгуна зевнул и томно потянулся, Бобгиа тотчас угадал желание вожака, верно определил место, куда тот направится, и ринулся туда. Не успел

Джгуна развалиться на спине, как Бобгиа был рядом, передними лапами отхватил себе большую часть брюха и приступил к исполнению великой миссии. Почесывал он столь почетное брюхо не лапами, а мордой, почесывал с большой осторожностью и мастерством, настолько умело, что привередливый Джгуна ни разу даже не зарычал. Он выполнял свои обязанности, подобострастно заглядывая Джгуне в глаза. Искоса поглядывая на своих собратьев, он ловил их завидующие взгляды, но не обращал на них внимания.

Но вот Джгуна недовольно зарычал и задней ногой почесал ключицу. Смысленный Бобгиа тотчас смекнул, что могло вызвать неудовольствие вожака, пошарил носом в шерсти, нашел навозную муху, торжественно продемонстрировал ее и с удовольствием проглотил.

Джгуна одарил его благодарным взглядом, у Бобгиа от радости прямо-таки выросли крылья и он победоносно оглядел своих собратьев.

Наконец Джгуна зарычал в знак того, что хватит, лениво потянулся, сожмурился от яркого солнца и отдался неге.

Собаки, боясь нарушить сон вожака, отошли в сторону и затихли.

В тени развесистого дерева сидел на пенечке черно-волосый, смуглый Гигло и тоже наблюдал за собаками. Стоило им притихнуть, как мальчик заложил в рот пальцы и звонко свистнул.

Собаки тотчас примчались и окружили его, повизгивая в радостном ожидании.

Гигло заранее представлял, что последует за его затеей, и таинственная улыбка заблуждала на его смуглом лице. Он не спешил, заставил собак замереть в ожидании, потом размахнулся и швырнул далеко огромную кость. Собак как ветром сдуло. Они готовы были разодрать друг друга в клочья, чтоб схватить подачку, но сильный Бобгиа и тут одолел всех: он ловко схватил кость и помчался к Джгуне. Вожак жадно вцепился в кость, отошел в сторону и сел, придерживая кость лапой. Ну кто посмел бы выразить свое недовольство? Собаки молча повернулись и, свесив языки, расселись поодаль.

Несмотря на то, что он был сыт, Джгуна грыз кость с таким ожесточением, словно постился весь великий пост. Он грыз кость с остервенением, получая огромное удовольствие от сознания того, что во всем собачьем мире именно он достоин такой чудесной добычи.

А у собак, столпившихся поодаль, то и дело сводило с голоду животы.

Бобгиа, сидевший к Джгуне ближе остальных, лязгал зубами, но сильное чувство голода перекрывало более высокое — чувство подобострастия.

Гигло снова свистнул.

Собаки повернули головы. И когда Гигло швырнул вторую кость, они со всех ног кинулись за ней. Стоило одному из псов схватить кость, другой, настигнув, вырывал ее. Но добыча недолго оставалась у него — ею тотчас овладевала другая пасть. Наконец положение так обострилось, что псы, уже не помня себя, рвали друг друга в клочья. Кое у кого из раны хлынула горячая кровь. Ну кто сказал, что собака не будет рвать шкуру собаки?

Только тогда затихла свара, когда от кости и следа не осталось.

Джонге надоели собачьи схватки, он подошел к обочине поля и снова стал неторопливо пощипывать траву. Заслышав шаги, он поднял голову и, увидев Гигло, выгнул шею и стал дожидаться его.

— Джонга! — донесся до него звонкий голос.

Джонга улыбнулся, словно ребенок. На его широком лбу пролегли глубокие, добрые морщины.

— Ну как ты, дружище? — спросил, подойдя, Гигло, словно они давно не виделись, и обвил руками могучую шею друга.

Бык радостно замычал, вытянул шею и сожмурился в ожидании ласки.

— Джонга, мой Джонга, если бы ты знал, как я скучаю без тебя! Ты ведь тоже скучаешь без меня. верно?

Джонга снова радостно замычал.

— Верю, верю! Если бы ты умел говорить, как бы мы с тобой беседовали! Хотя я тебя и без слов понимаю!..

Гигло ласково похлопал его по лбу и поцеловал в уголок глаза.

У Джонги покраснели глаза, он благодарно сомкнул толстые веки и зачмокал губами.

Мальчик подставил щеку, и Джонга осторожно, нежно лизнул ее.

Дюжий вол Джонга. Гигло хорошо помнит юность друга, помнит, как всего несколько дней от роду, Джонга, дрожа, передвигал слабые ноги, словно боялся, как бы земля не разверзлась под ним. Моргая глазами, прижимался он к матери, она лизала его шершавым языком, взъерошивала шерстку на лбу. Но очень скоро Джонга окреп и вырос. Еще бы! Ему ли не расти крепышом, когда он вылакал столько молока! Хозяин любил Джонгу и даже по-своему баловал его. Он не подкармливал малыша, чтоб тот мог вдоволь напиться материнского молока. Наевшись, Джонга становился веселым и игривым, и тогда его тянуло к строптивым петухам, на которых он, как ему казалось, грозно фыркал, или же он заигрывал с соседским щенком Джгуной, который обычно охотно вступал с ним в игру. Джонга и Джгуна вскоре так подружились, что уже не могли жить один без другого.

Гигло любил обоих. И своего бычка и соседского щенка. Но, бывало, им доставалось от него, чаще всего хитрому щенку, который и подзуживал Джонгу на какую-нибудь шалость. Заманивая Джонгу в соседский огород, Джгуна убегал, а вошедший в азарт Джонга радостно прыгал, топтал грядки, спугивал наседку с цыплятами, вызывая законный гнев хозяина и дворовой собаки.

Гигло не оставлял безнаказанными проделки щенка, Джгуне здорово доставалось, а бычка он учил:

— Ты будь осторожнее, Джонга, не забывай, что наш Джгуна большой хитрец. Будь настороже, неизвестно, что еще этот проказник надумает.

Джонга тогда не очень-то прислушивался к словам мальчика, всем сердцем тянулся он к резвому и шаловливому Джгуне.

А дни бежали. Гигло не переставал заботиться о Джонге, досыта кормил и поил его, особенно тогда,

когда его оторвали от матери. Суровой зимой Джонга жил в теплом сарае, летом Гигло выгонял его на прохладные пастбища, купал, чистил и холил его, расчесывал частым гребешком. С каждым днем привязывался бычок к мальчику. Со временем любовь эта так окрепла, что их уже, как говорится, водой было не разлить.

Возмужал Джонга, не было ему и двух годков, а вымахал он в быка по четвертой траве.

Жил он вольготно, словно юноша, у которого в жилах течет горячая кровь, резво носился по полю, то и дело заглядываясь на своих ровесниц, но хозяин вскоре навсегда погасил огонь страсти в его глазах. Еще более налились у него мышцы, окрепли ноги.

Прошло время, решил хозяин запрячь Джонгу в ярмо, да тяжким оно показалось волю, рванул он, помчал и чуть было не свалился в овраг вместе со своим хозяином.

В тот же день испытал Джонга на себе силу и злость ясеневых прутьев. Но и в другой, и в третий раз не покорился он воле хозяина, и в другой и в третий раз почувствовали его бока ярость хозяина. Пожалеть его было некому, только Гигло понимал и сочувствовал ему.

— Джонга, трудно тебе, мой Джонга, распрощаться со свободой. Это не ярмо, это сама жизнь давит, Джонга. Хорошо было тебе на воле, но ты, Джонга, рожден для того, чтоб тянуть ярмо. Что поделаешь, должен ты примириться со своей воловьей судьбой. Другого выхода нет, что поделаешь? Жаль мне тебя, мой Джонга, ох как жаль! — шептал Гигло, поглаживая Джонгу.

Джонга слушал, не спуская с мальчика печальных, задумчивых глаз.

Примирился с судьбой Джонга. Исправно нес он службу, молча подставлял выю под ярмо, выполнял все указы хозяина. И поскольку был он сильным и исполнительным, взваливали на него самую тяжелую ношу, самую трудную работу.

В вспашку закладывали волов в три ярма, и на плечи Джонги ложилась самая трудоемкая работа — работа бороздинного вола.

Известно, переднему быку в вспашке не больно достается. Надоест ему работа, так он может позволить себе и передохнуть, а без бороздинного вола плугарю не обойтись. Джонга добросовестно шел по борозде, грузно покачивая мощными боками, ни разу не замычал, ни разу не поднял на плугаря глаза, в которых нетрудно было прочесть упрек. Устав, он с шумом выдыхал воздух, чтоб вдохнуть свежую струю и с новыми силами продолжить работу. Не надо было кричать на него, стегать, и даже незнакомый Джонге плугарь невольно располагался к нему по-доброму.

— Ну что с тобой, Джонга? — бывало, сочувственно спрашивал он, заметив, что вол устал. И тогда Джонга, собрав последние силы, безропотно шел вперед. С ним можно было ладить только по-хорошему, окрика, грубого слова Джонга не выносил.

И еще Джонга любил песню, любил самозабвенно, до слез. Он наслаждался песней, как человек, она снимала с него усталость, разгоняла тоску, и работалось ему тогда легко и радостно, словно впервые открывал он для себя красоту и пронзительную яркость солнечного дня. Гигло знал это — и неслась по полю его звонкая, веселая песня.

— Ай да Гигло! — восхищался сыном пахарь и, не удержавшись, подхватывал песню.

Пласты вспаханной земли ложились за пластами, приятным теплом несло от насыщенной пашни.

Не сосчитать, сколько раз обходил Джонга поле, черными строчками следовали один за другим вспаханные жирные пласты земли. Конечно же, к концу дня останавливался Джонга в изнеможении, и тогда его распрягали, чтоб мог он вдоволь наесться высокой сочной травы в прохладном, продуваемом ветром поле. Окинув взором вечернее поле, довольный своей работой, Джонга приступал к вечерней трапезе.

— Джонга, мой Джонга! Приятно, небось, наслаждаться своей работой? — говорил Гигло, поглаживая его по потной спине. Мальчик уставал не меньше Джонги, и эта общая усталость связывала их еще крепче.

Вечер опускался на землю, и Гигло вел своего друга на пастбище. Не только Джонга, но и другие волю после долгого утомительного дня острее ощущали вкус сочной прохладной травы. Кормили их доотвала, ведь после недолгого сна, едва посветлеет небосвод, им снова выходить в поле. Жадно, загнув головы вниз, ели волю траву на несбитом лугу, бодрствовал в ночном Гигло. Мало ли какая неожиданность подстерегает стадо в ночном. Увлечшись, волю могут забрести в заповедник или же не заметить подкравшегося зверя. Уже не раз, отбившись от стада, испытывали на себе бедные животные острые клыки хищников.

А Джонга любил одиночество. Он и этой ночью не заметил, как отошел от стада, увлекшись мечтой, которую мог понять разве что только Гигло. И вдруг боль острием вонзилась ему в бок. Очнулся Джонга, ловко боднул подкрашующую к нему волчицу. Но та с еще большей яростью накинулась на него. Однако Гигло подоспел вовремя, выхватил кинжал и вонзил его в левый бок разъяренной волчицы, не то лежал бы сейчас Джонга с перегрызенным горлом.

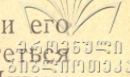
Гигло вытирал травой кровь и сокрушенно вздыхал:

— Ну что с тобой, Джонга, неужто позабыл, что нельзя ночью уединяться, того и гляди напорешься на беду... Много зла бродит по земле, а коварства и того больше. Ты в темноте плохо видишь, а коварство хорошо видит даже в преисподней!

Джонга покорно молчал, сознавая, что виноват только он один.

Бодрствовал ночью Гигло, но, как говорится, даже река однажды засыпает. Вот и Гигло, бывало, одолевал сон. И стоило Джонге заметить, что Гигло спит, как он, отделившись от стада, подходил к своему другу и не смыкал уже глаз до тех пор, пока жаворонок не заводил свою раннюю трель. Занималась заря, наступал новый день, в котором Гигло и Джонгу ждала новая работа.

Не только на пашне проливал Джонга пот. И снопы приходилось ему возить в самое пекло, когда, как говорится, на солнце можно яичницу зажарить. Он вез сно-

пы с верхнего поля на ток. А то, бывало, впрягали его в тяжелую молотильную доску и заставляли вертеться жерновом. А солнце палило нещадно. Но и здесь Джонга был безропотен, и пшеницу молотил, и ячмень, сам довольствовался половой, чтоб хозяину больше зерна осталось. А затем шел Джонга на мельницу, где мололи пшеницу, и увозил домой муку. И хворост он тащил на себе, и дрова, и в Агзеван за солью шел безропотно.

Приступали к постройке дома, и здесь не обходились без Джонги. И тяжеленные камни он возил, и горячую известь, и сырой песок, и мшистые бревна.

Когда же задумали строить храм, снова запрягли в работу Джонгу.

И виноградарям нужна была его помощь: и колья он возил, и полные виноградом корзины, и огромные кеври.

И в праздники без него не обходились, мол, силен Джонга и надежен, да и статью вышел, одно удовольствие глядеть на него в свадебном шествии. Вот все село и надеялось на Джонгу. Хозяину отработывали целых пять дней за день аренды Джонги. Украшали лоб Джонги серебряным венцом, вешали на крепкую шею колокольчик, впрягали в свадебную арбу и отправлялись за невестой. В пути Джонга наслаждался звуками зурны и доли, мощной, разудалой свадебной песней «Макрули». И такая бурная радость охватывала Джонгу, что он готов был сам запеть.

И приданое вез Джонга, и в день рождения младенца бывал у молодых, и на крестинах.

А сколько раз вместе с односельчанами отмечал он храмовые праздники. Он не спеша, с достоинством шел по склону, везя арбу с хлебами, пирогами, бурдюками. К арбе, как правило, был привязан обреченный на заклание баран, а вслед за арбой склоны Да-нахвиси или Геристави на коленях преодолевали богомольцы, достигнув храма, они принимались за трапезу, наполняли воловий рог чистым, как воловья слеза, вином и радостно провозглашали тост за небесную росу и улыбку земли, за десницу человека и трудолюбие вола, зажигали свечи перед иконостасом и на рогах у Джонги, молили всевышнего о мирной жизни, о здоровье детей, о хлебе насущном.

И в горе не оставлял Джонга своего хозяина и его

близких. И здесь он бывал рядом, понимающими, полными слез глазами смотрел он на родственников, усопшего оплакивал его вместе со всеми, потом вез покойника в последний путь. И камень могильный приходилось ему доставлять на кладбище, и поминальную еду.

Нелегкая жизнь была у Джонги, сколько он помнит себя — он все время в работе, рядом с человеком, как кровный его брат.

Земля устает, и что удивительного в том, что уставал и Джонга. Останавливался он, бывало, взмыленный, и задумчиво глядел в землю.

— Что, устал, Джонга? — покачивал головой Гигло. — Ну, конечно же, устал, бедняга!

Гигло гордился тем, что такого сильного вола, как Джонга, не было ни у кого окрест.

— Смотрите, смотрите на моего Джонгу, какие у него мышцы, словно кулак, крепкие. Кого угодно выводи против него! — хвастал Гигло, гордо подбоченясь.

Отдохнувший Джонга стоял в стороне, словно борец в ожидании встречи с соперником, и с достоинством поглядывал по сторонам.

Гигло с друзьями любил сталкивать меж собой волков, но Джонге, признаться, это не доставляло большого удовольствия. Но никуда не денешься, и вот они с Гигло идут на берег реки, где он должен вступить в состязание с молодым бугаем, беспечно шатающимся по проселкам.

Они столкнулись лбами. Долго сердито вращали глазами, примериваясь друг к другу, отошли, замерли и... решительно бросились друг на друга. То один переходил в атаку, то другой, все более и более входили они во вкус битвы, вот уже ярость одолевала их, уже земля дрожала у них под ногами, и все окрест заволакивало пылью.

— Гляди, гляди-ка, словно горы столкнулись! — восхищался Гигло.

Они бились отчаянно.

— Давай, Джонга, давай!

Джонга не спешил.

Бугая, привыкшего к легким победам, постепенно одолевала злость, в бешенстве кидался он на Джонгу, казалось, вросшего в землю, словно могучий дуб.

— Эй ты, дикарь, ну кто так борется! — сокрушался Гигло, когда бугай действовал не по правилам.

Джонга не спеша, с чувством собственного достоинства отбивал атаки соперника. Он выждал, пока горячий соперник его выдохся, и сам пошел в атаку.

— Ну что дрожишь, как малярийный?! — кричал радостно Гигло. — Глядите, глядите-ка, вот-вот заревет ваш бугай, как беспомощная баба!

Джонга уже скрутил соперника в бараний рог, того и гляди свалит он его на глазах всей честной публики, но почему-то вдруг замер. Он увидел в глазах соперника мольбу и страх. Нет, скорее это был страх не побежденного, а боязнь быть осмеянным. И Джонга отошел от него. Мальчишки захлопали победителю и заулюлюкали вслед покидающему поле бугаю.

А Джонга стоял молча и только смущенно поглядывал на всех огромными глазищами.

— Ну и вол! Такой и с горой может состязаться! — говорили одобрительно крестьяне.

Силен был Джонга, но не зазнавался, не хвастал этим. И зависть в душе его не гнездилась. Если кому-то из собратьев жилось легче, Джонга только бывал рад за него. А уж когда надо было прийти на помощь, Джонга всегда оказывался рядом.

Самыми счастливыми в жизни Джонги были часы, когда Гигло был рядом, когда Гигло пас его, кормил самой сочной травой. И в реке они вместе купались. Помнит Джонга, как однажды Гигло заплыл далеко, не обращая внимания на волны. Сильное течение подхватило его и понесло. Не растерялся тогда Джонга, ринулся в воду, доплыл до мальчика, поставил ему свои рога. Ухватился Гигло за рога, и поплыл Джонга, вынес на берег своего друга.

— Джонга, мой славный Джонга! — шептал Гигло, придя в себя. — Ты спас меня... Ты мой верный, мой самый верный друг!

Даже во сне не расставался Гигло со своим другом. Вот и в ту ночь, едва он сомкнул глаза, как привиделся ему сон:

Джонга спокойно щипал траву, а он сидел грустный неподалеку на бугорке и играл на свирели. Вдруг ви-

лит он перед собой девушку невиданной красоты, с крыльями за спиной.

— Что грустишь, парень? — спросила красавица.

— Эх, жизнь мне не мила, похитили у меня возлюбленную, и я не знаю, где искать ее.

— А-а, так это у тебя похитили возлюбленную?

— Да...

— Хочешь, помогу?

— Еще бы! Я буду всю жизнь благословлять тебя.

Красавица протянула ему зеркальце.

— Смотри.

Взглянул Гигло и видит: в пещере перед горящей свечой молится девушка. Она до того светла и прекрасна, что от нее светло в этой мрачной пещере.

— Мзетамзе, моя Мзетамзе! — воскликнул Гигло и рванулся к зеркалу.

— Осторожнее, не разбей зеркальце, — остановила его красавица. — Видать, ты очень любишь ее.

— Очень, как свободу!

Гигло смотрел на возлюбленную, и ему казалось, он ощущает трепет ее рук, словно наяву прикасается к ее шелковистым волосам, заглядывает в ее лучистые глаза. И вдруг он видит, как в пещеру вваливается девятиглавый дэв.

Девушка в страхе закричала. Дэв улыбнулся, обнажив девять клыков.

— Помогите! — закричала девушка.

— Эх! — сжав кулаки, заскрежетал зубами Гигло.

Красавица с зеркальцем сочувственно вздохнула.

Вол замычал громко, отчаянно.

— Эх, вот бы мне очутиться там! — вскричал Гигло.

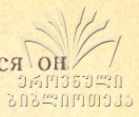
— Видать, ты добрый малый, я исполню твое желание. Садись на своего вола.

Джонга послушно и охотно подставил спину. И вдруг у Джонги выросли крылья, и он полетел вслед за ангелом. Перелетели они за девять гор и девять морей и опустились в большом дремучем лесу. Это были владения девятиглавого дэва.

Подошли они к пещере.

Почувяв дух человеческий, дэв оставил в покое Мзетамзе и ринулся навстречу пришельцам.

— Ха-ха-ха! — зарычал он. — Какой лакомый кусочек пожаловал ко мне! Ха-ха-ха! Как думаешь, его луч-

ше пожарить или же съесть вареным? — обратился к ведьме.

— Разумеется, жареным! Лакомый кусочек, точно цыпленок! — улыбнулась ведьма своими желтыми зубами.

— Хо-хо! И вол впридачу! Гляди, гляди-ка, как хорош, съесть его одно удовольствие!

— Ешь на здоровье! Быть может, и пройдет твой недуг, который все называют обжорством...

— Ты права, ведьма! Ох как права! И дэв стал точить ножи.

Гигло и Джонга переглянулись, Гигло почувствовал, как все его тело наполняется невиданной силой, он ринулся на дэва, отрубил ему лапу, потом стал одну за другой отрубать головы. А головам этим все не было конца.

Устал Гигло, выдохся, тогда изловчился дэв, схватил его и понес ко рту, но тут в бой ринулся Джонга, он поддел дэва своими могучими рогами и швырнул его в кипящий котел. Дэв зарычал страшным голосом, ведьма поспешно развязала мешок с волшебным зельем, но Джонга и ее успел швырнуть в костер. Ведьма сгорела так, что даже пепла от нее не осталось.

— Дай бог вам здоровья! — слышалось отовсюду. И только сейчас Гигло увидел людей, которые связанные лежали около костра.

Гигло развязал их и ринулся к пещере, вход в которую дэв закрыл огромной глыбой. И тут ему на помощь снова пришел Джонга. Вдвоем они смогли отодвинуть глыбу, и Гигло увидел в глубине пещеры свою возлюбленную. Они бросились друг другу в объятия.

Джонга радовался вместе со всеми.

— Куда же вы теперь? — поинтересовались люди, которых Гигло освободил.

— Нас зовут звезды, — отвечал Гигло.

И они с Мзетамзе сели на Джонгу, а Джонга взмыл в небо и стал подниматься все выше и выше.

Постепенно уменьшалась под ними огромная земля, становилась все меньше и меньше.

— Какая она маленькая, наша земля! А сколько на ней добра и любви, зависти и ненависти.

Но вот и земля исчезла, остались позади и луна, и солнце, и звезды. Они обозрели с высоты весь мир,

и жизнь им показалась столь же бесконечной, как эта Вселенная. Но очень скоро они затосковали по земле, и Джонга стал опускаться все ниже и ниже, и наконец они ступили на родную землю...

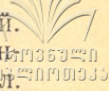
...И тут проснулся Гигло. И пожалел, что все это приключилось с ним не наяву, а во сне.

Стоило Гигло проснуться, Джонга лизнул его в спину, потом вытащил у него из-за пояса свирель и положил ее рядышком. Гигло засмеялся, встал, потянулся, пригладил встрепанные волосы, сел на мшистый камень и заиграл. И застонала, запела свирель. Всю свою душу вложил Гигло в эту мелодию, и полилась песня по ожившему утреннему полю. И слушали Гигло все звери в лесу, птицы затаились на деревьях и внимали волшебным звукам свирели, когда же Гигло кончил играть, все разом сорвались с ветвей и дружно хлопали крыльями, словно благодарили.

Джонга, широко расставив ноги и низко склонив голову, весь превратился в слух. Какое-то неизъяснимое, отрадное чувство, чувство красоты и спокойствия овладело всем его существом. Он слушал, зажмурившись, и вдруг из глаз его покатались слезы, то были слезы радости и восхищения. Порой он поднимал голову, поводил своей сильной шеей и широко открывал рот, словно собирался запеть. Наконец одолели его нахлынувшие чувства, он задрал голову и радостно замычал, так громко, что его, пожалуй, услышала вся деревня.

Звуки свирели достигли и слуха собак. Многие из них вовсе не любили и не понимали музыку и потому не обратили на нее внимания, они продолжали свою привычную возню, носились друг за другом и злобно рычали.

Джгуна сидел в отдалении от своих сородичей и, сощутив глаза, наблюдал за мальчиком и волком. Не радость доставляли ему звуки свирели, а вызвали злость и досаду. Он ненавидел эту музыку, вероятно, скорее всего потому, что она невольно напоминала ему о дружбе Джонги и Гигло. О, как он ненавидел Джонгу, просто терпеть не мог! Когда же замечал, как Гиг-

ло ласкает Джонгу, он вздрагивал, словно ужаленный. Почему он так ненавидел его? Чем не угодил ему Джонга? Ведь ничего, кроме добра, он от вола не видел. Джгуне следовало бы уповать на него, ценить его, как ценит его человек, а Джгуна его ненавидел.

Вот и сейчас, сощутив в злобе глаза, наблюдает он за Гигло и Джонгой, и сердце его переполняется завистью. Звуки свирели бесили его, глухо рыча, он пытался подавить подступавшую к горлу злобу. Зависть, мучительная зависть терзала его, как неизлечимая болезнь, он завидовал Джонге во всем, и в первую очередь в том, что Джонга был именно Джонгой. Джгуна сожалел, что он пес, а не вол: не обладал его силой, не имел рогов, не был выносливым, не имел такого же доброго сердца, такой большой души. Он так и не заслужил любви и уважения хозяина, а Джонга вот преуспел в этом. Не он ли, Джгуна, верой и правдой служил хозяину, не спал ночей, чтоб мог спокойно спать хозяин, а тот кормил его объедками и костями. А сколько раз его пинали, швыряли в него чем попало. Да, недоволен Джгуна своей собачьей судьбой и день ото дня становился все злее и злее, сердце его с каждым днем переполнялось завистью. Вот почему он так ненавидел все воловье племя, а также людей, вот почему так часто тишину нарушал его истошный лай. Что ж, на то и собака, чтоб лаять, разве не ради этого держат Джгуну при дворе. И в самом деле, такого верного сторожа не найти во всем собачьем мире — даже муравей не проползет во двор хозяина, птица не пролетит так, чтоб Джгуна не заметил и не облаял их. Но в последнее время он изобрел другой способ отпугивать всех от хозяйских ворот: он не издает ни звука, лежит, закрыв глаза, словно спит. Но стоило гостю спокойно пройти мимо, как Джгуна вскакивал и хватал его за пятку. А то и штанину рвал на нем, и не только знакомым, но даже своим, соседям не было покоя от Джгуны. Он и с Джонгой решил было поступить так же, но Джонга вовремя спохватился и с такой силой отшвырнул его в сторону, что Джгуна с тех пор не смел к нему близко подойти. Но зато издали он рычал и лаял на Джонгу изо всей мочи.

Если бы он отпугивал только тех, кто приходил к хозяину, не было бы беды. Но он лаял во всю глотку

даже тогда, когда кто-то появлялся за околицей или же до слуха его доносился подозрительный шорох. Он лаял не только на живые существа, он мог лаять на дерево, камень, землю, воду. Лаять до тех пор, пока вконец не выдохнется. Полаяв на дерево, он переносил свою злость на камень, он мог лаять на родник за то, что тот течет и не обращает на него внимания. А нередко он лаял на солнце и на луну. Бог знает почему? Стоит он, бывало, лунной ночью за оградой и громко лает или же вдруг начинает выть, да так, что людям жутко делалось — что-то недоброе, зловещее предвещал этот вой. В народе есть поверье: если воет собака, кто-то непременно умрет. Вот почему все проклинали Джгуна на чем свет стоит, особенно те, у кого в доме больной. Выходили они в полночь на улицу в надежде найти вестника недоброго и всыпать ему как следует. Но хитрец вовремя умолкал и прятался в надежное укрытие.

— Уйми своего пса, не доведет он тебя до добра, — предупреждали соседи.

— Да что я могу поделать, на то и собака, чтоб брехать, — оправдывался хозяин Джгуны.

— Эх, что возьмешь с собаки, коли хозяин такой, — сокрушался сосед, безнадежно махнув рукой.

А Джгуна все лает и лает. Известное дело, собака лаять не устанет.

Так вот, сидел Джгуна в стороне и наблюдал за Джонгой. В этот миг он ненавидел всех, даже своего верноподданного Бобгиа, который стоял рядом и сочувственно повизгивал. Злые глаза Джгуны еще больше сузились. Ничего, подождем, пока Гигло уйдет по своим делам, решил он про себя и удовлетворенно зарычал. Псы тотчас последовали его примеру, они стояли поодаль и рычали, не смея подойти к Джонге поближе.

Но вот Гигло еще раз погладил своего друга по спине и ушел. Собаки тотчас подошли к волу поближе. Джгуна, однако, не решился подойти совсем близко, он остановился чуть поодаль.

Джонга не обратил на него внимания, продолжал щипать траву. Тогда Джгуна злобно зарычал. Бобгиа тотчас догадался, чего ждет от него повелитель, под-

крался к Джонге и изрыгнул обильную слюну на траву, которую тот щипал с таким удовольствием. Джонга покачал головой, повернулся и стал есть в другом месте.

Бобгиа снова очутился перед ним и с напускной храбростью залаял.

Джонга недовольно фыркнул, но не поднял головы. Тогда Бобгиа, осмелев, залился отчаянным лаем и рванулся, намереваясь вцепиться в шею, но Джонга боднул его рогами и распорол ему брюхо.

Бобгиа успел только взвизгнуть и замертво упал на землю.

Джгуна злобно лязгнул зубами, но страх перед Джонгой был так велик, что он не посмел приблизиться. Он только облаял его и предпочел удалиться. Псы молча последовали за своим вожаком.

Джонга долго смотрел на мертвого Бобгиа, потом с сожалением покачал головой, повернул и медленно побрел по дороге.

Вокруг Джгуны толпились собаки со всего околотка. Он что-то рассказывал, те понимающе повизгивали и кивали головой.

Долго еще не расходились собаки. В тот вечер они, по всей видимости, приняли какое-то решение.

День стоял солнечный, приятно пахло разнотравьем, а все лады пели птицы.

Джонга наслаждался теплом, в его жилах играла, словно молодое вино, горячая кровь. Он поднял голову, выгнул шею и громко, во весь голос замычал, возвещая о том, что он счастлив и что так хорошо жить на свете. Потом он подошел к бугру и стал с таким остервенением копать рогами землю, точно собирался отшвырнуть этот бугор, как мячик. Джонге казалось, что ему все по плечу, огромное, доброе сердце его было переполнено любовью ко всему, что его окружало: к людям, деревьям, камням и даже к этим собакам, которые только и ждали минуты, чтоб насолить ему.

Джгуна сидел поодаль и, снedaемый завистью и злобой, наблюдал за Джонгой. Его верноподданные делали вид, что резвятся, а на самом деле старались подкрасться к Джонге все ближе и ближе.

Вот одна из собачонок приблизилась к нему и залилась лаем. Джонга нехотя и лениво боднул было моську, но та, изловчившись, отскочила и вновь принялась лаять.

Джонга решил не обращать на нее внимания, пусть себе лает, выдохнется и замолчит. Но собачонка не унималась. Она скакала у него перед самым носом и противно, визгливо лаяла. Джонга разозлился, рванул к ней, но она снова увернулась и со всех ног бросилась бежать. Джонга погнался за ней, но разве ему угнаться за резвой собачонкой. Удалившись на безопасное расстояние, она остановилась и вновь залилась лаем.

Джонга устало фыркнул и тихим шагом побрел в сторону, но тут к нему подскочила другая собачонка и довольно-таки смело стала лаять на него. Джонга рванулся вперед, хотел поддеть ее рогом, но она, ловко увернувшись, бросилась вспять. Джонга долго преследовал наглуую собачонку. Он вспотел и остановился в изнеможении, тогда собачонка, осмелев, подскочила к самому его носу. Джонга снова рванулся и бросился на нее, но она ловко отскочила и бросилась бежать. Джонга преследовал ее, но безрезультатно, пот уже градом катил с лоснящегося его крупа и спины, он выдохся и, обессиленный, остановился.

И тут все собаки подняли дружный лай, а один из псов, изловчившись, вскочил ему на спину и заплясал на ней. Джонга стал кружить, пытаясь сбросить нахального танцора со своей спины, но не удержался, ноги у него заплелись, и он упал. Пес, отскочив, залился насмешливым лаем. Ему стали вторить и другие.

Джонга медленно встал, он был на грани помешательства. Но тут снова подскочила какая-то собачонка, и Джонга, уже не сознавая того, что он делает, погнался за ней. Собаки осмелели, они нахально бросались на него, ни на минуту не прерывая противного, издевательского лая. Джонга, вконец обезумев, гнался за ними, но силы покидали его, колени подкашивались, пот ручьем стекал по его бархатистой шкуре.

И когда он в очередной раз погнался за одним из псов, силы вконец покинули его, ноги заплелись, и он, как подкошенный, упал на землю.

Джонга упал! Радостный, победный вой вырвался у всех собак, они бросились на него и стали яростно ку-

сать его. Джонга попытался подняться, но у него не было сил даже пошевелить хвостом. Он лишь замычал в бессильной ярости и покорился судьбе. Огромные слезы покатались из его огромных глаз.

Джгуна, высунув от удовольствия язык, наблюдал, как псы, окружив побежденного исполина, впивались в него своими острыми оскаленными зубами.

Не раз испытывал Джгуна радость, но сегодня это чувство не сравнить ни с чем. Чувство восторга, захлестнув его, переполнив все его существо, вылилось наружу радостным, победным воем. Он ринулся было победоносно на Джонгу, но тут заметил, что к ним со всех ног мчится Гигло.

Джгуна глухо зарычал, предупреждая сородичей об опасности, собаки повернули головы, увидели Гигло — и всех как ветром сдуло.

Гигло упал перед другом на колени, обхватил его голову.

— Джонга, что с тобой, Джонга?

Джонга молчал.

Гигло беспомощно оглянулся, из глаз у него хлынули слезы.

Джонга лежал, не подавая признаков жизни. И Гигло зарыдал в голос:

— Джонга, бедный ты мой Джонга! Обманули тебя? Конечно же, перехитрили, иначе разве могла одолеть тебя эта свора! Ты мой работяга, ты только и думал о том, чтоб доставить радость другим, они же, коварные и алчные, мечтают свалить другого, растоптать, и когда этого не добиваются в одиночку, находят общий язык и дружно кидаются на таких как ты, мой наивный Джонга, друг мой и моя надежда! Ты ведь у меня сильный, неужто им удалось свалить тебя, неужто злость и коварство сильнее?..

Гигло прижался ухом к его израненному боку, прислушался, вскочил и побежал к реке. Он облил вола холодной водой. Джонга чуть-чуть приоткрыл глаз, в уголке глаза сверкнула крупная слеза.

В той слезе теплилась надежда.

ХРОНИКА ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

П о в е с т ь

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Благополучное приземление ● Кое-что о Техасе
● Бичоя борется с недоливом ● Последний совет-
ский единоличник ● Багира говорит: «Гав!»

Я УСПЕЛ прыгнуть вовремя и, хотя электричка с места взяла сумасшедшую скорость, приземлился вполне благопристойно. Чертовы самозакрывающиеся двери! Никак не могу к ним привыкнуть. Если бы не чьи-то дружеские руки, в последний момент придержавшие створки пневматической ловушки, — ехать мне до следующей станции... Ну ладно, на ногах я все-таки устоял, только пробежал по инерции несколько шагов, больно ударяясь подошвами о бетонную щеку платформы, — тот редкий и поучительный случай, когда от пощечины страдает сам ударивший, — да выронил папку. В ней — весь мой нехитрый багаж «разъездного» корреспондента молодежной газеты: пара платков и носков, электробритва, блокнот, томик Александра Грина, которого особенно приятно читать в далеко не романтической атмосфере зала ожидания ночной станции, когда тоскливо ждешь поезда и бодрящий аромат дезинфекции надежно оберегает от ненужного случайного сна... Вот и все (плюс аварийные пачки сигарет), что берет с собой в командировку сотрудник молодежной газеты. Возможно, когда я начну ездить в командировки от более солидного печатного органа, мой багаж соответственно обогатится шерстяным жилетом, а то и шлепанцами, призванными скрасить гостиничный быт. Впрочем, это, наверно, зависит скорее от натуры, чем

от возраста. В конце концов мне уже под тридцать, и в редакции я работаю почти семь лет. Но езжу по-прежнему — с одной папкой. И еще: едва сажусь в поезд, автобус или самолет, как приходит тоскливое желание поскорее разделаться с дорожной суетой и купить обратный билет; а «отпишешься» от командировки — и вновь ощущаешь то нетерпеливое беспокойство, которое хорошо знакомо газетчикам, шоферам, морякам и вообще бродягам по призванию.

...Скорее, скорее в дорогу, туда, где пахнет вокзалами, и подавляющее большинство людей незнакомо, и экономисты передовых предприятий щедро осыпают тебя цифрами перевыполнения плана, а степенные повара столовых и закусовых системы Цекавшири¹ кормят обедами из красного перца, слёгка приправленного мясом и картошкой, и властно зовут неизведанные дали, и нет поблизости как родного непосредственного, так, равно, и вышестоящего начальства!..

Поднимая с платформы папку и проверяя, цела ли бритва, я ревниво украдкой огляделся: не видел кто-нибудь моего позора?

Платформа была пуста, если не считать маленького тощего старичка в красной фуражке — дежурного по станции. Дежурный видел все и, по долгу службы, просто не мог не возмутиться. Он даже сделал шаг-другой в мою сторону, потом нерешительно остановился, потоптался на месте и, повернувшись спиной, с негодованием ушел в свою довольно убогую, хотя и вполне опрятную резиденцию.

Дежурный решил со мной не связываться, и я знал почему. Весь мой вид свидетельствовал о том, что перед ним человек нездешний и явно городской, возможно даже приехавший из Тбилиси; добротная кожаная папка указывала на безусловно командировочные истоки моего появления на крошечной станции, в полусотне километров от районного центра; все вместе взятое наводило на мысль об удостоверении личности, которое, вполне вероятно, покоится в нагрудном кармане пиджака, давая мне бог знает какие полномочия.

¹ Цекавшири (груз.) — Центросоюз (здесь и дальше — примечания автора).

Одержав убедительную победу в несостоявшемся поединке с дежурным, я весело шагнул с перрона прямо на пристанционную площадь.

Раннее августовское утро было прекрасно.

Солнце, совсем недавно выплывшее из-за изумрудных гор, еще не растеряло свежести и прохлады, которыми оно насквозь пропиталось за ночь в своей зеленой лесной постели. Воздух был чист, прозрачен, насыщен запахами близкого моря. В глубокой незапятнанной голубизне неба радостно перекликались птицы; они были веселы, хотя их рабочий день, несомненно, начался уже давно. Горожанин до мозга костей, я не взялся бы спорить на тему — ласточки это или, скажем, стрижи, но, как обычно, испытал к птицам легкую зависть: общественно полезный труд явно был им в радость, что не всегда скажешь о себе.

По площади молча бродили собаки. Им было скучно: поселок, в котором я оказался, благополучно вырвавшись из капкана автоматических дверей электрички, еще не совсем проснулся. В сущности, весь он состоял из нескольких десятков домов, расположенных вокруг станции. Но дома были добротные, почти все с гаражами; они уверенно стояли на каменных свайных столбах, как в большинстве низменных, перенасыщенных влагой западных районов нашей республики.

Детище периода интенсивного развития железнодорожного транспорта, поселок, судя по всему, не успел обзавестись мало-мальски развитой экономикой — если не считать ухоженных цитрусовых садов, которые явно представляли собою частную собственность домовладельцев. Я знал, что они работают в основном в большом совхозе, а частично — на фабрике изделий из синтетической ткани и строительстве курортного комплекса. Первые два объекта находились километрах в десяти от железной дороги, строительство — дальше, у самого моря. Меня интересовала прежде всего фабрика.

Я огляделся в поисках машины, которая должна была прийти за мной из царства синтетики: накануне секретарь райкома комсомола Саша Григолия туда звонил.

Медлительный, успевший уже несколько отяжелеть, внешне тугодум и флегма, он был на самом деле быстр в решениях и поступках; его черные — кусочки агата,

041935340
302 0110333

втиснутые в матовость широкого лица, — глаза светились умом и дерзким смехом.

Сашина мать была гречанка, совершенно, впрочем, ассимилировавшаяся в Грузии. Сам он на этот счет выражался так:

— Понимаешь, Григолия с черными глазами — это как кудрявый белокурый индеец или ангел с хвостом. Моя любимая мама наградила меня этими глазами, а Зевс, в отместку за мезальянс, сделал ее сына толстым и маленьким, что совершенно несовместимо с обликом комсомольского вожака. Ха-ха-ха!

Саша был хорошим парнем, без того административного зуда в крови, с которым рождаются иные вундеркинды, уже в нежном пятилетнем возрасте на вопрос «Кем ты хочешь быть?» отвечающие «Начальником» — и действительно, сплошь да рядом выходящие в ответственные работники. Свою должность он скептически именовал «властью без власти», печально добавляя:

— Ну что я могу сделать? Он хочет в город. Говорит: учиться. В вуз не попадает, но домой тоже не возвращается. Вот и работают у нас в колхозах сплошные старики. А с меня требуют: «Молодежь — на фермы!» или «Зеленое золото» покоряется молодым», или еще что-нибудь... Вам легко писать и требовать, а мне что — всех «невозвращенцев» из комсомола исключать, что ли? А может, это хорошая девушка, мировой парень — тогда что?! Да они почти все такие, и понять их тоже можно. Люди вон в космос забрались — кому интересно навоз сгребать... У нас же с механизацией в животноводстве — совсем плохо! И филиал СХИ седьмой год открыть обещают...

Он по-настоящему любил свою работу и напрасно прибеднялся, потому что в итоге прекрасно справлялся с действительно сложными и часто противоречивыми обязанностями. В районе Сашу Григолия любили и уважали — даже старики охотно здоровались с ним первыми (чего он, правда, никогда не допускал), а в обкоме комсомола ценили и ставили в пример. Так что, когда в чайную страду мне приходилось писать корреспонденции типа «Руками комсомольцев, молодежи N-ского района собрано 10.000 килограммов зеленого листа», то не приходилось кривить душой: если речь шла о Сашинном районе — цифры отражали действительное, как

говорится, положение вещей, а не некий искусственно выведенный результат из процентного соотношения между числом молодых и немолодых чаеводов.

Саше очень хотелось поехать в Ахалсопели (так назывался молодой фабричный поселок, в котором жили еще рабочие совхоза и строители) вместе со мной — мы были давно знакомы и любили порассуждать при встрече о всякой всячине. Но он откровенно обрадовался, когда я сказал, что приехал «по хорошему делу» и его помощь и надзор за мной совершенно не нужны... Здесь будет уместно небольшое пояснение.

В то время, к которому относится эта моя командировка, критические материалы в редакции планировались, как и, скажем, очерки, проблемные статьи, «дежурные» корреспонденции, связанные с какими-либо знаменательными датами или периодами хозяйственного года. Все к этому привыкли, хотя посудите сами: как можно планировать недостатки в работе, например, первичной комсомольской организации? Однако сломать всем ненавистную традицию было невозможно... Между прочим: вы с какой страницы начинаете газету просматривать?.. Правильно, я тоже с четвертой: там и спорт, и погода, и объявления, и рассказ, если он есть. Третья полоса тоже интересная — «Сегодня в мире» или там «Международный дневник», это уж зависит от изобретательности редактора, ответственного секретаря, редколлегии. Вторая — уже «с адресом». Для секретаря первичной — «Трибуна комсомольского работника», для руководителя кружка политпросвещения — «Пропагандисты делятся опытом» и так далее. Все это, кстати, и планировать легко. Есть даже темы критических материалов, которые можно спокойно вносить в месячный план. Например, «Плюсы и минусы» — о работе лекторской группы райкома. Дайте мне любой район по вашему выбору, пусть самый что ни на есть передовой, — я всегда найду в лекционной пропаганде какие-нибудь минусы. Тут для жителей высокогорного, чисто животноводческого села намечена лекция по проблемам защиты цитрусовых от вредителей и заморозков. Там рабочим ткацкого производства собираются рассказать о прославленном новаторе-пищевике...

Но когда «сверху» благословляют очередную кам-

панию против злостных алиментщиков или хапуг пойдешь пощи такого алиментщика, причем чтобы и тип был подходящий, с отталкивающим прошлым, и сумма долга несчастным брошенным детишкам — соответствующая, и чтоб коллектив не принял вовремя мер!

Человек опытный, Саша Григолия был отлично осведомлен о подобного рода плановых темах, но моим заверением, что я приехал «по хорошему делу», вполне удовлетворился. Во-первых, как всегда, было плохо с заготовкой кормов, и секретарь весь день мотался по району. Во-вторых, знал, что я всегда приезжаю с открытыми картами.

Я тоже был доволен, что удалось убедить его не тратить на меня время.

Обо всем этом я лениво размышлял, сидя на скамье в пристанционном скверике и дымя натошак третьей по счету «Мзиури». «Космоса» тогда изобрести еще не успели... Словом, было начало августа тысяча девятьсот семьдесят первого года, и это очень важно, потому что именно в это время года для горных рек обычно начинается пора половодья. В Грузии же все реки рождаются высоко в горах.

В уютном дворе под разлапистым платаном (он же — чинара) сидели два старика и играли в нарды. Сначала мне показалось, что старики сидят вот так и выбрасывают на полированное дерево белые кубики костяшек еще со вчерашнего дня: иначе как они успели встать с безрадостных своих стариковских постелей и даже позавтракать? В таком возрасте люди чаще всего соблюдают режим дня — в наивной надежде хотя бы частично вернуть растраченное в молодости здоровье. Но потом обратил внимание на свежевыбритое дубленое лицо одного, тощего, и ненужный кинжал у пояса нарядной черной рубашки другого, казавшегося еще более тощим, потому что он был повыше. Нет, они просто поднялись ни свет ни заря и теперь начали свой новый день с постылого досуга. Должно быть, колхозники-пенсионеры, наслаждающиеся, как принято думать, заслуженным отдыхом.

Подойти к ним, поздороваться, поговорить? «Юноше, обдумывающему житье...» Поучительная беседа с

ветеранами труда, слегка приправленная «не литвинским перцем юмором», — всегда лакомый кусочек для молодой газетной публики. И разговорить их ничего не стоит.

Но было лень, тем более что в папке лежал блокнот с четко расписанной программой командировки; к тому же не хотелось мне портить это великолепное утро — такое тихое и чистое после духоты и лязга прожженного зноема родного асфальтового города, что даже голова немножко кружилась, — охотой за случайным «материалом».

Сперва громкий говор неприятно бил по ушам — слова взрывались в них, как крошечные игрушки-гранаты. Потом до меня стал доходить смысл беседы, и вскоре я слушал с интересом и увлечением.

— ...К нему даже старики в гостиницу пришли! — азартно кричал тощий с дубленным лицом. — Говорят: «Послушайся нас, сынок, уезжай ты отсюда под добру-здорову — ничего у тебя не выйдет. К нам и не такие ревизоры залетали, из самого центра, да ни до чего не докопались. Как напоили их с утра в первый день, так пьяные и уехали, еще целовали на вокзале директора, в гости приглашали. Хотя, мол, не может быть у нас такой чачи, как ваша, а все-таки обеспечим хлеб-соль... По высшей категории!»

— По высшей категории, Чичико?

— По самой высшей! И не перебивай! — рассердился Чичико. — А то не буду дальше рассказывать. Я от самого сторожа совхозного — он потом помогал ревизора спасать — слышал! А не хочешь — жди, когда в газетах про это напечатают...

По-видимому, перспектива дожидаться, пока прозвучит голос прессы, вооруженного пенсионера не устраивала, потому что, необычно тихо переставив шашки, он примирительно протянул собеседнику кости:

— Играй, дорогой, пожалуйста.

Чичико выбросил кости, азартно констатировал: «Ду беш!»¹ и, окончательно умиротворенный, продолжал:

— Ревизор им отвечает: «Я вам не сынок, самому скоро шестьдесят пять стукнет. А уехать мне не позволяют служебный долг и гражданское самосознание».

¹ Ду беш — счет при игре в нарды (перс.) — дважды пять.

...Ну, на другой день, часов в десять вечера, дирекция совхозная-то и загорелась! Снизу, с первого этажа, понимаешь, загорелась, а ревизор в это время наверху сидел, бумаги смотрел... Когда понял, что к чему, бросился к двери — уже и лестница горит. Он к окну — куда там, высоко! Одним словом, натерпелся страху.. Наконец сообразил — и к телефону, в пожарную звонить. Да телефон не отвечает, в совхозном атээсе уже никого нет, они там до восьми работают... Потом пожарники сами приехали, на двух машинах. Стали дирекцию поливать, но только видит ревизор — как-то странно у них получается: одна машина с одной стороны поливает, а другая — с другой, а вода через крышу хлещет, на дом не попадает... Понимаешь?!

— Понимаю, Чичико! — многозначительно подтвердил старик с кинжалом. — Это они заранее..

— Вот в том-то и дело! — обрадовался рассказчик. — Ревизор, говорят, тоже потом в Тбилиси доказывал, что все было заранее подстроено. Но как докажешь?.. Он уже решил — конец ему настал. Кричал, умолял. Да только.. — бритый перешел на таинственный шепот: — Кто-то, в темноте не разберешь, крикнул ему: «Если потушим — уедешь?» «Уеду! — как хряк под ножом, завизжал несчастный. — Сегодня же уеду!» Тот в ответ захохотал: «Сегодня уже поезда больше не будет. А завтра — чтоб ноги твоей здесь не было!»

— Ну и?!

— Вот тебе и «ну и»! Уехал как миленький. И ничего потом доказать не мог.

— Ти-ту! — не то возмутился, не то возликовал кинжальный старик.

Должно быть, все-таки возмутился, потому что после долгой паузы, нарушаемой только ожесточенным стуком шашек, он проникновенно сказал:

— Послушай, Чичико, где это мы живем, а? В Грузии или в этом... как его... Техасе?!

— Видать, в Техасе...

Дальнейшего я не слышал, так как воздух вдруг задрожал от остервенелого лая.

Пестрой разношерстной лавиной давешние скучавшие собаки гнались за какой-то насмерть перепуганной дворняжкой, нарушившей, как я вскоре понял, их тер-

риториальные границы... Однако, изгнав чужака, они мигом стряхнули с себя явно напускную свирепость и, как ни в чем не бывало, весело помахивая хвостами, вернулись к своим делам.

Машины все не было. Я побрел к станционному ларьку в надежде раздобыть что-нибудь съедобное — и встретился там с Бичойей.

Он увлеченно беседовал с лысым, как кегля, весьма интеллигентным на вид хозяином этого объекта общественного питания и не сразу меня заметил. Я остановился в «мертвой зоне», где меня не могли видеть, и весь обратился в слух: Бичойю всегда интересно послушать. Не обманул он моих ожиданий и на сей раз.

С небрежным изяществом облокотившись о прилавок, Бичойя говорил буфетчику тоном спокойного превосходства:

— Вы меня не поняли, сэр. Те сто пятьдесят граммов, которые я сейчас выпил с вами как с почтенным тружеником железнодорожного ОРСа, были только началом, чем-то вроде...

— Ничего я с тобой не пил! — негодуяще пискнул почтенный труженик неожиданным для внушительной комплекции голосом. — Я никогда с утра не пью.

— ..вроде прелюдии, — невозмутимо закончил фразу Бичойя. — Но к чему это «ты», уважаемый? Кажется, мы с вами не пили на брудершафт... Что же касается вашей гордости по поводу воздержания от спиртного в утренние часы, то, право, я не вижу для нее причин. Более того, настоящее обстоятельство даже усугубляет вашу вину перед обществом: спаивая представителя молодого поколения, каковым в данном случае являюсь я, и оставаясь в то же время трезвенником...

— Гы-гы! — совсем неинтеллигентно заржал буфетчик. — Это ты — представитель? Га-га!

— Вот что, — ледяным тоном сказал Бичойя, и все его фигурство как рукой сняло. — Ты почему со мной на «ты» разговариваешь, а?

Странно, но это подействовало: буфетчик испугался и, ненужно улыбаясь, залез безил:

— Да ведь мы же не вчера познакомились, Бичойя! Но если не хочешь — пожалуйста, могу даже по имени-отчеству величать...

— Можно без отчества, — великодушно разрешил Бичойя. — С друзьями можно. А для друзей ничего не жалко! Верно ведь?

— Верно... то есть я хотел сказать...

— Ничего ты не хотел сказать! Ты только собирался снять с полки вон ту бутылку и протянуть мне. Но обязательно заверните, сэр, я не собираюсь срамиться, дефилируя через весь поселок с поллитровкой в руке, как последний бродяга.

— Что?! — вознегодовал труженик прилавка. — Но ты мне уже за четыре должен!

— Ерунда, — отмахнулся Бичойя. — Не за четыре, а за пять. Вместе с этой. Так поторапливайся, красивый купец!

— Не дам! — с тихим отчаянием прошептал буфетчик. — Сначала верни то, что раньше брал.

— Я не могу вернуть тебе выпитого. Посуди сам. Та водка уже третий день как бесследно затерялась в необъятных просторах Черного моря, принесенная туда бурными волнами Кодори... А вот деньги я тебе отдам. Несколько позже.

— Несколько? Позже?! Знаешь, кто ты?

— Знаю. А вот ты не знаешь, потому что в голове у тебя, бедный мой Мишико, один...

— Что? Ну что, говори!

— Один чи-сто-ган! Ты не способен думать ни о чем, кроме рублей, копеек, граммов, килограммов... Вот скажи-ка, что есть одна бутылка «Столичной»?

— «Столичной»? — полез в ловушку буфетчик. — Одна бутылка — это одна бутылка, чего ты мне голову морочишь!

— Так. Согласен. А если поставить рядом с ней еще четыре бутылки?

— Что «если»? Бутылка — всегда бутылка. Зачем пристаешь?

— Вот здесь ты и ошибся, уважаемый Мишико! Рядом с четырьмя другими бутылка «Столичной» — это уже не целая бутылка, а только одна пятая часть. Понимаешь, ты, пиво-водочный трест? И тебе жаль не-

счастной одной пятой для меня?! Эй, люди, смотрите на этого сквалыгу-алхимика!

— При чем тут ал-химик? — растерянно спросил буфетчик.

— А при том, что «ал-химик» значит «алкогольный химик». Думаешь, я не знаю, из чего ты гонишь свою чачу, которой твоя жена травит по ночам достойных людей, когда, по причине тонкой душевной конституции, их мучает жажда и все в поселке закрыто?

— Из чего, из чего?!

— Из карбида, вот из чего, ты, отравитель трудящихся масс!

— Я — отравитель?! — ужаснулся буфетчик. — Да ты...

Не выдержав, я рассмеялся. Буфетчик вздрогнул всем своим большим телом. Бичойя неторопливо обернулся.

— Кого я вижу! — радостно воскликнул он. — Добро пожаловать, виртуоз фарса! Как поживают ваши уважаемые коллеги — акробаты пера и шакалы ротационных машин?

— Шакалы живы-здоровы, дорогой. Рад видеть! — искренне сказал я. — У вас неприятности?

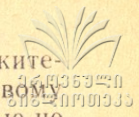
— Еще какие! — ответил он нормальным тоном. — С утра — только сто пятьдесят граммов, даже не опохмелился толком. А этот аферист...

— Я только приехал, Бичойя, и битком набит ко-мандировочными...

— Нет! — запрещающе поднял он руку. — Я сейчас.

Бичойя никогда не кланчил на выпивку, как бы ни страдал от похмелья. Он был пьяница убежденный, можно сказать — идейный, но до подачки не унижался. И нужды в этом, по существу, не было: Бичойю знало полгорода, а город наш недаром носит название теплого¹ — люди в нем живут широкие, щедрые. Ничто — ни стремительно растущие темпы индустриализации, ни закусочные-автоматы, начисто сгубившие идиллию старых духанов и винных погребков, ни высотные здания, ни даже метро, этот смертельный враг всякого рода застойности и консерватизма, — не смогло еще до кон-

¹ Тбилиси — от груз. тбили — теплый.

ца разрушить привычки тбилисцев, а тем более жителей городов поменьше, к неторопливому, задумчивому застолию, пусть коротким, но все же тостам, которые не позволяют ему вырождаться в безобразную и тупую пьянку. У нас почти не услышишь сакраментально-идиотского «будем», «поехали», вино и водка не в силах еще лишиться почетной и заглавной роли таинства душевной беседы, питье и еда не стали пока самоцелью. Пока... Кто знает, что будет дальше, но сегодня дотошному социологу пришлось бы немало потрудиться, чтобы отыскать в подъезде опорожненную бутылку из-под водки или полюбоваться на пьяного, уткнувшегося носом в газон.

Бичойю знали многие — и любили его. Он был умен, остроумен, получил хорошее воспитание, недурно играл на пианино, владел английским и французским и даже свободно объяснялся с соседями-курдами на их родном языке. Когда-то давно предки этих людей осели в Тбилиси и других грузинских городах. Грузия стала для них второй родиной, как приняла она, по-матерински тепло и бескорыстно, христиан-греков, армян, русских — православных, молокан и старообрядцев, немцев и украинцев, детей многих народов, в том числе поляков, от которых ведет свое происхождение и моя фамилия — Долинский.. Но вернемся к Бичоюе.

Он был типичным неудачником, если только определение это применимо к человеку, который не то что хотел — и не смог, а попросту с самого начала не хотел.

Он все-таки окончил «иняз» (точнее, его заставили родители и друзья); он не страдал от лихорадящих экономики кризисов, поскольку таковых, как известно, в нашем обществе не бывает; его душу отнюдь не ранил разрыв с молодой женой — жена мешала Бичоюе пить; и уж, конечно, ему не приходилось голодать и ходить в обносках — напротив, он всегда был одет по моде, об этом заботились близкие.

Короче, история Бичоюи лишний раз опровергает теорию о чисто социальных корнях происхождения пьянства. Он был алкоголик — и все тут, не знаю уж, что сделало его таким — гены или упрямство. Так или иначе, но Бичоюя не хотел лечиться, а принудительное врачевание алкашей в наших краях, увы, как-то не привилось. Но почему Бичоюя оказался здесь, в глу-

ши, вдалеке от проспекта Руставели, от кафе «Метро», которое тогда еще не было сметено могучей волной реконструкции тбилисских улиц, и бывшего коктейль-бара, ныне столовой самообслуживания — прибежища любителей пива и селедки, в ту пору довольно часто красовавшейся на стойке между тарелочками с твердокаменными хачапури и вялым, как анемичная девица, бураком?

... Бичойя вернулся к ларьку, и волнующая беседа с буфетчиком получила свое дальнейшее развитие.

— Договорились, — сказал он благодарно. — Раз ты не хочешь давать мне «Столичную» в долг, я возьму эту бутылку просто так, на память. А завтра... ну, или послезавтра, или на той неделе, подарю тебе — заметь, тоже на память! — ровно три рубля десять копеек. Идет?

Бичойя хладнокровно взял с прилавка бутылку, неосмотрительно оставленную там тружеником ОРСа, и сунул ее во внутренний карман белоснежного летнего пиджака; он не расставался с пиджаком и галеткой даже в такую жару, когда граждане, причисляющие себя к категории «ответственных работников», решались на отчаянный шаг — одевали рубашки навыпуск, мало, впрочем, отличавшиеся от пиджаков.

— «На память»?! — возопил буфетчик. — «Идет»?! Какое там «идет»! Какие три десять на той неделе! Давай три десять сейчас!

Это было ошибкой. Торговые работники столь успешно воспитали нас в духе презрения к пустякам вроде трех копеек сдачи, что просто рука не подымалась заплатить за, скажем, коробок спичек тарифную копейку. А сами они так привыкли к безропотности потребителей, что вели счет не иначе как округленно: пачка «Примы» — двугривенный, консервы за сорок пять копеек — полтинник и тому подобное.

— Вот, — Бичойя повернулся ко мне, как прокурор в суде к свидетелю обвинения. — Смотрите, товарищ корреспондент! Этот злостный нарушитель правил советской торговли требует с меня три десять за товар стоимостью три рубля семь копеек... Полюбуйтесь на него, а потом, убедительно прошу, примите соответствующие меры — распишите его, паука, сосущего кровь трудового народа, в своей газете.

При слове «корреспондент» буфетчик широко раскрыл белозубый рот — словно привидение увидел.

— Что же ты уставился на уважаемого представителя республиканского органа? — продолжал издеваться мой знакомый. — Рассказать ему, что ты пиво не доливаешь, хотя водой разбавляешь бессовестно? Что санитарного дня у тебя с прошлого года не было?.. Ну-ка, будь мужчиной, налей товарищу корреспонденту кружку! А-а, не смеешь?

— Теплое пиво... — искательно улыбаясь, выдавила из себя жертва неутолимой Бичойиной жажды. — Холодильник испортился. Третий день в район звоню... Вот я им покажу, бюрократам проклятым! — внезапно перешел он на агрессивный тон, столь же внезапно замолк, изумленно на меня уставился — и понес что-то совсем уже невразумительное.

Некоторое время Бичейя презрительно наблюдал жалкое зрелище, потом негромко позвал:

— Багира! Иди сюда.

Откуда-то из кустов выскочила огромная черная собака, в два прыжка оказалась перед Бичойей, преданно на него поглядела. Он кивнул. Собака поднялась, положила передние лапы на стойку и внушительно сказала в лицо отпрянувшему интеллигенту:

— Гав!

Я ее узнал. Выпивохи толпой ходили в летнюю закускую «Самаяя», чтобы поглядеть на то, как Багира пьет пиво из глубокой тарелки. Но она, видимо, родилась трезвенницей: попробовав спиртное раза два, категорически пить отказалась. К чести хозяина надо сказать, что он не настаивал.

— Гав! — еще раз рявкнула Багира, и буфетчик очнулся от шока.

— Полюбуйтесь, товарищ корреспондент! Ведь это... Он... — буфетчик бросил внимательный взгляд на мое явно славянское лицо и перешел на русский язык: — Вот этот гражданин совершенно затерроризировал меня своей собакой! На той неделе он потихоньку впустил ее в мой объект, а сам ушел. Я два часа с места сдвинуться боялся!

Очень трудно было не рассмеяться, но я сдержался. Положение представителя республиканской газеты обязывало меня соблюдать в данной ситуации ней-

тралитет. Буфетчика это окончательно лишило почвы под ногами: почему я молчу? Что у меня на уме? — Ладно, — неожиданно спокойно сказал он. Уноси «Столичную». Пожалуйста! Мишико не жадный. Бери. Пей. Радуйся! — и обреченно махнул рукой.

Час опоздания для машины, которая должна была прийти за корреспондентом, — достаточный срок, чтобы понять: надо добираться самому.

Через десять минут мы трое, включая Багиру, бодро шагали разбитым проселком. Линия железной дороги — масляно поблескивающие бесконечные тела змей, которым никогда не суждено встретиться в их непрерывном движении, поблекшие от времени стены некогда белокаменной, трогательной в своей неказистости резиденции дежурного по станции и сам дежурный, говорливые старики, истязавшие звучными шлепками шашек игральную доску, добротные дома с индивидуальными гаражами, интеллигент-буфетчик и скучающие собаки — все осталось позади. Перед нами струился проселок, израненный глубокими колеями, какие способны продавить лишь тяжелые грузовые машины.

Бичойя нежно придерживал бутылку в кармане и весело знакомил меня с обстоятельствами своего изгнания из рая. Он вообще принадлежал к довольно редко встречающейся в жизни, зато многократно описанной художниками слова категории людей, умеющих юмористически принимать большие и малые удары судьбы. Да и познакомился я с ним при обстоятельствах, как нельзя более благоприятствующих проявлению такого дара.

Мы шли с однокурсником по Руставели, беседуя, как и подобает студентам филфака перед сессией, о вредном характере нашего латиниста. Внезапно мой спутник рванулся вперед с криком:

— Бичойю ударил, подлец!

Естественно, я устремился следом, за нами побежало еще несколько завсегдатаев проспекта — законодателей и хранителей уличной этики.

Бичойя в непринужденной позе сидел на тротуаре и, протянув руку вслед улетающему в панике парню, с непритворным удивлением говорил:

— Куда же ты? Сядь рядом — познакомимся, поговорим...

Парень оказался новичком в Тбилиси — приехал поступать в вуз и, понятно, еще не знал о статусе неприкосновенности Бичойи. Его даже не поколотили, так как он немедленно раскаялся в содеянном.

Между тем мой спутник (не тот, времен студенчества, а нынешний) продолжал:

— Они устроили мне настоящее аутодафе, сэр... Хуже всего было то, что разговор шел в присутствии целой кучи родственников, причем каждый считал долгом внести свою лепту в душеспасительную беседу о вреде пьянства. Вспомнили и бесславный конец моей недолгой — как вы знаете, она умерла в младенческом возрасте, четырехмесячной, — карьеры в качестве преподавателя английского языка, и разбитую семью, и тщательно скрываемое деликатными ближними презрительное ко мне отношение, и предков, переворачивающихся в гробу при каждом новом, дошедшем до них, известии о моих скандальных выходках, — словом, все, что было и чего не было... Когда мой двоюродный дядя, управляющий какими-то там делами, бывший теннисист, налево и направо хвастающийся тем, что он за всю свою жизнь не выпил ни рюмки водки... Кстати, сэр, подумайте, отчего он этим гордится? Не оттого ли, что ему всю жизнь хотелось выпить? Он, видите ли, сильнее своих слабостей! Но к чему жить, непрерывно подавляя собственные желания? ...Так вот, когда мой дядя прочитал мне наизусть содержание популярной брошюры о вреде алкоголизма — там, между прочим, довольно точно описываются симптомы белой горячки, — мне стало очень плохо. Сославшись на какую-то причину, я вышел в свою комнату. Там, между томиками Сервантеса и Александра Чавчавадзе, у меня была прятана начатая бутылка коньяка, ее я получил в дар от доброй официантки Заиры... Одним словом, я выпил, вернулся и, теперь уже полный сил и энергии, был готов внимательно выслушать каждое их слово... Но кто-то, оказывается, проследил за мной! Разразилась гроза. Дядюшка-управделами обругал меня неблагодарным. За что и по какому праву? Даже Заира не могла упрекнуть меня в неблагодарности — ведь для того она и давала мне коньяк, чтобы я его выпил. А

что, скажите, что дал мне дядюшка?! Я ему все это высказал — и моя участь решилась. По-моему, они все обсудили заранее. Я живу в этой богом забытой дыре уже третий месяц — Генрих Наваррский без королевства, Сократ без учеников, Георгий Саакадзе без войска... Меня поручили тетке, двоюродной сестре матери, скупой, как сто тысяч плюшкиных, одержимой двумя маниями — чистоты и респектабельности. Ее муж — добрый, хороший человек, но он пустое место в доме. Он двадцать пять лет проработал шофером и был счастлив. Тетку это не устраивало — ей хотелось большего. В сорок пять лет бывший шофер стал инженером-экономистом, теперь он зарабатывает в два раза меньше, чем прежде, и он несчастлив, ибо по ночам ему снится баранка... Зато эта ужасная женщина довольна: она мнит себя первой дамой среди итээрвских жен... Но я отомщу ей за две поруганные жизни — мою и дяди. О, я жестоко ей отомщу! Представьте, она не дает мне ни копейки и пытается приучить к молоку!

Бичойя, не останавливаясь, вынул из кармана уже откупоренную в начале пути бутылку и на ходу сделал из горлышка два полноценных глотка. Багира коротко сказала: «Гав!».

В ее голосе звучало осуждение.

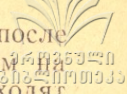
Бичойя сообщил зловещим шепотом:

— Я обнаружил тайник! При всем своем снобизме тетка подвлястна одной слабости, унаследованной от многих поколений плебеев-предков, — она обожает запастись на зиму всевозможными вареньями, соленьями, маринадами и — на-лив-ка-ми. Да! Я нашел целую кучу бутылок с разнообразными ликерами и вишневыми домашнего изготовления. Разумеется, мне эта приторно-сладкая дрянь не нужна, хотя... — Он тяжело вздохнул. — Иногда приходится довольствоваться и ею. Всю прошлую неделю...

Я захлебнулся от несправедного хохота:

— И таким путем тетя помогает вам лечиться от запоя?!

— Вот именно, — важно кивнул Бичойя. — Осталось уже немного, очень немного... Ее ужасно противно пить, но я выпью все! К тому же меня вынудили так поступать — обстоятельство, явно смягчающее мою вину. Это вам скажет любой юрист.

Может показаться несколько странным, что после десятилетнего знакомства мы оставались с ним на «вы», да еще у нас, где на душевное «ты» переходят очень легко (кстати, в грузинском языке оно звучит отнюдь не фамильярно, а вполне уважительно). На то есть свое объяснение. Бичойя, как и многие пьющие люди, был чрезвычайно щепетилен в вопросах вежливости. Я — тоже, хотя и по другой причине. В юности мне пришлось достаточно натерпеться оттого, что мама едва сводила концы с концами, — мы жили отнюдь не в достатке. А что может быть оскорбительнее для юности? Особенно когда твои сверстники постоянно щеголяют в обновках — человека ведь часто в буквальном смысле слова по одежке принимают, костюм может вселить в него уверенность и, напротив, сделать незащищенным и мнительным, парализовать волю, способность к действию. Во всяком случае, людей определенного психического склада это запросто может довести до комплекса неполноценности, а я, как видно, именно таким уродился. Ясно, с годами выработалась система защитных средств: внешняя невозмутимость, чуть ли не самоуверенность, способность достойно ответить на шутку и втройне отплатить за колкость — результат такой бессознательной самотренировки. Но в шестнадцать-двадцать лет приходилось нелегко. Может, я потому вообще с трудом перехожу на «ты»? А может, виною — мой далеко не блестящий грузинский язык? Парадоксальная вещь приключилась с моими родителями — и рикошетом ударила по мне. Я — представитель четвертого, а возможно и пятого или шестого поколения Долинских, проводивших отпущенный им земной срок в Грузии, причем большинство — в Тбилиси. Насколько мне известно, они не то из ссыльных, не то из беглых мятежных польских дворян. Отец назвал меня, в честь школьного друга, утонувшего в Куре, Гиви; пишуь русским; достоверно знаю, что отец мой был племянником прославленного народовольца (не все Долинские осели в Грузии), повешенного за участие в борьбе с царским самодержавием, и очень этим горжусь¹.

¹ Герой, внучатый племянник революционера, называет, естественно, вымышленную фамилию.

Парадокс же заключается в том, что отец, этот потомок давно ушедших в небытие драчливых и неуживчивых шляхтичей, вырос самым что ни на есть настоящим грузином — по языку, представлениям, взглядам на людей и их взаимоотношения. Об этом мне мама говорила, причем не без гордости. А вот сама она, урожденная Цопурашвили (однако не из кахетинских, а из норийских¹ крестьян), детство провела в Баку (отец ее был инженер-железнодорожник, жил, как говорится, на колесах), переехала с родителями в Тбилиси вскоре после февраля двадцать первого года² — и, как я, рано осталась сиротой, с матерью. Бабушка моя была наполовину финка, наполовину болгарка, но родилась и выросла где-то на Северном Кавказе. Так что мама получила чисто русское воспитание... Вот и скажите, кто же я, по-вашему? Друзья говорят, что я по национальности — тбилисец, и в этой шутке есть огромная доля правды. Тбилиси в самом деле мог бы претендовать на право именоваться целым государством. Во-первых, он удивительно многоязычен. Во-вторых, по сей день существуют — пусть трансформированные временем и великим путем, пройденным нашей страной от Октября семнадцатого года, — традиции и неписанные законы взаимоотношений, которые действуют только в Тбилиси. Наконец, я любого тбилисца — будь он грузином, русским, евреем, армянином, курдом, азербайджанцем, кем угодно! — хоть на Северном полюсе по разговору узнаю. Наш город и республика интернациональны в самом высоком и точном смысле слова. Это не «интернационализм», придуманный начетчиками и прочими околону научными болтунами, которые только на то и способны, чтобы искать ему обоснование (чуть ли не оправдание!) в разных других «измах». Он рожден мудрой щедростью и широтой народной души и, выстрадавший вековым историческим опытом, зиждется на искреннем и истинном — не показном! — уважении ко всем другим народам и обычаям; это уважение чуждо всякой аффектации и позы, хотя со стороны, человеку новому, может показаться, что грузины слишком охотно и

¹ Норно — село неподалеку от Тбилиси.

² 25 февраля 1921 года в Грузии была установлена Советская власть.

много (особенно, разумеется, за столом) говорят на такие темы. Что ж, пусть говорят, тем более что это у них здорово получается, и в данном случае имеет место не многословие, а красноречие, звучат не слова ради слов, а речи, рожденные избытком страстных и честных эмоций, чувствований больших и мужественных... Однако я сам, кажется, слишком увлекся, заслушался самого себя. Попробую сказать без эмоций: наш интернационализм — это производное свободной воли, уважения к другим нациям и готовности представителей этих наций воспринять, как органическую составную часть собственного характера, все лучшее, что есть у грузин, среди которых — и вместе с которыми — они живут...

— Послушайте, сэр! — заявил уже несколько захмелевший Бичойя. — Хотите, я расскажу вам, для чего человек на земле существует?

— Если вы хотите, а главное — можете ответить на этот вопрос...

— Я выразился не совсем точно, — признался Бичойя. — Не сам я расскажу вам об этом, а человек, живущий в этом доме. — И он указал длинным, как у музыканта, но несколько грязноватым пальцем на аккуратный двухэтажный домик, белеющий сквозь прорехи в зеленой стене фруктового сада и виноградника.

Дорога, которой мы шли, упиралась прямо в изумрудную массу, нависшую над обрывом. Под ним шумела вздувшаяся река. словно не совсем придя в себя после шока, вызванного ударом о дом, проселок ошалело бросался вправо и упирался в путаницу скалистых холмов. Здесь, окончательно оправившись от столкновения с одиноким строением, которое неожиданно оказалось крепостью, дорога обретала вынужденную осторожность и теперь уже осмотрительно петляла меж острых скалистых обломков и крутых валунов, уходя далеко от обрыва в лабиринт холмов. Трудно было определить — откуда, но она возвращалась к обрыву метрах в пятидесяти за домом и продолжала дальнейший евой бег. Так разумный человек обходит стороной в бессильной ярости рвущегося с цепи дворового пса.

— Сидит в своем логове, как зверь лесной, — почти угадал мою мысль Бичойя. — Впрочем, его, пожалуй, можно понять. Прошу вас, мой старый товарищ и, смею надеяться, доброжелатель! Здесь живет последний из

могикан... Уточняю: последний, вероятно, из живых советских одиночников Абел Арчвадзе. Это на старте девятой-то пятилетки! — сардонически захохотал он.

Мы подошли к дому не без опаски, и особенно серьезный вид сделался у Багиры: из-за высоких ворот доносился густой хриплый лай.

Потом послышался полнокровный баритон:

— Кого там еще несет? Иду...

Ворота без скрипа отворились, навстречу нам вышел рослый жилистый дядя в новеньких спортивных рейтузах, голый до пояса и шоколадный от загара, с великолепной гривой черных вьющихся волос — на расстоянии ощущалось, что они жестки, как колючая проволока. На взгляд ему было не больше пятидесяти, на деле оказалось шестьдесят шесть. При виде Бичойи он улыбнулся — словно лев пробудился от сна, приветственно взмахнул блеснувшей под солнцем косой:

— А-а, тунеядец из столицы! Заходи, дорогой, заходи! — бесцеремонно оглядел меня, не понижая голоса, как если бы я находился по крайней мере в полукилометре, спросил, нацелившись древком косы на мою папку: — Кто это с тобой? Может, со строительства? Тогда скажи ему: уже, мол, были оттуда и ушли несолоно хлебавши... Придут еще — уйдут с тем же!

Бичойя просиял от восторга:

— Стоишь на своем, дядя Абел? Ну, молодец! Нет, он не из тех — просто мой приятель. Из Тбилиси приехал. Корреспондент.

Густые брови черногривого льва угрожающе сдвинулись. Вновь внимательно осмотрев меня, Абел почесал лохматую макушку и с неожиданно детской недоверчивостью сказал:

— Не-ет! Не обманешь. Если он тебе друг, то какой же корреспондент?

— Что вы на это скажете, высокочтимый сэр? — «Тунеядец из столицы» весь светился тихой радостью. — Надеюсь, вас не очень смущает такой прием?

Честно говоря, происходящее начинало меня не то что смущать, но немножко злить — это уж точно. Я приготовился выступить в защиту клана газетчиков, однако Бичойя не дал мне раскрыть рта:

— Это правда, дядя Абел. Он корреспондент публиканской газеты и в то же время мой хороший ятель. Поверь: вполне порядочный человек. Ты не смотри, что он с папкой.

Хозяин в третий раз подверг меня визуальному исследованию. Казалось, я слышал, как медленно ворочаются, скрежеща друг о друга, тяжелые жернова под чудовищной шевелюрой. Вот мыслительный процесс завершился — и, очевидно, в мою пользу, потому что Абел Арчвадзе широко улыбнулся, показав крепкие желтые зубы, дружелюбно протянул руку:

— Дай-ка это сюда, сынок.

Он взял мою папку двумя пальцами и, держа ее на отлете, как издыхающую, но еще опасную змею, унес куда-то во двор. Тут же вернулся и радушно пригласил:

— Пожалуйте, дорогие гости, в мой дом, подкрепитесь с дороги.

На квадратном, пластиком покрытом столике появились бутыль чхавери, зелень, лори¹ и сыр (Бичойя взглянул на благородное вино и страдальчески поморщился; хозяин молча ушел в сарай, принес графинчик чачи). Мы выпили первый стакан волшебного багряно-черного напитка — за знакомство, за наше здоровье и за благополучие всех хороших людей.

Пышногривый лев оказался на редкость гостеприимным и хлебосольным хозяином. В его логове мы провели восхитительный час. Правда, и на этот раз решение вопроса о смысле жизни было отложено на неопределенное время. Зато я узнал, как и почему Абел Арчвадзе стал единоличником.

В начале пятидесятых годов целое горное село снялось с насиженного места и спустилось из горной Рачи² в благодать Колхидской низменности. Этот акт отнюдь не носил стихийного характера — односельчане Абела, он сам и тысячи других горцев действовали в строгом соответствии с указаниями директивных органов.

Легендарная Колхида встретила переселенцев не только живительным воздухом, напоенным ароматами Черного моря, плодородной почвой и мягким климатом

¹ Лори (груз.) — ветчина.

² Рача — регион Западной Грузии.

субтропиков. Были еще болота, а также множество других трудностей, которыми любая земля встречает людей, посягнувших на ее девственность.

Рачинцы — народ крепкий, с малолетства привыкший к борьбе с природой и ее каверзами. Закаленные в многовековых схватках с суровыми горами, они, естественно, не отступили и перед болотами. Мало того, рожденные животноводами, горцы научились возделывать чай, цитрусы, лавр (возвышенно именуемый в научных трудах и справочниках «благородным», а на рынках — прозаически — «листиком») и другие субтропические культуры. Прошел положенный срок — бывшие владения комаров и транзитные станции перелетных птиц превратились в изумрудные сады и золотые плантации. Правда, минуло еще время — и выяснилось, что вышеозначенное великое переселение народов явилось следствием, мягко выражаясь, ошибочных умозаключений людей, облеченных большой властью¹.

Суровые горы Рачи были не только суровы, но и щедры: в частности, местные условия благоприятствовали и, само собой, продолжают благоприятствовать разведению коров, быков, коз, овец, свиней и прочего крупного и мелкого рогатого и нерогатого скота. Приобщение рачинцев к возделыванию чая и цитрусов нанесло кровавые раны животноводству в осиротевших горных районах, а последнее, как известно, не способствует увеличению производства мяса и молока... Но это уже проблема, требующая, как говорится в передовых статьях, отдельного серьезного и всестороннего разговора. Тем более, что в пору, к которой относится моя командировка «по хорошему делу», разговор этот лишь начинался.

Так или иначе, потомственный животновод Абель Арчвадзе сделался очень неплохим цитрусоводом, хотя по-прежнему любовно растил свиней и считал козье молоко напитком богов (в чем, кстати, не ошибался, так как это молоко более любого другого богато жирами и витаминами).

¹ По вполне понятным причинам автор считает нужным оговориться: последний вывод основывается в данном случае только на личных соображениях Абе́ла Арчвадзе. Позиция героя в этом вопросе пока не уточнена.

Шли годы на новом месте и приносили с собой нововведения, которые поначалу приводили Абела и односельчан в недоумение, а со временем — наиболее экспансивных — в тихую ярость.

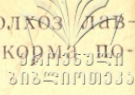
Козам в директивном порядке запретили драть кору деревьев, что, естественно, принесло последним неограниченную пользу. Но самим бородатым и рогатым божьим тварям, в силу их полнейшей безответственности и равнодушия ко всякого рода указаниям сверху, данный запрет грозил вымиранием. Коз практически перестали производить и резали почем зря.

Затем была допущена еще более серьезная ошибка: к разряду целинных земель, недолго думая, приобщили пастбища и луга. Отдельные, наиболее ретивые и в равной степени недалёковидные командиры колхозного производства быстро сколотили себе солидный политический капитал, принявшись радостно распахивать целые массивы, самой природой предназначенные для скота. Они выращивали рекордные урожаи чая и кукурузы, закладывая несметные гектары новых плантаций — и само по себе это было очень хорошо. Однако несчастные представители рогатого и безрогатого племен лишались, по мере наступления на луга и пастбища, ни много ни мало — хлеба своего насущного, и это, как ни крути, было уже очень плохо... Здесь становились бессильными даже такие блестяще сформулированные истины, как «молоко у коровы на языке» или «чтобы вырастить королеву полей — сил не жалея». «Королева полей» благоденствовала, но ведь (перефразируя известное) не хлебом единым (читай — кукурузой) жив скот...

Рассказывая об этом, Абел Арчвадзе горестно тряс смоляной гривой:

— Понимаешь, бедный харука¹ ходит вокруг правления колхозного и окурки подбирает — ему кушать хочется! А кушать-то нечего, он к лавровому листу и чаю не приучен... Или возьмем свинью, — вдумчиво продолжал он, мимоходом привычно обрывая засохший лист с виноградной лозы — чтобы не мешал созревающим ягодам впитывать августовское солнце. — Свинье лес нужен — желудь, орех-падалица, без них доброго

¹ Харука — в рачинском говоре уменьшительно-ласкательное от хари (груз.) — бык.

лори не получишь, одно сало... А у нас? Колхоз лавровый лист выращивает, продает — и комбикормом покупает... Это разве дело?!

Теперь Абел Арчвадзе апеллировал почти исключительно ко мне. Бичойя, ополовинив графинчик, сидел, откровенно уставясь в пространство, машинально поглаживая изящную голову дремавшей у ног Багиры. Время от времени собака открывала глаза и взглядывала на хозяина преданно, с некоторой, как мне казалось, тревогой.

— О нас, рачинцах, говорят: тугодумы... Анекдоты, Гиви, дорогой, сочиняют. Вот, например. Присел рачинец на рельсы отдохнуть, подходит односельчанин и говорит: «Чего расселся? Подвинься, я тоже устал». Пускай рассказывают! Кто медленно думает — не ошибется. Долго я смотрел на это безобразие, ругался — с бригадиром, агрономом, зоотехником. Они в ответ одно твердят: не твоего, мол, ума дело. Начальство в городе поумнее будет... А я всю жизнь земле отдал, первым в колхоз вступил! ...Ну, стукнуло мне шестьдесят — и ушел на пенсию. Государство, слава богу, — наше, рабоче-крестьянское, трудящегося человека не обидит... Стыдили меня: куда тебе на пенсию, бессовестный?! Ты еще быка кулаком свалить можешь. И могу! Но не хочу я по глупым приказам жить... Вот построил себе дом, корова у меня, птица, кукуруза, виноград. Жена умерла, детей бог не дал — так один и живу, телевизор зимой смотрю... Пошли они к чертям собачьим! — по-русски выругался он — явно перенятая у абхазов манера, абхазы любят по-русски ругаться.

Абела оставили в покое. Участок ему как пенсионеру полагался. А связываться с ним — фронтовиком, до самой Праги дошедшим, никто не хотел. Хотя колхозу жалко, конечно, было терять хорошего работника, и, кроме того, поступок Абела отрицательно сказывался на общих, благополучных показателях идеологической работы в районе. Шутка ли — воинствующий единоличник под боком, да к тому же еще порвавший с общественным сектором из принципиальных побуждений!

Абел Арчвадзе спокойно прожил пять с лишним лет. Хозяйство вел по дедовским обычаям, но и современных — умных — нововведений не чурался. Никто его не трогал и, верно, не тронул бы, если б одно солид-

ное ведомство не затеяло строительство собственного курорта.

Дом «последнего советского единоличника» сделан для строителей костью, ставшей поперек горла. Дорога, наезженная ими от места стройки к каменному карьеру и обратно, почти на всем протяжении шла по краю обрыва, над Кодори, и вдребезги разбивалась о неприступную арчвадзевскую крепость — дом с коровником и участком, занятым под кукурузу и виноград. Вынужденный объезд — несколько лишних километров петлянья среди холмов. Подсчитать (что строители и сделали) количество рейсов, дополнительное горючее, которое самосвалы пожирали с аппетитом металлических гаргантюа, разные другие статьи — солидная сумма собиралась за месяц. Между тем строительство (по плану) рассчитано было на срок около трех лет, а ведь всем известно, как оно потом бывает... На принципиального единоличника пытались воздействовать самыми различными способами — в том числе и не совсем красивыми. Но он как пень уперся, клещом вцепился в усадьбу: моя — и все!

— Я свой венахука¹ словно ребенка растил, по шесть-семь раз в году опрыскивал, лозу на зиму собственными руками спать укладывал, чтоб на земле-матушке отдохнула... А они мне деньги предлагают! Не бывать этому! — и Абель так хватил ручищей по столу, что тот жалобно всхлипнул.

Потревоженный Бичойя встрепенулся, очень натурально изобразил негодование по поводу арчвадзевского упрямства («кулак ты, дядя Абель, несознательный! Антиобщественный элемент!») — и вновь впал в оцепенение.

Холодная война между бывшим колхозником и могущественным ведомством грозила затянуться на неопределенное время: закон был на стороне строптивного сына гор.

Простившись с гостеприимным домом Абеда Арчвадзе, отправились в дальнейший путь. Мы с Багирой — бодрые и освеженные: я — замечательным вином и необычной историей, Багира — легким завтраком, сном

¹ Венахука — от груз. венахи — виноградник.

и беззлойной прощальной перебранкой с хозяйским псом. Бичойя, наоборот, сделался мрачным и неразговорчивым, угрюмо ступал по прибитой автомобильными покрышками траве, что-то монотонно бормотал себе под нос. Изредка до меня доносилось: «Се ла ви, месье» или «Выхожу один я на дорогу...»

Начало заметно припекать. Но все явственнее пахло морем, дышалось — особенно мне, только вчера вырвавшемуся из потных объятий города, — легко, и настроение тоже было легкое, утреннее.

Когда до поселка оставалось уже совсем немного, Бичойя остановился, извлек из кармана «Столичную», вытянул из горлышка самодельную пробку (на нее пошла пара листков из моего блокнота) и сделал долгий, как вечность, глоток. Постоял, с сомнением посмотрел сквозь бутылку на белое солнце, вновь поднес ее к губам... Но тут Багира встала на задние лапы, щелкнула пастью у самого лица хозяина и уже в полный голос сказала:

— Гав! Гав-гав-гав!..

Бичойя задумчиво на нее поглядел:

— Пожалуй, вы правы, мадам Багира... К тому же впереди — целый день и кошмарная ночь.

Бутылка вернулась во внутренности элегантного пиджака. Мы молча прошли короткую улицу без тротуаров. Она отличалась от проселочной дороги тем, что была усыпана белым гравием.

Возле уютного коттеджа с кокетливыми занавесками на окнах Бичойя остановился, с ненавистью сказал:

— Вот она — моя Пармская обитель! — и жалобно добавил: — А теперь пора баньки... До вечера, сэр.

Я без труда, никого не спрашивая, отыскал дирекцию фабрики.

Опрятная белокурая девушка в джинсовых брюках, оторвавшись от пишущей машинки, но не вставая — верный признак солидности предприятия, которое она представляла, — сухо спросила:

— Вы из редакции? Здравствуйте. Извините: «Волга» чуть свет ушла в райцентр встречать гостей из Тбилиси... А у «газика» полетел задний мост. Садитесь, пожалуйста. Только Еремия Шалвович, наш директор, поехал... он за ними поехал, а без него на производство нельзя. — Видимо, тяготясь обязанностью говорить все

151935340
003:010333

эти, явно не свои, слова, она покраснела и скороговоркой закончила: — Номер в гостинице для вас готов, может, отдохнете пока?

Я мог сказать, что тоже приехал из Тбилиси и, следовательно, тоже был вправе претендовать на место в «Волге», что, насколько мне известно, в синтетических плащах и туристских мешках не содержится даже намек на военную тайну, каковая единственно могла бы служить препятствием для корреспондента, желающего познакомиться с их производством... Но не стал всего этого делать. Девушка была явно ни при чем.

Поэтому я просто поблагодарил ее, потом отыскал «гостиницу», которая оказалась одноэтажным строением из четырех комнат, с удовольствием узнал, что буду в «номере» один, принял душ и завалился спать. Накануне мы допоздна засиделись с Сашей Григолия в его холостяцкой квартире — было о чем поговорить, давно не виделись.

К вечеру съездил на попутном самосвале к берегу моря; шофер долго и нудно ругал Абеда Арчвадзе — за упрямство и вредность.

Вдоволь наплавался и пешком по холодку вернулся в поселок. Неожиданно вкусно пообедал в рабочей столовой, которая уже закрывалась — фабрика работала в две смены.

Потом читал и, когда за мной наконец пришли, притворился спящим: не хотелось портить хороший день насильственным общением. За судьбу редакционного задания я не беспокоился — оно было слишком простым и ясным, сколько раз такие выполнял. В подобных командировках все главное наперед известно. Как в кинофильме, который уже видел и зачем пошел снова смотреть — непонятно.

Продолжение следует

«КАК МЫ ПИШЕМ»

Уже давно редакция «Литературной Грузии» собиралась познакомиться читателей с творческой лабораторией нескольких, на наш взгляд, наиболее примечательных советских писателей. И заглавие и, пожалуй, общую направленность данной рубрики совершенно неожиданно подсказала нам книга полувековой давности — изданный Лениздатом в 1930 году сборник «Как мы пишем». Здесь были представлены Максим Горький и Михаил Зощенко, Андрей Белый и Борис Пильняк, Борис Лавренев и Николай Тихонов, Константин Федин и Юрий Тынянов, Ольга Форш и Алексей Толстой, Виктор Шкловский и Вениамин Каверин.

Как видим, это были исключительно прозаики. Мы же, нарушив эту жанровую «обособленность», предложили также поэтам и драматургам тот «длинный и толковый» (по словам В. Шкловского) список вопросов, с которым составители сборника в свое время обратились к первому поколению советских писателей. Для того, чтобы иметь возможность сопоставить «старые» и «новые» ответы, представилось необходимым ни слова не менять в «ленинградской» анкете, хотя совершенно ясно, что, например, вопрос: «В каком количестве употребляют наркотики писатели во время работы, который может озадачить неискушенного читателя, полвека тому назад подразумевал скорее чай или кофе. Отсюда естественная просьба к нашим адресатам, учитывая «поправочный коэффициент» времени, не ограничиваться рамками прилагаемой анкеты (тем более учитывая ее жанровую, рассчитанную лишь на прозаиков, специфику) и рассказать также о том, какова предыстория их отдельных произведений, какие из их книг наиболее дороги им, авторам.

Мы чрезвычайно признательны тем писателям, которых увлекла идея этого своеобразного диалога с читателем и которые с готовностью откликнулись к нашу просьбу. Вместе с тем объективности ради надо сказать, что существует и противоположная точка зрения. И здесь нелишним будет полностью процитировать адресованное редактору письмо, к которому нельзя не прислушаться, так как оно принадлежит известному русскому прозаику Василию Белову: «Спасибо за приглашение участвовать в работе журнала, — пишет он, — но я, к сожалению, ничего не смогу сделать.

Я считаю писательство глубоко интимным делом, говорить о котором и стыдно, и не нужно. Писать о том, как мы пишем, это все равно, что писать о том, как мы спим со своими женами...

Разумеется, я не навязываю своего мнения никому из писателей».

Мы, в свою очередь, добавим, что если писательство, литература не может существовать без индивидуального начала, то вполне естественно предположить и диаметрально противоположные отклики на просьбу «приоткрыть» тайны своей творческой лаборатории.

Ответы участников нашей анкеты как на «старые» («ленинградская» анкета как раз и предлагается сегодня вниманию читателей нашего журнала), так и новые вопросы, безусловно, помогут читателям заново переосмыслить многие характеры и коллизии в хорошо известных им произведениях.

Своеобразная антология, которая публикуется в этом номере журнала, перекликается с полувековой давности сборником, «изнутри» показавшим становление советской литературы. Думается, в таком же необычном ракурсе предстанут перед читателем и те интересные нынешние фрагменты, которые в конечном счете составляют характернейшие черты в панораме ее многоликого сегодняшнего дня. Право на такое громогласное заверение дали нам уже первые присланные в редакцию ответы участников «ленинградского» сборника — Виктора Шкловского и Вениамина Каверина, их грузинских коллег — Серго Квдиашвили и Колау Надирадзе. Ответы эти имеют не только познавательное, но и символическое значение, так как принадлежат известным представителям первого поколения советских писателей. Неразрывную связь поколений советских писателей символизирует и то, что вместе с патриархами советской литературы в нашей подборке читатель найдет хорошо ему известные имена представителей последующих поколений — украинского прозаика Павло Загребельного, грузинского прозаика и эссеиста Акакия Гацерелиа, русского прозаика Булата Окуджава и его азербайджанского коллегу Акрама Айнисли.

ВОПРОСЫ СБОРНИКА «КАК МЫ ПИШЕМ»

1. Подготовительный период. Длительность его.
2. Каким материалом преимущественно пользуетесь (автобиографическим, книжным, наблюдениями и записями)?
3. Часто ли прототипом действующих лиц являются для Вас живые люди?
4. Что Вам дает первый импульс к работе (слышанный рассказ, заказ, образ и т. д.)? Данные в этом отношении о каких-нибудь Ваших отдельных работах.
5. Когда работаете: утром, вечером, ночью? Сколько часов в день — максимум?
6. Примерная производительность — в листах в месяц?

7. Наркотики во время работы; в каком количестве?
8. Техника письма: карандаш, перо или пишущая машинка? Делаете ли во время работы рисунки? Сколько раз переписываете рукопись? Много ли вычеркиваете в окончательной редакции?
9. Составляется ли предварительный план и как он меняется?
10. Что оказывается для Вас труднее: начало, конец, середина работы?
11. На каких восприятиях чаще всего строятся образы (зрительных, слуховых, осязательных и т. д.)?
12. Ставите ли себе какие-нибудь музыкальные, ритмические требования?
13. Проверяется ли работа чтением вслух (себе или другим)?
14. Какие ощущения связаны у Вас с окончанием работы?
15. Меняете ли Вы текст при последующих изданиях?
16. Оказывают ли на Вас какое-нибудь влияние рецензии?

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

1. Подготовительный период. Длительность его.

Скажу о другом. А потом, может, так получится, что ответ будет и на этот вопрос. Печататься я начал с 1908 года в журнале «Весна», это был молодежный журнал, с тех пор я печатаюсь непрерывно; считаю подготовительный период с этого времени; подготовительный период вообще.

2. Какими материалами преимущественно пользуетесь (автобиографическим, книжным, наблюдениями, записями)?

Пользуюсь материалом автобиографическим и книжным. Записными книжками не пользуюсь. У меня отвратительный почерк. Попросту у меня нет почерка.

3. Часто ли прототипом действующих лиц являются для Вас живые люди?

Очень часто.

4. Что Вам дает первый импульс к работе (слышанный рассказ, заказ, образ и т. д.)?

Просьба написать.

5. Когда работаете: утром, вечером, ночью? Сколько часов в день — максимум?

В. Шкловский: Днем.

С. Шкловская: А думает круглые сутки.

6. Примерная производительность — в листах в месяц.
Не знаю. Слишком от многого зависит.

7. Наркотики во время работы: в каком количестве?

За всю свою жизнь, кроме чая, я не принимал наркотиков.

8. Техника письма: карандаш, перо или пишущая машинка?

Вот последние тридцать с лишним лет я всегда диктовал жене.

Много ли вычеркиваете?

Очень много. Считать что-то окончательным я не умею.

9. Составляете ли предварительный план и как он меняется?

Предварительных планов не имею и думаю, что их нет. Думаю, что люди обманывают себя. Когда они попадают в работу, они не скоро вспоминают о предварительных планах.

10. Что оказывается для Вас труднее: начало, конец, середина работы?

Все трудно, потому что все сменяется. Я не знаю, где середина, — я думаю, что у художественной работы конца не имеется, начала она тоже не имеет. Работа все время рядом. Она приглашает нас.

11. На каких восприятиях чаще строятся образы (зрительных, слуховых, осязательных и т. д.)?

Не знаю.

Вероятно, на словесных.

Особенно я люблю работать ночью, во время бессонницы. Но, к сожалению, бессонницы у меня не бывает.

12. Проверяется ли работа чтением вслух (себе или другим)?

Читаю С. Г. и ссорюсь, когда ей не нравится.

13. Какие ощущения связаны у Вас с окончанием работы?

Чувство ученика перед большой переменной.

14. Меняете ли Вы текст при последующих изданиях?

Все время меняю.

Это очень мешает.

15. Оказывают ли на Вас какое-нибудь влияние рецензии?

Обыкновенно они меня огорчают: не тем, что меня часто ругают, а тем, что меня редко понимают. Сам себя я редко понимаю, хотя и стараюсь. Рецензию на себя я выдаю хорошую.

Вот и все.

Сима, я ничего не наврал?

— Нет.

Видите, когда вы работаете, вам кажется, что никто никогда лучше не сделает:

— потом, вам кажется, отвратительно,

— потом, что скучно;

— потом работа поселяется у вас дома и как-то устраивается в этом вашем доме.

ВЕНИАМИН КАВЕРИН

К сожалению, не могу ответить статьей на Вашу анкету — очень занят новым романом. Поэтому мне приходится

сделать самый элементарный выбор из тех возможностей, которые предоставлены анкетой, — и ответить на вопросы по порядку.

1. Длительность подготовительного периода в моей работе очень разнообразна в зависимости от жанра. Естественно, что большой роман требует больше времени, чем сказка или статья.

2. Автобиографический материал часто присутствует в книжном. Наблюдения необходимы. Записями почти не пользуюсь.

3. Очень часто.

4. И то, и другое, и третье.

5. Утром — часа 3—4 (в молодости). Теперь 2—3.

6. Около листа в месяц.

7. Наркотиками не пользуюсь (кроме снотворных).

8. Перо. Рисунки — редко. Переписываю 3—4 раза. В окончательной редакции меняю многое. Иногда через несколько лет пишу новый вариант. Трилогию «Открытая книга» для собрания сочинений 1963—65 гг. сократил на 15 листов (из пятидесяти).

9. План составляется, но меняется многократно.

10. В разные периоды жизни по-разному. Чаще всего — начало.

11. На тех, на других, на третьих и еще на многих, не подающихся анкетному определению.

12. Да — и очень строгие.

13. Неоднократно — начиная с замысла, который я неизменно рассказываю друзьям.

14. Сомнение, колебание, неудовлетворенность. Однако вскоре начинаю думать о новой работе.

15. См. № 8.

16. Нет.

Извините за краткость моих ответов. Впрочем, я много рассказывал о своей работе в книгах: «Здравствуй, брат. Писать очень трудно», «Собеседник», «Вечерний день».

СЕРГО КЛДИАШВИЛИ

1. Подготовительный период совершенно необходим для исторического романа, а также для исторического рассказа. Над произведениями исторического жанра работать мне не приходилось, поэтому трудно ответить, какова сущность подготовительной работы такого рода.

Что касается подготовительного периода в моем понимании, то он начинается гораздо раньше работы над самим произведением. Этот период включает в себя и изучение определенной среды, и человеческих характеров, и жизненных явлений. На все это иногда уходят годы, и именно это время подготавливает рождение будущего произведения.

2. Не знаю даже, какому материалу дать преимущество. Конечно же, почти в любом произведении есть автобиографические элементы, знакомые образы, наблюдения над окружающей жизнью. Все это, вместе взятое, способствует рождению

произведения, созданию его сюжетного стержня. Но, как это ни парадоксально, иногда автобиографический материал мешает писателю совершенствовать свое произведение.

3. Не могу сказать, чтобы образ какого-либо героя моих рассказов и новелл «укладывался» в реальный прототип. Думаю, что такое «совпадение» характерно и даже обязательно для тех, кто пишет очерки, мемуары либо иное документальное произведение.

4. Первым импульсом для моей работы является мое понимание «веления времени», проникновение в сущность происходящих вокруг меня событий и рожденную ими радость или горечь.

5. Большею частью работаю вечером. Как утверждают некоторые ученые, часть людей по своей природе «жаворонки» — их творческая активность приходится на утро, и — наоборот, есть «совы», бдящие по ночам. Я по своей природе, видимо, принадлежу к «совам». Люблю работать по ночам. Работаю иной раз мало, а иногда более продолжительное время — пять-шесть часов подряд.

6. Признаюсь, я никогда не считал свои рукописи в листах, поэтому могу иметь лишь приблизительное представление о своей «производительности». Насколько припоминаю, иной раз писал по десяти и больше страниц за день, иногда всего лишь одну-две страницы, а иногда весь рассказ создается всего за один вечер.

7. Из возбуждающих средств прибегаю исключительно к крепкому чаю. Думаю, если материал не будоражит фантазии писателя, то другие «возбудители» ему уже ничем не помогут.

8. Видите ли, я «консерватор», пишу исключительно пером. Иной раз делаю зарисовки на полях, хотя большей частью потом и не вспоминаю о них. Рукопись переписываю минимум два раза. Что касается вычеркиваний или же добавлений во время окончательной авторской правки текста — это же обычное дело, и не думаю, чтобы кто-либо писал, не вычеркивая или же не добавляя что-либо к черновому тексту.

9. Я наперед знаю, о чем буду писать, какая основная мысль будет положена в основу произведения. Конечно, невозможно предусмотреть отдельные детали будущего произведения. Преимущественно эти детали и рождаются по ходу работы: остальное, как правило, продумано заранее.

10. Труднее всего для меня — начать работу. Первые строки романа или рассказа требуют какой-то особой отдачи, особого осмысления. Думаю, что наши классики также особенно долго размышляли над начальными строками своих произведений. Ведь первые строки — своеобразный камертон для всего произведения.

11. Думаю, что мои образы строятся и на зрительных, и на слуховых ассоциациях.

12. Иной раз, но, признаться, редко ставлю перед собой чисто ритмическую задачу. Например, в «Сванском» цикле новелл. Но обычно задачи такого рода выходят за рамки моего писательского «амплуа».

13. Иногда читаю вслух своим близким то или иное новое произведение, но редко-редко когда проверяю его «на слух». Для меня привычнее проверять «на глаз».

14. Всегда мучает мысль — не поспешил ли я, полностью ли воплотил свой замысел. В конце концов приходит и удовлетворение — если чувствую, что не напрасно трудился.

15. Обычно к основному тексту я почти не прикасаюсь и лишь иногда при переизданиях меняю отдельную фразу, а чаще просто отдельное слово.

16. К рецензиям я, конечно же, прислушиваюсь. Если рецензия, к примеру, отрицательная, обоснованна, то я, естественно, задумаюсь над достоинствами своего произведения, так сказать, «перепроверю» свою, авторскую оценку. Но тем не менее мы иногда склонны приписывать рецензиям большую «силу воздействия», чем они на самом деле обладают. Ведь рецензируется то уже законченная, завершенная и опубликованная вещь. Может быть, это говорит лишь о моей «неподатливости», но не было случая в моей писательской жизни, чтобы я изменил в своем произведении даже самую малость после прочтения той или иной рецензии. Ведь этот рассказ или новелла — веха моей жизни, плоха она или хороша, пусть останется такой, какой была задумана и создана. Помните, как сказал поэт:

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ

1. Подготовительный период — это настроение, нечто задающее мои чувства. Только тогда возможно творчество. Иногда длится до нескольких дней.

2. ...

3. Часто. И не только живые, исторические лица тоже.

4. Живой человек, живая натура, природа, окружающая меня, может быть и воображаемая. Образы людей, способных на большие чувства.

5. Ни один поэт не даст точный ответ. Это зависит от погоды, настроения, людей, которых любишь. Но в основном ночами, а утром свежим глазом просматриваю. Утром взгляд придирчивее. Всякое творчество — функция интеллекта. Утром он контролирует написанное.

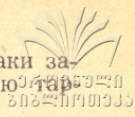
6. Не могу сказать. Это, я даже не знаю, от чего зависит.

7. Никаких. Может быть, стакан хорошего вина.

8. Шариковая ручка. Иногда делаю: дамские ножки, фигуру, талию, лицо. Максимум один-два раза переписываю. Нет, вычеркиваю немного. Если стихотворение неудачное, просто рву и выкидываю без всякого сожаления.

9. Никаких планов. Образ ведет меня за собой.

10. Не задумывался над этим. Не вижу никакой разницы между началом, концом или серединой.

11. Все вместе, в совокупности.
12. Размер стиха приходит сам по себе. Это опять-таки зависит от настроения. Главное — сохранить внутреннюю гармонию стиха.
13. Обязательно (самому себе, а бывает, близкому другу).
14. Полное удовлетворение, удовлетворенность.
15. Меняю. Но не часто.
16. Никакого.

ПАВЛО ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Писателю иногда хочется поговорить о своих книжках, как матери о своих детях. И книжки твои, если они писались честно, если каждое слово, употребляя выражение нашего Тараса Шевченко, произносилось неложными устами, тоже дороги тебе, как дети, и не хочется выделять среди них любимых и нелюбимых, хоть одни расхвалены, другие замолчаны, одни отмечены премиями, другие остались незамеченными. Как говорили древние: *Nabent sua fata libelli*.

Итак, я буду отвечать, придерживаясь вопросов анкеты.

1. Мне 57 лет. Последние 24 из них я пишу романы. Написал 17. Следовательно, подготовительный период на каждый роман — около года, для написания — полгода. Всю жизнь я где-то работаю. Свободным художником не был ни одного дня. Поневоле выработал свой стиль подготовки к писанию: длительное обдумывание и записывание на отдельных листочках обдуманного. Когда собирается такого «материала» килограмм или несколько — сажусь и пишу. Своеобразный монтаж. Как в современном строительстве. Неудобно и мучительно, однако иного выхода нет.

2. Я пишу романы на материале современном и историческом. Для первых — личный опыт и наблюдательность, для вторых — книжные источники плюс хорошо развитое чувство реинкарнации (этим термином обозначают ныне загадочные явления «исторических воспоминаний», когда кто-нибудь из наших современников вдруг «вспоминает», что он жил во времена Перикла, Давида Строителя или Ярослава Мудрого).

3. Прототипов не люблю, т. к. сейчас век сплошной грамотности и «прототипы» немедленно пишут жалобы на писателя: не так их изобразил, что-то извратил, что-то перепутал. Поэтому обойдемся.

4. Импульсы — вещь совершенно непредсказуемая. Раньше я считал, что можно объяснить, как возникает замысел, теперь начинаю сомневаться. Скажем, я писал цикл романов о Киевской Руси и никогда не думал пойти дальше XIII века. И вдруг я пишу роман «Роксолана» о XVI веке, а теперь работаю над романом «Я — Богдан» о времени Богдана Хмельницкого, век XVII, самый сложный в истории Украины! Как это произошло, не могу понять. Быть может, уверенность в своих силах? Или возраст?

А что такое возраст для писателя? Многие склонны полагать, что это прежде всего серьезность, сурово насушенные брови, стремление — сказать бы, постоянно находится в состоянии если и не экстатическом, то по крайней мере — возвышенном. Я лично так не считаю. Старая, настоящий писатель вновь приобщается к неуываеваемому миру детства, для которого главное в жизни — игра. А что такое литература, если не великая игра на просторах жизни? И разве Сервантес, старый, больной, безрукий, брошенный в тюрьму за долги, начал писать «Дон Кихота» не из озорства, не из желания подурачиться и подурачить мир? Или Шекспир, который, заканчивая «Макбет», судился за три шиллинга и восемнадцать пенсов, — разве он уж так был преисполнен серьезных намерений и думал лишь о том, какие проблемы, выражаясь стилем некоторых наших «проблемных» писателей, поднять в своей трагедии? Увы, увя!

5. Охотнее всего пишу в первой половине дня. Но бывает по-всякому. Иногда и по 16—18 часов. Думаю над писаниями постоянно до боли в мозгах.

6. Средней производительности у меня нет из-за моего образа жизни и нерегулярного писания. Всего написал свыше 500 печатных листов. Из них романов — около 400 листов. Сейчас на Украине выходит мой 6-томник на 240 листов. В него, к сожалению, не вошло семь романов: лимиты Госкомиздата. По меркам ленивых моих братьев, я пишу вроде бы много, если же вспомнить классиков или взять западных современников-профессионалов, получится, что даже я бездельник. Писатель должен писать много.

7. Лет 15 я постоянно пил кофе. Последние десять лет — виски (граммов по сто в день). Предпочитаю шотландское. Где беру? Трачу гонорар. Я гипотоник, поэтому вынужден «тонизироваться».

8. Пишу преимущественно на машинке. Если ночью, то ручкой, чтобы не будить соседей по Дому творчества (почти все мною написанное — в домах творчества), гостинице, самолету или домашних. Я уже говорил, что долго и мучительно обдумываю все свои вещи (даже мелкие газетные заметки), поэтому «мыслить» на бумаге нет надобности, пишу практически чистовик. Делаю незначительные правки, отдаю машинистке для перепечатки — и все.

9. План сперва имеет весьма аморфные очертания. Иногда — это и не план, а только желание написать что-то. Затем в порядке обдумывания это желание обрастает деталями, становится осязаемым. Многие (особенно в деталях, иногда в целых сюжетных линиях) приходит во время писания. Почти все это — спонтанно. Терпеть не могу рассудочности и точных графиков.

10. Почти все свои романы я писал по принципу: пиши в первую очередь то, что пишется всего охотнее. Кажется, только «Роксолану» писал «по методу Адама и Евы» от первого слова и до последнего, не забегая вперед, не ретардируя и не бросаясь в стороны. Как правило, когда начинаю писать, у меня есть первая и последняя фразы романа. Особенно последняя. Мне кажется, что самое главное — не на-

чало, а конец. В этом я расхожусь с классиками, но я не классик.

11. Для образов так же, как и для самого замысла, которым может быть все: слово, мысль, лицо, походка, жест, запах, воспоминание, сновидение.

12. В прозе обязательно есть ритм. Я чувствую его в каждой фразе, в странице, в главе, в целой книжке. Для меня все мои романы звучат каждый по-своему, и очень больно становится, когда убеждаешься, что никто этого не слышит. Особенной глухотой страдают наши критики.

Для создания настроения перед началом очередной книжки я на отдельном листе, на котором буду отмечать темп работы (такова привычка), вверху записываю лермонтовские стихи:

Окончен труд дневных забот,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть хотел бы с ними...

Почему именно эти стихи — не знаю и сам. Быть может, потому что пишу почти всегда вдаль от своей жены, в одиночестве, и тоска в самом деле одолевает и бессилит.

Иногда вместо Лермонтова ключом для моего настроения служит Данте (Чистилище, начало песни восьмой):

В тот самый час, когда томят печали
Отплывших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,
А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем, —
Я начал, слух неволью отрешая...

13. Люблю (уже в самом начале работы) обязательно прочитывать страничку, а то и целый раздел жене Элле или кому-нибудь из товарищей-писателей, чаще всего украинскому прозаику Александру Сизоненко. Слушателя нужно иметь талантливого.

14. После окончания работы я болею. Бывали случаи, что жена приезжала в Дом творчества и буквально вывозила меня оттуда. Так когда-то санитарки выносили с поля боя раненых. Может, и у меня своеобразный «фронтальный комплекс»? Не знаю.

15. Я придерживаюсь принципа В. Гюго: романов нельзя переделывать точно так же, как людей, однажды их сделав.

16. Рецензии (даже хвалебные) остервеняют меня. Скажем, двадцать с чем-то лет назад «Новый мир» разругал один из моих первых романов, и это остервенило меня в такой степени, что я писал до тех пор, пока за роман «Разгон» не получил Государственную премию и тот же «Новый мир» (№ 3, 1981 г.) не расхвалил этот роман. Но это, конечно, шутка.

Серьезнее гораздо то, сколько среди рецензентов людей поверхностных, нечестных, случайных и просто неталантливых. Трудно себе представить, чтобы умелого слесаря, опытного хирурга, знающего часовщика или даже простого сапожника поинтересовал человек, который сам ничего этого не умеет делать. Почему же это возможно в литературе? В этом отношении литература беспомощна точно так же, как сельское хозяйство или футбол: все поучают, а никто не знает, что же нужно делать для успеха.

Поэтому ожесточимся сердцем и, сжав зубы, будем упорно работать.

АКАКВИ ГАЦЕРЕЛИА

Да прости меня читатель, но на вопросы анкеты отвечаю не по порядку.

В течение 50 лет моей литературной деятельности много труда и времени я отдал изучению творчества классиков грузинской литературы (Руставели, Сулхан-Саба Орбелиани, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, Важа Пшавела, Д. Клдиашвили, Г. Табидзе), а также выявлению грузинской тематики в произведениях русских и иностранных писателей (Лев Толстой, Данте, Руми, Гете, А. Дюма, А. Белый и др.). 25 лет изучал я творения Аврелия Августина, а сейчас заканчиваю монографию о нем, где первый раз даются полные сведения о высказываниях крупнейшего представителя латинской патристики о преисторической Грузии, о августинизме в древнегрузинской литературе и т. д. Большое место занимает в книге освещение влияния Августина на мировую художественную литературу — от Петрарки, Монтеня и Толстого до Джойса, экзистенциалистов и т. д. Много времени ушло у меня также на полемику по вопросам грузинского стихосложения, биографию Петра Ивера (V в.) и арсопагитику. Этим объясняется моя малопродуктивность (в виде печатной реализации) в прозе. И все-таки: если я проживу еще 5—6 лет, надеюсь закончить документальный эпос «Шамиль», один небольшой роман («Ада») и сборник рассказов. Думаю, что это будет не так уж мало.

А все-таки — что значит «продуктивность» в искусстве? Один рассказ Лермонтова «Тамань» я предпочитаю всем романам академика Боборыкина, Мордовцева, Шеллер-Михайловского и других подобных беллетристов. Я люблю «малопродуктивного» И. Бабеля. Вообще у меня нет никакого пиетета к «легкости писания», о котором Л. Толстой говорил беллетристу А. В. Жиркевичу (А. Нивину): «Обратите внимание на плодovitость наших молодых писателей. Эта легкость писания прямо указывает на умственный разврат, на отсутствие серьезного отношения к делу». И там же: «И критика наша — умственный разврат; она поощряет эту легкость писания, эту протитутцию мысли, слова» (см. «Литературное наследство», т. 37/38, с. 476).

Это — голос разгневанного бога! И все мы должны со всей серьезностью прислушиваться к нему!

Не лишним будет вспомнить здесь и то, что требовал Толстой от представителей искусства вообще. Он говорил художнику Пастернаку: «...Помните, Леонид Осипович, что все на свете пройдет: и царства, и троны пройдут; и миллионные капиталы пройдут; и кости, не только наши, но и праправнуков наших давно сгниют в земле, но если есть в наших произведениях хоть крупица художественная, она одна останется вечно жить» (там же, с. 511).

Я всегда мечтал только о такой «крупнице»!

Пусть читатель не подумает, что все здесь сказанное — своеобразная форма самозащиты или проявление симулированной амбициозности. Отнюдь нет! Мое беспредельное преклонение перед великим именем яснополянского мудреца исключает даже тень неискренности с моей стороны. Это ограничило бы со святотатством! Хочу привести одну цитату из письма Т. Манна Альбрехту Гезу: «Я как раз перечитывал «Хаджи Мурата», где повествовательное начало прямо-таки гипертрофировано. Да, бог ты мой, я же просто щенок перед таким львом. Каких бы еще мировых премий ни присуждали мне всякие академики, я-то знаю, что велико и что в лучшем случае средне. Лучше нам всем притаиться и смотреть снизу вверх» (Томас Манн. Письма. М., 1975, с. 322).

Это пишет автор романов «Доктор Фаустус», «Иосиф и его братья», «Лотта в Веймаре» и других шедевров! Отличительная черта **честных и настоящих** художников — искренно восторгаться подлинно великими творениями других, а не собственными, которые им всегда кажутся сомнительными. Такими художниками слова были, например, великий Чехов, Хемингуэй, Голсуорси, Фолкнер и другие, а у нас, например, Давид Кляшвили.

Я потратил много времени (40 лет) на собирание материалов о Шамиле. Кроме прочтения огромной мемуарной и военной литературы о нем, я долго путешествовал по Чечне и Дагестану в 1932, 1935 и 1973—76 годах; мне посчастливилось обнаружить один из вариантов арабской рукописи, главной биографии Шамиля, так называемой «Хроники Мухаммеда ал-Карахи», изданной в русском переводе (с арабским текстом, в 2 томах) в 1941 году в Ленинграде под редакцией акад. И. Ю. Крачковского (этот вариант я приобрел в 1935 году в Дагестане, в ауле Ашильта). И все-таки я до сих пор не смог закончить документальный эпос «Шамиль» (правда, были объективные причины к этому: в 1942—1955 годах я прервал работу над книгой). Но спрашивается — сколько лет работал гениальнейший писатель над «Хаджи Муратом», о котором так восторженно пишет Т. Манн? А если настоящая историческая проза требует столько труда и времени **даже от величайших художников слова** (вспомним и Г. Флобера, автора «Саламба»!), то сколько труда должен вложить в свое произведение обыкновенный писатель, если у него «серьезное отношение к делу»? Но я так хорошо изучил историю Кавказской войны (об этом свидетельствуют хотя бы 2 тома «Писем» поэта и генерала, участника Кавказской войны Григола Орбелиани с обширными комментариями, изданные мною в 1936 — 1937 годах!), у меня накопилось столько сведений о мельчайших

подробностях жизни и личности Шамиля и его окружающих, что чувствую себя готовым в конце концов закончить книгу. Если не ошибаюсь, абсолютное владение материалом — хоть частичная гарантия успеха.

Даже большой рассказ о матери Шамиля («Баху-Меседу») в черновике готов, но лежит он у меня целых 5 лет; а другой рассказ «Ночь Кандагара» (о гибели в Персии бывшего грузинского царя Георгия XI в 1707 году) — почти 7 лет ждет опубликования. Значит — стараюсь не поощрять себя для «легкого писания»!

Каждый автор имеет право (по мере своих возможностей!) — мечтать о совершенстве, т. к. «совершенство есть защита. Поставить совершенство между собою и другими. Между собою и собою же» (П. Валери).

Конечно, от подобной мечты до ее реализации — громадное расстояние. Но мечтать хотя бы о «крупнице художественности» имеет полное право каждый порядочный писатель.

Во время работы (художественной и литературоведческой) я редко доверяю документам и первым «жизненным впечатлениям». Например, во многих биографических и мемуарных источниках о Шамиле говорится, что он все время «прищуривал» глаза и это считалось доказательством его «скрытности», «недоверчивости к людям», «вероломства» и т. д. В действительности же он еще в детстве заболел глазной болезнью и навсегда остался близоруким (во время чтения Шамиль пользовался очками). «Прищуривал» же глаза он и в Калуге (в ссылке), где искренне рассказывал о своих ошибках или симпатиях и антипатиях к разным людям; и преднамеренно никогда не «прищуривал» глаза!

А неоспоримые факты и документы обычно не подлежат реинтерпретации. В связи с этим я вспоминаю один интересный случай из моей литературной жизни.

В 1971 году в «Литературной Грузии» (см. № 8, с. 91—94) был опубликован русский перевод моего рассказа «Один день имама». В нем повествуется, как во время заседания в резиденции Шамиля у него под буркой его любимая кошка родила котят. В повести рассказывалось и о том, как беспокоили разные насекомые членов «дивана» (совета) во время разбирания неотложных дел горцев. Эпизод разыгрывается в Чечне, в ауле Ведено.

Позже я узнал, что мой рассказ не понравился правнуку легендарного Хаджи Мурата, историку Магомеду Хаджи Мурату, живущему в Махачкале. Он писал своему знакомому в Тбилиси, что если бы я побывал на родине Шамиля, в ауле Гимры (куда я впервые приехал еще в 1935 году вместе с известным художником Давидом Какабадзе и гостил у потомков сестры Шамиля), на том месте, где когда-то стоял дом Шамиля, сожженный во время военной экспедиции барона Розена в 1832 году, то я увидел бы там (в Гимрах) развалины бань времен имамства. Но действие рассказа происходит в Ведено (в Чечне), а не в Гимрах (в Дагестане, где Шамиль не жил после 1839 года, т. е. после взятия Ахулго, последней резиденции имама в этом крае). Что касается самого эпизода с кошкой, я почти без изменения повторяю сообщения живу-

щего в Ведено зятя Шамиля, свидетеля всех событий его дома. В 1872 году вышла брошюра зятя имама с таким заглавием: «Выдержки из записок Абдуррахмана, сына Джелал-аддина, о пребывании Шамиля в Веден и о прочем. 1872». На 4-й странице этой книги описывается тот эпизод, который я использовал в рассказе. Я послал правнуку Хаджи Мурата фотокопию страницы названной книги с объяснительным письмом, в котором сообщал адресату о моих изысканиях по истории и биографии его знаменитых предков. К сожалению, он не ответил на мое письмо и не приехал в Тбилиси, где я хотел по-братски встретить его. Если он жив и здравствует, я с большой радостью повидаяюсь с ним, т. к. я искренно уважаю его геронческий народ!

Как видно, даже подлинные исторические факты иногда вызывают сомнения у читателя!

Работаю долго или относительно медленно, смотря по тому, как назревает необходимость окончательного сформулирования материала. Рассказ «Двойник» я написал в 6 дней, но подробности жизни сына Шамиля я хорошо знал еще с 1935 года по многим источникам (воспоминания знакомых, разные описания), имею о нем богатый иконографический материал. «Выдуманные рассказы» тоже долго зреют во мне. Поэтому длительность работы зависит от успеха преодоления **некоторых препятствий**, языковых и не языковых, например, трудность правильного распределения светотени, изображение внешности и одежды персонажей, изменчивость их чувств и настроений, скрытность их первоначальных побуждений, **антиномичность самого образа главного героя**, который иногда, «в роковой миг», становится другим человеком и т. д.

Передо мной всегда **живое лицо** человека, даже исторических лиц, — как будто я их лично знал когда-то. Если я не в силах представить их **пластически зримо**, я не могу писать о них. Я даже стараюсь «издалека» разговаривать с ними, вскрыть их мысли с помощью мимики, цвета глаз, жеста... Но никогда никого **не копирую**, т. к. искусство — **новая действительность**. Надо уловить неуловимые спектры действительности вообще и в духовной жизни людей, в частности.

Просто «описывать» действительность — значит не понимать ее. Обыкновенное «бытописание» («реализм») — пошлый вид писания, и оно слишком распространено, так как легко дается. Поэтому настоящая художественная **наблюдательность** — редкое явление и считается универсальной чертой всякого подлинного искусства. Л. Толстой говорил актеру Лопатину:

«Наблюдательность художника заключается в способности видеть в окружающей действительности те черты явлений, которые не затрагивают сознания других людей; он видит кругом себя то же, что и другие, но видит не так, как другие, и затем, воспроизводя в своем творчестве именно те черты действительности, которые другими не замечались, заставляет и других людей видеть предметы так, как он сам их видит и понимает» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960, с. 466).

Поэтому голый «психологизм» (длинные излияния «чувств» персонажей, **безответственный поток слов** самого автора и т. д.), кажущиеся «реалистичность» событий или «жизненная подлинность характеров», псевдоглубокий анализ и прочие «достоинства» обыкновенной прозы отталкивают меня. Прозаическое искусство — особый вид **конструкции, целая система счастливо найденных неожиданных открытий**. Произведение не строится только с помощью вдохновения, которое не всегда является гарантией создания художественных произведений, — после завершения оно должно жить отдельно от автора. Исходя из этого, я понимаю иронию П. Валери: «Какое смешение понятий заключено в выражениях типа: «психологический роман», «подлинность характера», «глубина анализа» и т. д. — Не лучше ль заняться нервной системой Джоконды или печенью Венеры Милосской?».

Да, художественное произведение не «психология» и не «биология». Словесное искусство имеет **свои имманентные законы**, не зависящие от автора, законы построения и сочетания, т. к. всякое произведение входит в систему той или иной национальной литературы. Автор изучает и использует (с успехом или без успеха) эти законы литературы во время писания и в процессе реализации накопленной наблюдательности. Степень же умелого использования разных литературных приемов или методов (например, метода так называемого «внутреннего монолога», «потока сознания», диалога и монолога и т. д.) измеряется **мастерством** таланта. Все это глубоко отличается художественное творчество от других областей духовной деятельности человека. Его теоретическое изучение — предмет литературоведения, но только лишь изучение законов построения произведения не сделает человека писателем. Художественный дар для меня необъяснимый феномен. Демон или ангел нашептывает человеку что-то — без этого он не писатель (если даже напишет целую серию романов и рассказов!).

Первым импульсом для меня является неожиданная заинтересованность каким-нибудь неординарным событием, в котором раскрывается противоречивость участвующих в нем людей. Материал дает сама жизнь или рассказ знакомого человека, исторический документ и т. д. (например, сюжет повести о Назаре мне рассказал замечательный человек и поэт Георгий Кучишвили). Поэтому я никогда не обрабатываю исторические сюжеты, если об эпохе и людях того времени не существует **подробнейшая** научная и мемуарная литература. Эра традиционного исторического романа давно ушла и существует как «стабильный» анахронизм, и только для массового читателя. Просто нечестно — все время обманывать этого читателя! И самого себя!

Еще: не сложность темы пугает меня, а языковая ткань произведения. Например, я не могу — да и сознательно уклоняюсь — писать «сочным языком» (есть такое «кулинарное» отношение к художественному языку), перегружать абзацы идиомами и длинными повторами. Я злейший враг высокопарности, бесконечной декламации, вычурности, лишнего «лексического богатства», смешения разных «исторических пластов» (хотя часто прибегаю к нарушению временных ходов со-

бытий), «просторного описания природы» (Чехову нравилась короткая детская фраза «Море было большое») и т. д. Надо писать прозрачно и только исключительно **нужными словами**. Удастся мне все это? Не мне судить!

Вообще надо учиться у великих писателей, но **не подражать** им, потому что именно они — **неподражаемые!** Я много читаю, но полуисторическую или обыкновенную «реалистическую прозу» (она свободно может заключить в себе порнографию и похабщину!) — никогда.

План составляю только в уме, долго вынашиваю его и никогда заранее не записываю. Труднее всего дается начало, я всегда откладываю его. В процессе работы план, конечно, иногда подвергается существенным изменениям. Но не ради «новаторства» (я не особенно люблю это слово), хотя слепая приверженность к общепринятым нормам — тоже опасна, она грозит банальностью, трафаретом, «красивой» или «некрасивой» пошлостью. Надо остерегаться бутафорности, этого тоже страшного врага подлинного искусства. Проза требует мыслей, и никакая хорошая фраза не искупит бедность мысли произведения — так говорил Пушкин. И — превосходно.

Работаю только ночью, иногда до утра. Пишу только авторучкой. Никогда не пользовался карандашом. Не представляю, как можно диктовать текст машинистке. И на машинке печатать тоже не умею. Никогда никакого наркотика (кроме сигарет!) я не принимал (даже не пробовал). Думаю, что всякий наркотик затуманивает разум, мешает работе мысли и памяти. У меня большое отвращение ко всему тому, что вредит интеллекту.

Всегда должно стремиться к **идеалу**, даже никогда не достигая его!

Во время работы безмерно люблю слушать хорошую музыку, например, прелюдии и фуги Баха, Восьмую симфонию Шуберта или сонаты Бетховена... Это не кичливость! Я не разбираюсь в нотах, не «профессионал», но вспоминаю Стендаля, тоже не «профессионала», который так безумно любил и понимал музыку, что, по мнению Р. Роллана, написал лучшую историю итальянской оперы. Вообще писатель должен быть **внутренне** музыкальным человеком. «Секрет писательства заключается в **невольной** музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...» (В. Розанов. Уединенное. Петроград, 1916, с. 18). Также: не пишущий стихи человек может быть **поэтом больше**, чем обыкновенный или бездарный поэт-версификатор!

После окончания работы, и особенно после опубликования рассказа или новеллы, меня всегда охватывает смутение и чувство неудовлетворенности (если не ужас!). Если меня не поддерживали бы некоторые писатели и критики (Константин Гамсахурдиа, Геронтий Кикодзе (которому очень понравился мой рассказ «Смерть Бараташвили». См. русский перевод в «Литературной Грузии» от 1968 г., № 9), Георгий Натрощвили, Ладо Авалиани, Лавросий Каландадзе, Гурам Асатиани, Акакий Бакрадзе, Серго Квдиашвили, Гурам Гвердцители и другие), я давно бросил бы писать прозу. Плохой пи-

7. Лучший наркотик — удачно найденная деталь, которая оказалась ключом, когда кричишь сам себе: «Пошло! Ка-жется, пошло! Пошло, слава богу!..»

8. Лежу на левом боку и пишу мелко-мелко. Чем мельше почерк, тем большее наслаждение испытываю. Пишу и прав-до. Затем, уже вечером, перепечатаваю. На следующий день с любопытством и страхом перечитываю. Если не то, выбра-сываю и, помолвившись и зажмурившись, начинаю снова, иначе. Когда же, наконец, все складывается, перестаю вычеркивать: день, и все оставляю до выхода книги, чтобы потом уже до-садовать, грызть ногти, терять к себе уважение.

9. Стараюсь быть не хуже других, составляю обязательные планы, которые никогда не выполняются.

10. Начало работы всегда трудно: нужно «влезть в шку-ру», найти ключ. Середина пахнет катастрофой: все перепута-лось, поступки героев непредсказуемы, конец отдалается, потра-ченный аванс снится ночами. Завершение работы — обычно самая приятная часть, когда ничего не надо придумывать, все совершается само собой, вдохновенно и стремительно.

11. Зрительное восприятие — пожалуй, главный побуди-тель.

12. Никаких требований к себе, кроме нравственных. До-статочно с меня требований от окружающих. Все должно быть натуральным, органичным, произвольным. Тогда возникнут ритм и музыка, свойственные мне.

13. Обычно я начинаю с того, что широко рассказываю найденный сюжет, что повергает в ужас профессиональных литераторов. Затем я читаю большую часть уже написанного или даю читать довольно широкому кругу лиц. Конечно, я ни-когда никому этого не навязываю, но с готовностью откли-каюсь на искренние просьбы. Себе самому вслух не читаю, ибо, кроме самообольщения, это не может дать ничего.

14. Окончание работы — праздник и одновременно отчая-ние при мысли, что это последняя удавшаяся мне вещь. Очень может быть, что это отчаяние и есть тот стимул, побуждающий немедленно приступить к различным разысканиям, чтобы до-казать себе самсму, что жизнь продолжается и есть некото-рые надежды.

15. Можно считать, что текст при переизданиях остается неизменным, за исключением исправления досадных неточно-стей, вкравшихся в первый вариант. Переделывать работу, со-зданную когда-то, то же самое, что ретушировать собственную фотографию юношеских лет, пытаюсь придать себе более зре-лые черты. Целесообразнее тратить усилия на новые поиски, чему очень способствуют раскаяния по поводу былых несовер-шенств.

16. Если рецензия есть размышление по поводу того, что я не в полной мере использовал свои возможности, свои до-стоинства, если она о том, чего я не сделал, такая рецензия, даже вызывая досаду, приносит пользу. Если же она о том, что я должен был сделать, или, не дай бог, что я не должен был сделать, такая рецензия мне неинтересна и обычно вызывает желание отправить рецензента в известном направлении.

1. Подготовительный период (3—4 дня) нужен мне, в основном, для того, чтобы почувствовать себя как инструмент, пригодный для работы. Это — по части физического самочувствия. Потом — два-три дня страшной скуки, в которой вроде бы сам по себе настраивается духовный «инструмент» — налаживается нравственное самочувствие. Тогда я беру за первую фразу. Тут-то как раз я вплотную сталкиваюсь с тем, что называется «творческие муки». Я и эта первая фраза говорим вначале на совершенно разных языках. И эта чертова фраза у меня никогда не получается такой, какой я ее хочу видеть. Мне приходится сдаваться — сделаться таким, каким она меня хочет видеть. Только после этого между нами устанавливается какое-то взаимопонимание. И потому я ненавижу эту первую фразу: я ей всегда в чем-то обязательно уступаю, а уступать вещь не очень-то приятная для «гордого кавказца».

2. Записей я не веду. Боюсь делать даже мелкие заметки потому, что, когда я приступаю к работе, они меня сильно отвлекают. Только конец вещи (и то не всегда) осуществляется у меня, как я задумываю его сначала. Все остальное неузнаваемо меняется в зависимости от того, что «просит» (потребуется) после себя уже написанное: глава, фраза или даже отдельное слово. Исходя от настроения, от интонации, если хотите, даже от цвета этого «уже написанного», я двигаюсь дальше, будучи опять-таки в подчинении чего-то, стоящего выше моей воли, моего желания. Значит, я опять подчиняюсь, уступаю, но это уже не такая «унизительная» уступка, как это бывает с первой фразой, даже наоборот, на сей раз я получаю удовольствие. Язык, в этом смысле, сам по себе, представляется мне некой самостоятельной гармонией. (В нашем деле язык будто бы не только не подчиняется мышлению, но и направляет его в силу своего природного превосходства над мышлением).

Что касается присутствия автобиографического в художественном творчестве, без него могут обойтись, по-моему, одни только самые матерые ремесленники. Автобиографическое, в данном случае, я беру как нечто составляющее нашу нравственную память, то, что помнит душа. Какой-то особый месяц, день, даже миг в жизни. Тот миг, когда мир сделался вдруг необъяснимо радостным или печальным; когда ты заметил какой-то свет, который, быть может, дано видеть тебе только раз в жизни, и цвет такого же таинственного неземного происхождения... Это и есть для меня тот материал, который является сердцевиной всех моих (увы, уже многолетних!) стремлений стать писателем. Никакая идея, никакое содержание — ничто, кроме этого, я думаю, не могло бы заставить меня взяться каждый раз за одно и то же изнурительное дело.

3. Я пишу, в основном, о людях, которые были мне знакомы когда-то, а не сейчас. Точнее, о тех, кто навечно оставил в моей памяти свой цвет — черный или белый. (Это, конечно, не имеет ничего общего со сверхбодрым понятием положительного и отрицательного героя. Упаси боже!). Я себя чувство-

вал бы куда честнее, если в моих рассказах и повестях можно было бы назвать этих людей их же подлинными именами. Но это невозможно по причине всем известной. (В свою деревню пока, к счастью моему, хоть раз в год езжу). Приходится подобрать для них новые имена и фамилии. И я подбираю эти имена и фамилии очень долго, прямо по звукам. И именно в это время я основательно щупаю человека, которого, казалось бы, знал куда лучше, когда еще не собирался о нем писать. Полностью убеждаясь в том, что нашел человеку его настоящее имя (будто настоящее его имя до этого было вовсе не настоящим!), я могу взяться писать о нем.

4. Ощущение собственной воли, свободности. Чаще — хорошее отношение ко мне со стороны других. Обыкновенная приветливость, уважение, улыбка.

5. Работаю в любое время, если ничем посторонним не обременен. Хорошо работать утром, поздоровавшись только с самим собою из всех тебе знакомых. В день я работаю примерно восемь часов — пять сначала, а потом — три (без всякого перекура).

6. За месяц непрерывной работы могу написать максимум 4 листа прозы.

7. Чай, кофе, и то два раза в день.

8. Перо. Рисунков не умею делать. Рукопись переписываю тут же, в процессе работы. Вычеркиваю только когда пишу. После завершения работы ничего не убавляю и не добавляю.

9. Не составляю.

10. Начало. (Об этом я уже рассказал).

11. Цветовых.

12. Ставлю.

13. Обязательно.

14. В основном два ощущения. Первое: когда кончаешь вещь и с превеликим удовольствием (будто подписываешь документ об увольнении самого Пиночета с должности) ставишь подпись под ней. Второе: ставишь подпись под вещью, но нет никакого счастья (будто подписался в бумаге, обязывающей тебя сидеть где-то на восьмичасовом митингообразном собрании).

15. Не меняю, если даже что-то там меня страшно не устраивает. Написанную фразу считаю делом уже совершившимся, фактом состояния души и мозга на том или ином отрезке жизни.

16. Оказывают, но ненадолго.

Редакция журнала выражает глубокую признательность всем участникам нашей «анкеты» и надеется, что их ответы дадут читателю возможность не просто заглянуть в тайники писательских лабораторий, но и глубже познать сами произведения; а сопоставив отдельные штрихи, детали, особенности, вдумчивый читатель несомненно может через призму индивидуальности каждого из представленных здесь авторов увидеть и своеобразную ретроспективу развития советской литературы.

Тамаз НАТРОШВИЛИ

МОСТ ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

МОСТ через время, соединяющий прошлое с настоящим, — таково обычно художественное определение истории, ее сути и назначения. Эта метафора, возможно, рождена поэтом, но она уже входит в обиход научных трудов, поскольку истинному историку, вероятно, не чуждо дыхание поэзии. Не случайно в греческой мифологии Клио являлась музой одновременно эпической поэзии и истории. Женщина со свитком в руке вдохновляла и Гомера и Плутарха.

«Что такое история? — писал Илья Чавчавадзе. — История повествует нам, кем мы были, кто мы есть и кем, возможно, будем».

Человечество бережно хранит в своей памяти прошлое как важнейшее звено в непрерывной цепи своего существования. Забыть историю смертельно опасно для той или иной нации, так же как потерять память — для человека. Английский историк XIX века Т. Карлейль писал: «Подумайте обо всем, что заключается в этом одном слове — **Прошлое!** Какое патетическое, священное, во всех смыслах **поэтическое** значение заключается в нем, значение, проявляющееся тем яснее, чем дальше мы отступаем в глубь времен, чем больше мы проникаем в это Прошлое. История в конце концов и есть истинная поэзия. А реальность, если ее правильно толковать, важнее вымысла».

Очарованный своей музой историк утверждал, что самый незначительный реальный факт о прошлом человека, который мог бы раскопать «ученый сухарь», более поэтичен, чем все Шелли, и более романтичен, чем все Вальтеры Скотты вместе взятые. Но и это чрезмерное восхваление истории — своеобразное отражение действительности. Слова Карлейля могут вызвать ироническую улыбку у нашего современника: история — сказка, о чем она может рассказать нам сегодня, когда сказочные чудеса становятся фактом действительности. Однако послушаем и нашего современника, выдающегося английского ученого Дж. Тревелияна, который пишет об истории с неменьшей экспрессией: «Ничто так не отличает цивилизованного человека от полудикого, как способность познавать наших пред-

ков такими, какими они были в действительности, восстанавливать по крупицам мозаику давно забытого прошлого. Искушение звезд или создание кораблей, летающих по воздуху или плавающих под водой, не более поразительное и облагораживающее занятие современного человечества, чем познание давно забытых событий и подлинной натуры людей, живущих здесь до нас».

Можно привести бесчисленное множество аналогичных цитат... Главное в том, что история не может быть предметом недолговечной страсти или драгоценной безделушкой, которая выделяет тебя от других. Истинная любовь к истории не имеет ничего общего с принесенной ветром эпидемией, она не что иное, как боль, генетически засевшая в нашем организме, которая дает о себе знать уже на школьной скамье и не оставляет до самой могилы.

Лет двадцать назад в магазинах нашей республики продавалась ученная «Картлис цховреба».¹ (Помните гришавилевскую строку: «От стыда чуть не горели щеки...»). С тех пор утекло много воды, произошла переоценка ценностей, определенные сдвиги в жизни республики, и теперь уже трудно поверить, что было время ученки «Картлис цховреба».

Известный советский ученый А. Гулыга в своей книге «Искусство истории» (1980) с болью отмечает, что традиция исторического повествования, в свое время утвержденная Карамзиным и Ключевским, хотя еще и не умерла, но, к сожалению, далека от расцвета. А. Гулыга считает, что советская историография в долгу перед читателем. У нас есть фундаментальные труды, созданные мощными научными коллективами, но очень мало увлекательных книг — при наличии огромного интереса к прошлому. По словам А. Гулыги, первейшая обязанность историка — проникнуть во внутренний мир своих героев, приподнять завесу над побудительными мотивами людских поступков, восстановить логику (или алогичность) мыслей и чувств человека, совершившего тот или иной социально-значимый акт. «...Конечно, не любая проблема в истории дает простор для применения образно-эмоциональных средств. Но когда историк имеет дело с многообразием исторической конкретности — эпохой, взятой как целое, жизнью народа, класса, человека, то в арсенале его познавательных средств образное мышление занимает значительное место». Документальная правда истории в сочетании с занимательностью материала, научная безупречность его изложения с художественной выразительностью — вот те компоненты, которые должна содержать книга, предназначенная для широкого круга читателей.

В своем труде А. Гулыга пытается еще более разжечь интерес читателя к истории, в частности к родной истории... Именно эту цель преследует книга Вахтанга Челидзе «Исторические хроники Грузии»². Отмечая большие достижения грузинской историографии, В. Челидзе пишет: «И однако остро ощущается нужда в такой книге, которая бы в доступной фор-

¹ «Житие Картли».

² В. Челидзе. «Исторические хроники Грузии», изд. «Мерани», 1960. (перевод А. Беставашвили).

ме изложила массовому читателю историю Грузии с древних времен до наших дней. Ибо многочисленные исторические труды и исследования, относящиеся к различным периодам нашей отечественной истории или являющиеся систематическим курсом истории в целом, в силу своей научной сложности, недоступны широкому читательским массам. Подобные книги, популярно излагающие родную историю, имеет большинство культурных народов. Цель настоящей книги — хотя бы частично восполнить этот пробел — с учетом достижений нашей историографии рассказать, в первую очередь молодым читателям, об основных эпизодах истории Грузии, воскресить картины самоотверженного, честного труда нашего народа и не менее самоотверженной и честной борьбы за свою независимость, пробудить в их душах любовь к истории и подготовить своего рода фундамент для более глубокого и научного ее изучения. Из моря материала автор постарался выбрать отдельные значительные эпизоды и так связать их между собой, чтобы и у неискушенного читателя хотя бы частично (в общих контурах) создалась картина исторического развития нации».

Слово «история» в греческом языке вмещает в себя понятия исследования и повествования. В грузинской истории много еще фактов, ждущих своего установления и изучения, но еще больше уже изученных и установленных, так что вполне созрела необходимость художественной их обработки. Прошлое Грузии ждало писателя, который сумел бы вдохнуть в него новую жизнь. Широкий круг читателей нуждался в надежном проводнике по дебрям истории.

Эту почетную и сложнейшую миссию взял на себя Вахтанг Челидзе, с успехом справившийся со своей задачей.

Одним из основных источников книги В. Челидзе является «Картлис цховреба», но параллельно с «Житием Картли» автор использует иностранные источники, памятники древней грузинской литературы, произведения фольклора, этнографические материалы, археологические находки, исследования грузинских и зарубежных ученых. Писатель предлагает нам и свои соображения по поводу того или иного вопроса, требующего уточнения... Одним словом, книга В. Челидзе — попытка художественной передачи истории Грузии.

Позиция автора четко определена в самом начале книги: не приукрашивать историю, беспристрастно обозреть прошлое и дать читателю верное направление. С первых же страниц В. Челидзе спешит заявить о своих убеждениях и беспощадно расправляется с так называемой «легендой», которую с гордостью и самодовольством рассказывают обычно у нас. Вот о чем эта «легенда». Создав мир, бог решил разделить его между народами. Никого не оставил без внимания. Предки грузин опоздали к разделу (они сидели за пиршественным столом и не могли, оказывается, бросить застолье!). Когда они явились к богу, мир был уже поделен. Бог огорчился — как это он мог забыть свой любимый народ. И даже не упрекнув грузин, недолго думая, отдал им землю, которую приберег для себя. Так безалаберные грузины получили божий удел, землю, подобную раю, плодородную, урожайную, где и горы

прекрасны, и доли красивы, и небо сказочно... Во всем мире нет равного этому райскому уголку.

В. Челидзе пишет: «Как видите, это не легенда, а шутка. Причем довольно беззубая. Тем не менее эту «легенду» часто рассказывают у нас. Вы, вероятно, тоже слышали её. Иной раз рассказывают с таким апломбом и гордостью, что сердце сжимается от досады: нет, не задумывается рассказчик над тем, что говорит, попросту повторяет то, что слышал от других... Наверное, и вы не раз слышали, как обычно заканчивают этот анекдот: бросишь, мол, в грузинскую землю зерно, а урожай стеной взойдет, да безо всякого труда».

Полемизируя с этой горе-легендой, писатель напоминает нам прописную истину — на земном шаре сколько угодно красивых и богатых мест и, если человек любит свою страну и предпочитает ее другим, это вовсе не значит, что он ни во что не ставит красоту и очарование другой страны.

«Вся фальшь вышеприведенного анекдота, — пишет В. Челидзе. — который почему-то называется легендой, заключается не в том, что Грузия изображается в ней безмятежным райским уголком, а главным образом в том, что получается, будто народу, обитающему в этом «райском уголке», не нужно себя ничем утруждать, достаточно только захотеть, как все, что он пожелает, природа преподносит ему готовым. Мы прекрасно знаем, что это вовсе не так. Мы являемся свидетелями того, как не покладая рук трудится наш народ и какое почетное место занимает среди братских народов благодаря этому самоотверженному труду».

Лживой насквозь, унижающей наше достоинство «легенде» писатель противопоставляет историческую действительность, то, чем действительно может гордиться грузинский народ — творческий его дух, который в тяжелых условиях жизни, несмотря на бесконечные нашествия поработителей всех мастей, двигал вперед экономику и культуру страны. В. Челидзе перечисляет многочисленные сорта пшеницы и виноградной лозы, которые были выведены в Грузии, храмы и крепости, которые строил наш народ, трудовые и походные песни, которые он пел; писатель отмечает поразительное трудолюбие нашего народа, благодаря которому Грузия сохранила себя, несмотря на испытания; кто знает, сколько раз разорили ее так, что никто не думал, что она сможет восстать из пепла.

В. Челидзе пишет: «По предположению смелых фантастов, существует теоретическая возможность восстанавливать и слышать звуки, звучавшие на нашей планете в древнейшие времена. Если такое когда-нибудь случится, это будет величайшим чудом... Достигнет ли этого наука, а если достигнет, то когда — это вопрос будущего. Во всяком случае практически это, вероятно, будет осуществлено очень и очень нескоро. Давайте не будем дожидаться этих далеких времен, а призовем на помощь фантазию и создадим в воображении такую машину, которая вернет нас на десятки веков назад, в прошлое. Ведь случается же такое в фантастических романах! Но мы с вами сейчас проявим еще больше смелости, чем сами фантасты, и создадим такую машину, которая не только покажет нам со-

бытия далеких времен, но и даст нам возможность услышать их».

...Начало IV века до н. э. На экране «волшебной машины» мы видим южные районы Грузии. Земля покрыта снегом. По дороге, тянущейся вдоль леса, идет войско иноземцев. Нешие и конные, они идут молча, тяжело дыша, их дыхание белым паром поднимается в морозном воздухе. Издали это растянувшееся вдоль леса войско похоже на тяжело движущуюся, окутанную туманом реку. Бредет огромное войско, и не слышно ничего, кроме хруста снега под ногами. Воины устали от долгого перехода, настороженно озираются. Время от времени они, сбившись в кучу, совещаются о чем-то. Десятитысячное греческое войско, нанятое иранским царевичем Киром, возвращалось домой. На пути их встречают вымершие села, население их, по-видимому, укрылось в крепостях. Широкая дорога, выходящая из одного села, усеяна следами.

Продвижение греческого войска к Черному морю подробно описано Ксенофонтом в его сочинении «Анабасис». Прославленный греческий военачальник и историк сухим языком хроникера повествует о страшном зрелище, открывшемся глазам греков после взятия ими одной из крепостей: матери бросали вниз со скалы своих детей, а затем кидались сами... По тону повествования видно, что рассказчик удивлен столь странным поведением местного населения. Ничего же странного в этом не было. Героический, вольнолюбивый народ предпочитал смерть рабству.

В повествовании автора значительное место занимает один эпизод, о котором в сочинении Ксенофонта упоминается вскользь: греческое войско должно было переправиться через реку, местные жители, выстроившись на другом берегу напротив переправы, бросали камни в реку. В это время к Ксенофону подошел один воин, в прошлом раб из Афин, и сказал, что он знает язык местных жителей. «Я думаю, это моя родина, и я хотел бы с ними поговорить, если к тому нет препятствий».

Мимолетный эпизод у Ксенофонта в книге Челидзе вырастает в своего рода рассказ. Писатель крупным планом рисует нам юного воина, попавшего к себе на родину. Юноша отличался от других солдат не только наружностью — он выглядел и более печальным и более молчаливым. И когда все шли приступом на крепость, его не захватил воинственный пыл остальных, бледный, он растерянно оглядывался по сторонам, словно что-то припоминая и будучи не в состоянии вспомнить. Во время пиршества, последовавшего вслед за покорением крепости, он тоже был грустен, погружен в свои мысли, не притрагивался к еде. И сейчас бывший раб с волнением смотрел на мужчин, собравшихся на противоположном берегу и пытавшихся помешать грекам переправиться через реку. Шум реки заглушал их голоса. Греки, разумеется, предпочитали урегулировать конфликт мирным путем и без боя продолжить путь, поэтому они предприняли попытку переговоров с местным населением. Но их не поняли и что-то крикнули в ответ на своем языке. Именно тогда и вскрикнул бывший раб, лицо его про-

яснилось, он понял слова, доносившиеся с того берега, вспомнил родной язык!

Писатель приходит к выводу, что список товаров, который он пытался определить, говоря о торговых связях Греции и Колхиды, был далеко не полный. Как видно, не последнее место занимали в нем рабы.

Дерево нужно было для постройки кораблей, рабы же — для самой тяжелой работы, для самых тяжелых боев.

Картина прихода в порт заморского судна, нарисованная писателем на предыдущих страницах книги, обогащается новыми красками. Мы слышим протяжный стон, стон рабов, запертых в больших клетках. Их тоже везут на продажу — здоровых парней, красивых девушек, детей... Их отправляли в далекую Грецию, продавали в различные города, чтобы они как можно скорее позабыли родной язык, отчизну, как можно скорее превратились в настоящих рабов. Так упомянутый юноша-воин попал в греческое войско, чтобы бороться за чужие интересы, проливать кровь за чужие страны. «Видите, где истоки этой страшной несправедливости и насилия, эксплуатации человека человеком! Видите, когда уже один человек был во власти унижить, подавить, раздавить, обмануть и подобно животному продать другого человека. Да, уже в те незапамятные времена, в те древние века мы видим социальную дифференциацию, классовое неравенство», — пишет В. Челдзэ.

Писатель обращает внимание читателя на тот факт, что борьба против социальной несправедливости очень часто сопровождалась борьбой за национальную свободу и независимость. Народ выступал в ней общим фронтом, независимо от социальных и классовых интересов, в результате чего они казались приглушенными, отодвигались на второй план. Грузия почти постоянно подвергалась нападению со стороны внешних врагов и вынуждена была вести непрерывную оборонительную борьбу, а это требовало консолидации национальных сил и затормаживало классовую борьбу. На самом же деле социальное неравенство в Грузии было столь же острым, как и в других странах. Писатель считает весьма наивным предположение о том, что классовые противоречия и насилие проявлялись в Грузии с меньшей, чем где-либо, остротой.

Прекрасной иллюстрацией социальной дифференциации в древних веках являются захоронения, относящиеся к тому времени. Писатель описывает предметы, обнаруженные в могилах знатных людей, — украшенные драгоценными камнями подвески, ожерелья, браслеты, диадемы, медальоны, кольца, кубки... И тут же, неподалеку от роскошных гробниц, найдены скромные могилы простых людей. Автор не ограничивается историческими примерами и, видя проявления этой непривлекательной традиции и в наше время, отмечает: «Иные наши современники, подобно нашим предкам, не знают, что истинное горе этим не измеряется, и если явление это действительно результат определенных традиций, то чем скорее народ освободится от них, тем лучше».

Так писатель объединяет историю с современностью. Эпизод, рассказанный Ксенофонтом, дает ему повод для сужде-

ния о значительной проблеме истории, а она, в свою очередь, непосредственно перекликается со злободневным вопросом сегодняшнего дня.

Целая глава в книге В. Челидзе посвящена легенде о происхождении нашего народа, которая, на первый взгляд, как будто вытекает из библейского сказания, но на самом деле совершенно иной основы, мысли и назначения.

Писатель рисует нам образ Леонтия Мровели, грузинского историка XI века — белобородого старца, истощенного постом, но еще энергичного, с челом, изборожденным морщинами. Он сидит за небольшим столом и пишет при бледном мерцании свечи. В келье царит сумрачная тишина. Старец пишет вступление к своему сочинению — истории происхождения грузинского народа, а про себя думает или, может быть, даже бормочет: «Многострадальные дети мои, грузины и обитатели всего Кавказа. На эту землю, которую отмерил вам щедрый господь, завидующим взором косятся враги и недруги, и ближние государства и дальние. Ваша взаимная любовь и добрососедские отношения — у врага как бельмо на глазу, он завидует вам, дено и ночью старается разрушить эту любовь, поселить между вами вражду, настроить друг против друга, ослабить вас, чтобы потом легче одолеть. Не попадайтесь, дети мои, на удочку врага, не переставайте любить друг друга, делите друг с другом и горе, и радость, чужую боль принимайте как свою...»

За первой легендой со столь явным подтекстом следует вторая, тоже аллегорического содержания, как своеобразное толкование подтекста первого предания: легендарный царь Нимрод пошел войной на сыновей Таргамоса, обитателей Кавказа. Братья как один поднялись на борьбу с угнетателем и потому победили. Легенда Леонтия Мровели не что иное как призыв ко всем народам Кавказа к единению, который, по-видимому, был хорошо понят ими. Через некоторое время армяне перевели «Картлис цховреба» на армянский язык — не такое уж частое явление в ту пору! В связи с армянским переводом писатель делает небольшой экскурс в историю научного изучения «Картлис цховреба» и рассказывает, какую неоценимую службу сослужил армянский ее перевод, обнаруженный в XIX веке, в деле утверждения авторитета и научного значения этого памятника, когда под сомнение была поставлена его древность и иные недоброжелатели нашей истории причисляли «Картлис цховреба» — этот величайший памятник национальной культуры — к XVIII веку.

На одном из международных конгрессов историков Л. Готшок говорил: «Зияющая пропасть отделяет историю, как она происходила на самом деле, от той истории, которую мы знаем, и эта пропасть может быть заполнена только при помощи воображения, реконструкции событий, воспроизведения того, как они должны были произойти на основании имеющихся в распоряжении неполных данных. Это есть акт творчества (или, лучше сказать, воссоздания или интерпретации), родственной искусству».

Именно этим принципом руководствуется В. Челидзе, пополняя лаконичный рассказ летописца деталями, возникающими

ми на почве логических предположений: надо думать, это было так, или же надо полагать, что это было эдак. Писатель открывает нам «тайну» своей творческой лаборатории, когда в качестве иллюстрации вышеприведенного принципа он на основе скупой информации летописца раскрывает историю первого царя Грузии Парнаваза, того самого Парнаваза, который объявил грузинский язык государственным языком всей территории Грузии и этим актом величайшего национального и государственного значения заложил основу объединения и сплочения грузинских племен. По глубокому убеждению писателя, то, что Парнаваз поставил своей целью объединение грузинских племен и много сделал для этого, является его величайшей заслугой, а то, что краеугольным камнем этого единения он назвал язык, свидетельствует уже о его величайшей мудрости и дальновидности.

Столь же огромное значение для Грузии сыграло распространение христианства, о котором весьма интересно повествует писатель. Он отмечает прогрессивность христианства для тех времен, когда оно противопоставило себя идеологии господствующего класса и в сравнении с язычеством явилось передовой религией. Помимо всего, христианство сыграло положительную роль в жизни грузинского народа — в деле сохранения и объединения отдельных частей Грузии. По словам писателя, для окруженной многочисленными врагами страны эта проблема была самой актуальной и первостепенной, и не только в те незапамятные времена. Писатель приводит слова Ильи Чавчавадзе: «Христианская вера являлась для Грузии не только религией, но и тем политическим фундаментом, который скреплял и объединял многие разрозненные части Грузии. Единство веры способствовало национальному единству. Такое было время, и никакой другой элемент не мог обеспечить единства, столь желанного с первых дней нашей истории. Между прочим, грузины оттого и оберегали свою религию, что она, кроме того, что обладала своими внутренними достоинствами, скрепляла и национальное единство. Это давно уже усвоили правители, и не было у нас ни одного прославленного деятеля или царя, который бы смотрел иначе на христианское вероучение».

...Кому из нас неизвестно имя Вахтанга Горгасала. «Царь Вахтанг любезен богу» — этот древнейший стих передает всю любовь и почитание народом своего царя, а сегодня благодарные потомки воздвигли памятник славному деятелю в им же основанном Тбилиси. Грузинские источники рассказывают о царствовании Вахтанга, его героических делах, войнах, которые он вел, защищая родину, и наконец трагической гибели. И все же сведения эти как будто неполны. В книге В. Челидзе мы знакомимся с семилетним отроком, который еще не стал царем.

Неожиданно скончался царь Картли Мирдат. Возникла опасность, что Иран воспользуется создавшейся ситуацией для того, чтобы разжечь феодальную междоусобицу и распространить огнепоклонство в христианской Грузии. Вдова Мирдата, дочь персидского птияхша, со своими малолетними детьми отправляется к отцу, чтобы смягчить его сердце и избавить

Грузию от вторжения персидского войска. Вот смотрит питиахш на свою дочь, облаченную в скорбные одежды, но внимание его привлекает юный отрок, который чем-то, как ему кажется, похож на него. Они долго смотрят друг на друга, словно состязаются в выдержке и упорстве. Первым сдается дед. Он не может сдержать улыбки. Ему уже нравится его внук. Царица Грузии, принявшая христианство, огрузинившаяся дочь питиахша, говорит сыну по-грузински: «Вахтанг, это твой дед!». Питиахшу странно слышать это имя, ведь его внука зовут Варан-Хосро-Танг. «Сколько тебе лет?» — спрашивает он его по-персидски. «Семь», — отвечает по-грузински мальчик. Питиахш смотрит на дочь — «Он не знает персидского?». Нет, маленький Вахтанг знает персидский язык, но наследник картлийского престола предпочитает говорить на родном языке, которым владеет лучше всех языков. Питиахш просит его поговорить с ним по-персидски, обещая в награду коня. Но мальчик устоял против соблазна.

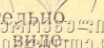
«Мог ли питиахш подумать, что через несколько лет этот ребенок, плоть от плоти его и кровь от крови, станет непримиримым врагом Ирана?» — замечает писатель.

Так эпизод встречи семилетнего царевича и убежденного седины питиахша оживил скупой рассказ летописца. Можно привести немало примеров подобных художественных проникновений в прошлое.

«Первое нашествие арабов повлекло за собой бесконечный разбой и вековое иноземное иго в Грузии», — пишет В. Челидзе.

Судьба грузинской нации висела на волоске — стоял вопрос: быть или не быть грузинскому народу. Грузия сражалась на три фронта — с арабами, хазарами и с не меньшим упорством с единой Византией, которая под маской «друга» скрывала захватническую свою сущность. Эту напряженную борьбу академик С. Джанашиа назвал «мечом, занесенным в трех направлениях».

Работая над книгой, писатель, пользуясь черными чернилами, составил длинный перечень нашествий врага, параллельно отметив красными чернилами факты героического сопротивления грузинского народа. Выделенное красным слово «восстание» многократно повторяется в списке. Кровь, пролитая за родину, красной нитью проходит через всю нашу историю, нарушая мрачное однообразие черного списка. Писатель смотрит на длинный перечень непрерывных войн, и на память ему приходит одна шотландская легенда. Англия решила проглотить маленькую Шотландию. Шотландский народ героически отстаивал свою независимость, отражая атаки грозного соседа. В начале XIV века нашествия англичан особенно участились, и шотландцы, несмотря на упорное сопротивление, терпели поражение за поражением. Однако они не сдавались. Гибли, но оружие не бросали. Во всех битвах шотландцами командовал король-полководец Роберт Брюс. Однажды после очередного поражения шотландцев Роберт Брюс укрылся в лачуге, одиноко стоявшей в дремучем лесу. Не снимая кольчуги, король свалился в углу, изнемогая от усталости, отчаяния, голода и жажды. Сон не шел к нему — перед глазами

стояли картины кровавых битв. Война была окончательно проиграна, и находящемуся на грани отчаяния королю предстало мрачное будущее: порабощение Шотландии, попрание национального достоинства, надругательство над законами и обычаями шотландцев, разорение страны, голод, вырождение и, кто знает, какие еще ужасы повлекло бы за собой английское иго в Шотландии. Таким горестным мыслям предавался поверженный король, лежа в темном углу ветхой лачуги. Вдруг взгляд его наткнулся на маленького паука, плетущего свою сеть. Одиноким луч заходящего солнца, пробиваясь сквозь прогнившую соломенную крышу, освещал ее. Король безотчетно поднял меч, который все еще держал в руке, и разрубил паутину. Через некоторое время он с удивлением отметил, что паук снова плетет свою сеть. И снова Брюс занес свой меч и снова разрубил паутину. Однако паук снова принялся за дело, и король уже с глубоким интересом наблюдал за ним. Когда паучок, пройдя испытание, в седьмой раз упрямо принялся плести сеть, чувство безнадежности, владевшее королем, сменилось уверенностью и решимостью. Если беспомощное насекомое, подумал он, с таким упорством, не теряя надежды, снова принимается за свое дело, то не стыдно ли отчаиваться ему, королю?! Он покинул свое убежище, горя желанием дать решительный бой захватчикам. И шотландцы выиграли его.

Красивая шотландская легенда непосредственно перекликается со скупым рассказом летописца, повествующим о неравной борьбе свободолюбивого грузинского народа против соседей-агрессоров. Писатель дополняет лаконичное изложение летописца, оживляет эпизоды из жизни нашего народа с помощью своей фантазии, как бы заполняя пробелы истории. Он даже специально отмечает, что скептически настроенному читателю иные его предположения могут показаться слишком смелыми, когда он, рассказывая о давно минувших днях, пытается воскресить мысли и чаяния тогдашних людей. Да, писателю удастся вынести из источника гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд, и он смело дополняет скупые сведения. Путем логического анализа он доказывает нам, что его предположения вполне могли соответствовать исторической действительности. Подобных примеров немало на страницах книги.

По справедливому замечанию В. Челидзе, нестигаемость грузинского народа проявлялась не только в восстаниях и неравных битвах, но и в нечто гораздо большем — творческом труде. В тысячный раз разрушенное, стертое с лица земли наш народ восстанавливал, строил, рисовал, ваял, сочинял, создавал... «Оросим потом нашим земли отчизны нашей!». И действительно, многострадальная грузинская земля орошена потом в не меньшей степени, чем кровью. Восхваление героических дел перекликалось с гордой песнью во славу труда. «Врагу кажется, что мы не пашем, не сеем, не запрягаем волов, не обмолачиваем зерно...» — приводит писатель народный стих и отмечает, что автор стиха как бы с насмешливой улыбкой возражает пришельцу: если я не ропщу и с песнею тружусь, не думай, что бог мне пожаловал райский уголок и я получаю все даром, и пальцем не пошевелю.

В. Челидзе настойчиво ищет и находит картины вдохновенного труда на миниатюрах, которыми украшали древние рукописи, в бесчисленных образцах устного народного творчества и музыкального фольклора, в памятниках древней грузинской литературы.

«Земли отчины нашей» — вот еще один герой книги В. Челидзе. Те самые благодатные земли, которые на протяжении веков наш народ защищал от завоевателей.

С болью отмечает писатель, что истинные труженики, днем и ночью обрабатывавшие землю, поливавшие ее собственным потом, бставались ни с чем — угнетенными и обездоленными.

Не одним мечом и плугом служил грузин своей родине. Порой на смену им приходило слово. Писатель рассказывает нам о споре, разгоревшемся в XI веке между патриархом Антиохии и грузинским монахом. Новому патриарху Антиохии стали внушать мысль о том, что грузинскую церковь вновь нужно подчинить византийской церкви. В Византии не могли примириться с тем, что Грузия сама выбирала своего католика и епископов, что грузинская церковь сама управляла своими делами, никому не подчиняясь. Считалось, что такая маленькая страна, как Грузия, будучи соседкой Византии, безусловно должна во всем подчиняться ей. Помимо всего прочего, утверждали наши недруги, грузины — народ темный и невежественный и потому нуждается в руководстве византийской церкви. К каким только доводам ни прибегали греческие церковнослужители, требуя от своего патриарха восстановления справедливости. Однако прежде чем вынести этот вопрос на обсуждение церковного собора, патриарх пожелал познакомиться с кем-либо из служителей грузинской церкви, дабы самому убедиться в справедливости жалобщиков. К патриарху прибыл Георгий Мтацминдэли. Патриарх был поражен. «Невежественный» грузин повел беседу на великолепном греческом языке. Спустя некоторое время патриарх убедился, что перед ним всесторонне образованный, просвещенный философ и мудрец. Беседа с грузинским монахом поколебала сложившееся в результате наветов жалобщиков мнение о грузинах, но патриарх тем не менее не смог одолеть себя и вынес на церковный собор обсуждение вопроса грузинской церкви. Однако и собор ничего не смог решить. Вдохновенная речь Георгия Мтацминдэли, обоснованная аргументация его доводов вынудили представителей византийской церкви отказаться от своих притязаний.

...Илья Чавчавадзе писал: «Лучшие, величайшие деятели народа именно те, кто выражает, осуществляет его мечты и чаяния, кто как бы действует только во имя этого, как бы творит историю. Подобных деятелей, считаем мы, нельзя предавать забвению, если нация еще хочет существовать как нация и не согласна быть сметенной подобно пыли с лица земли. Забыть их — значит забыть, кто ты, а если человек не помнит своего происхождения, на что он годеи?! Тогда он уподобится зверю, который, оторвавшись от материнской груди, уже не помнит своего родителя, даровавшего ему жизнь».

Страницы книги В. Челидзе пестрят незабываемыми именами деятелей Картли, кузнецов судьбы грузинского народа. Кого из них перечислить? Писатель приводит известные слова Ф. Энгельса о том, что в условиях феодализма междуусобиц царская власть являлась прогрессивным элементом, будучи представителем порядка для нации, находящейся в процессе становления.

Определенную часть крупных феодалов не устраивало объединение страны под эгидой царской власти. Единой Грузии они предпочитали страну, раздробленную на мелкие княжества. Этой характерной для феодализма чертой, безусловно, не избежала и наша страна, отмечает В. Челидзе. Жадные до титулов, дарованных порабощителями, охваченные манией величия, рабы собственных желудков, феодалы бессовестно предавали страну, не подозревая о том, что много веков спустя потомки занесут их имена в списки имен, опозоривших Грузию. Писатель вспоминает их темные дела, и это чередование света и тени создает правдивую и убедительную картину. К счастью, света в ней гораздо больше, на страницах книги оживают славные образы лучших сынов грузинского народа.

Автор с любовью рисует портрет простого грузинского юноши — Гоброна. Арабы потребовали у него предать интересы родины. Гоброн спокойно отказался выполнить их требование. Ему показали, какие страшные пытки ждут его в случае неповиновения. Однако и это не сломило Гоброна, и он, не дрогнув, принял мученическую смерть. Влестящим примером, иллюстрирующим дружбу народов и интернационализм, является история юноши-араба Або. Он принял христианство, веру грузин, отрекся от мусульманства — веры порабощителей, как бы желая искупить грехи арабов, сотворенные в Грузии. И юноша-араб разделил судьбу юноши-грузина. Описание мучений Або разжигало в грузинах чувство национальной гордости, вселяло в них уверенность — вот такая у нас вера, такая наша земля, если сын господствующего народа переходит на нашу сторону и погибает за нас.

А вот Давид Куропалат, боровшийся за освобождение грузин и армян от арабского ярма. Армянский летописец пишет, что великий куроалат Давид «превосходил всех государей нашего времени кротостью и миролюбием».

В. Челидзе рассказывает нам, какую заботу о развитии грузинской культуры проявлял царь, большой знаток и любитель литературы. Он придавал этому первостепенное значение, считая развитие национальной культуры делом государственной важности. С большим вниманием знакомился он с книгами, переводящимися на грузинский язык, давал грузинским переводчикам все новые и новые указания. А вот и Баграт III, с чьим именем связано столь великое явление в жизни нации, как объединение разрозненных уголков страны и создание единой Грузии. Или Георгий I, который, по словам Ив. Джавахишвили, все свои силы отдал борьбе с Византией. Известный русский ученый Ф. Успенский называет его пламенным защитником свободы и независимости. В. Челидзе показывает нам, какая беспокойная жизнь выпала на долю Ге-

оргия I, через сколько войн и сражений пришлось пройти грузинскому царю, умершему в двадцать пять лет.

С особой любовью и почитательностью ^{рисует писатель} образ славного грузинского деятеля Григория Хандзтели, подчеркивая то обстоятельство, что служение церкви для этого выдающегося человека было равнозначно служению родине. Он постоянно заботился о воспитании будущего поколения, которое продолжило бы его дело. Писатель обращает наше внимание на эпизод повести Георгия Мерчуле, повествующий о том, как ученики Григория привели к нему маленьких детей. Григорий взял детей в монастырь, чтобы воспитать из них общественных деятелей. Однако монахи воспротивились этому, поскольку, согласно монастырским правилам, шестилетнему ребенку вход в монастырь был запрещен. Но Григорий настоял на своем, утихомилив протестующих монахов приблизительно следующими словами: один-единственный раз нарушил правило, но в будущем если кто посмеет ввести ребенка в монастырь, он будет безжалостно наказан во время второго пришествия.

...В. Челидзе интересно раскрывает перед читателем страницы истории Грузии, знакомые и незнакомые, он — опытный проводник по этим дебрям, которому прекрасно известна каждая пядь родной земли, ее радости и печали, города и села, храмы и хижины, непроходимые горные тропы и широко раскинувшиеся поля, в книге его все наречья грузинского языка, сливаясь, звучат многоголосой песнью, мощным гимном труду и борьбе.

«Когда сегодня проезжаешь через Картли и из окна вагона видишь голые холмы вдоль дороги, знай, это дело рук огня — огонь уничтожил гордо тянущиеся ввысь деревья и кусты на этих холмах, выжег и высушил землю. Дожди размыли иссушенную почву, а ветры выветрили ее», — вот какую печать оставили на нашей земле варварские нашествия турок-сельджуков. Читатель, естественно, не встретит подобных, проникающих в сердце строк в специальном исследовании, и одна из наиболее горьких страниц родной истории оставит его равнодушным. Человеку, не знакомому с нотной азбукой, нотная запись ничего не говорит, но музыка, звучащая на основе этой записи, пробудит в нем тысячи эмоций и мыслей. Задача писателя в том и состоит, чтобы подобно музыке заставить звучать сухую информацию, в одной пластичной картине передать материал, заключенный в летописях и научных трудах. Невзрачный пейзаж, увиденный из окна вагона, навсегда останется в памяти человека. И подстегиваемый примером писателя, он попытается сам разглядеть в творениях природы или человека их первозданный образ, проследить метаморфозы, происходившие с ними на протяжении веков.

Третья книга «Исторических хроник Грузии» (изд. «Накадули», 1980) начинается с воцарения Давида Строителя. «Н стал царем Давид, а Картли была разорена и кроме как в крепостях не было окрест ни человека, ни жилья», — сообщает нам историк Давида Строителя. На царский престол восходит шестнадцатилетний юноша, которому страна доверила

свою истерзанную судьбу. С замиранием сердца следят за широкими шагами юного царя его подданные — знатные и незнатные, враги и друзья.

...Мы словно находимся в театре. Зрительный зал замер в ожидании начала представления, медленно ползет вверх занавес. Мрачные декорации на сцене вопиют о неслыханном разорении страны: опустевшие села и города, вырубленные сады и виноградники, разрушенные храмы, превращенные в конюшни, откуда вместо величественных песнопений несется конское ржанье. Не пахнут и не сеют. Страна уподобилась дремучему лесу. В цветущих некогда окрестностях бродят дикие звери. Огонь уничтожил строения, и реки из крови орошают поля. Сам воздух отравлен, вокруг царит атмосфера безысходности. Самолюбивые феодалы, каждый во власти безграничной амбиции, вступают в союз с поработителями, они ничем не гнушаются и идут на все ради своих мелочных интересов. Сознание собственного превосходства уже вошло в их кровь и плоть. «Без меня куда денутся»... — эти, еще не написанные слова уже стали неписанным законом их жизни. Церковь — верный союзник ополчившихся против юного царя феодалов, поскольку духовные лица — все выходы из знати и фактически это волки в овечьих шкурах. Высшие церковные должности и духовные звания продаются. Знание и образование, ум и личное достоинство отныне не в почете. На смену им пришли nepотизм, взяточничество, беззаконие. Недостойным открыты все двери, достойные остаются в стороне. Эта жестокая несправедливость имела еще одну страшную, губительную сторону. Именно потому писатель называет ее антинациональным явлением: «Поскольку церковь диктовала свои законы в области морали и идеологии, царящее в ней зло унижало достоинство человека, распространяло бациллы цинизма и равнодушия, служило дурным примером для молодых поколений». Мы с нетерпением ждем появления на сцене главного героя. Но вот и он. Совершенно отчетливо слышим мы его внутренний монолог. Что делать, думает молодой царь, как одолеть внешнего врага, когда он и с внутренним-то не справился. Как превратить церковь в храм нравственности, как вернуть на равнины укрывшееся в горах население, как восстановить разрушенное вконец хозяйство, как оживить торговлю, проложить дороги и мосты, как развеять в прах утвердившееся зло и возвысить поруганную справедливость, как вселить в народ уверенность в победе?

«Как, каким образом?» — этот вопрос подобно вопросу «Быть или не быть?» звучит мучительным рефреном к мыслям царя. Он еще не стал Давидом Строителем. Страдания разоренной страны не дают покоя шестнадцатилетнему юноше.

...Французский историк М. Блок писал: «Кто из историков не мечтал о возможности, подобно Улиссу, накормить тень кровью, чтобы они заговорили? Но чудеса «неквины» теперь уже не в моде, и у нас нет другой машины времени, чем та, что работает в нашем мозгу на сырье, доставляемом прошлыми поколениями».

В. Челидзе с завидным мастерством призывает тени предков со страниц летописей. Внутренний монолог главного героя

овладевает нашим сердцем и разумом. «Как? Каким образом?» — вновь и вновь слышится нам вопрос, который задает себе Давид, дерзнувший бросить вызов Голиафу. По сведениям одного восточного источника, лодчики, перевозившие Маликшаха с его войском через Аму-Дарью, получили вознаграждение за свой труд в Антиохии с тем, чтобы они наглядно смогли убедиться в небозримости владений своего повелителя. На Сирийском побережье, у Латакии, непобедимый султан бросил в воды Средиземного моря своего коня, возблагодарив всевышнего за то, что он даровал ему власть над беспредельным государством.

Вот какая сила противостояла молодому грузинскому царю — огромная империя от Средней Азии до берегов Средиземного моря!

Турки-сельджуки разграбили всю Картли и Месхети. На дорогах царил разбой. Если царю нужно было поехать в Начармагеви, предварительно разведывалась местность. Начармагеви находился на месте нынешнего Каралети, замечает автор. И кинокадрами возникают сцены, отражающие нашу современность: веселый гомон детей заполняет окрестности. Свет живых детских глаз как бы озаряет проселки и поля. До сих пор мы слышали лишь дыхание прошлого, а тут внезапно прошедшее и настоящее как бы меняются местами. «Живым эхом доносятся до слуха великого патриота эти далекие голоса, принадлежащие поколениям последующих веков... И они, эти еще не зазвучавшие голоса, прибавляют ему силы, вдохновляют на то, чтобы сделать возможным невозможное и спасти страну, стоящую на краю гибели». Писатель смело следует по мосту, проложенному сквозь время. Вот-вот ожившее прошлое шагнет в настоящее, которое рисовалось ему только в мечтах, откликнется на его зов.

Внутренний монолог главного героя сменяется диалогами с советниками, а его раздумья и размышления — борьбой, бесстрашной, упорной, непримиримой, принципиальной, тотальной борьбой на всех фронтах. Ссылаясь на слова историка Давида Строителя, В. Челидзе отмечает: трудно, пожалуй, было бы представить себе нечто более убогое, чем грузинское войско, неоднократно битое и теснимое турками. Как с таким войском противостоять распоясавшемуся врагу? И царь, потеряв сон и покой, с невообразимым терпением и старанием умножал грузинское воинство, совершенствовал его, обучал искусству борьбы.

Постепенно меняются декорации.

История, скупая переданная летописцем в общих чертах, под пером писателя преобразуется, обретая крылья, и перед нами возникает картина воскрешенной жизни: по узкой горной тропе движется аробный караван. Скрип оглобель прорезает воздух, пропитанный ароматом диких цветов. С гор спускаются люди, и мысли их подобны бормотанию разлившегося горного ручья, из оврага выбежавшего на дорогу, то тихому и пensive, то взволнованному и ожесточенному, а то и озлобленному. Надежда и страх переплелись. Укрывшееся в горах во время турецкого ига население возвращалось в свои села. Вот мы видим крупным планом десяти-двенадцати-

летнего мальчишку с самодельным луком за спиной, жизнерадостно шагающего по дороге. Глядя на петуха, взлетевшего на облучок, он представляет его сидящим на заборе вокруг их дома, а потом ему видится собачка, лежащая на солнышке подле хлева... Однако открывшееся взорам пепелище мало чем напоминает бывшее село. На земле предков людей встречается единственное живое существо — ворон, которого парнишка пожалел убивать.

Писатель рисует картину, исполненную трагизма. Подобное настроение создается с помощью великолепно подмеченных жизненных деталей, проникновения в души простых людей, но отнюдь не путем повторения патетических фраз из летописи. На примере судьбы одного села писатель раскрывает трагедию всей страны. В результате ограниченных боев освобождается от врага сперва одна деревня, потом другая... Вспахивается земля, отвыкшая от лемеха, обносятся оградами дворы, сажается лоза, все чаще звучит в селах собачий лай и крик петуха, согревается очаг, синеватый столб дыма подвигается в небе, постепенно унося с собой человеческое горе.

Объективное перо писателя еще раз напоминает нам о непосредственной связи успехов Давида Строителя с внешними факторами (падение империи Сельджукидов, появление на исторической арене крестоносцев). Вполне оправдан экскурс в историю первого крестового похода, опирающийся на скупое сведение, сообщаемое грузинским летописцем.

Внешний враг уже не представлял такой угрозы, как прежде, и у царя появилась возможность уделить соответствующее внимание урегулированию внутренних своих дел.

В Челидзе приводит горькие слова историка Давида Строителя: святая церковь стала пристанищем для разбойников, всякое неверие и грех идут от священников. Писатель отмечает, что эти слова летописца звучат обвинительным заключением, произнесенным на суде. Пламенное слово писателя как бы доносит до нашего слуха учащенное биение его сердца. В поле зрения писателя в первую очередь — группа прогрессивно мыслящих людей, советников и соратников Давида Строителя. Они тверды в своем решении спасти страну, вернуть ее на светлый путь возрождения и развития. Рыба тухнет с головы — именно архиереи подавали пример беззакония и безнравственности. Вместо того чтобы насаждать честность и добродетель, церковь нравственно разлагала страну.

Руис-Урбнисский церковный сход (1103 г.) был созван для того, чтобы «излечить великие язвы». Писатель рисует нам группу участников собрания: страшась возможного правосудия, они охвачены тревогой. Святые одежды не могут скрыть их тучные тел. Глядя на эти цветущие лица, налитые кровью мутные глаза, вряд ли заподозришь их в соблюдении постов или приверженности к чтению святых книг. Они заняты сплетнями и ложными обвинениями в ереси царя-христианина: он, мол, громит церковь, позабыв божий страх и любовь. Напрасно пытаются они окрестить борьбу против недостойных служителей Христа борьбой против христианства. «Необходимо было откровенное, суровое и деловое обличение всех пороков, обличение публичное, во всеуслышанье, вынесение всех

беззаконий на широкий беспристрастный суд»,
В. Челидзе.

Писатель говорит гораздо больше, чем летописец, картинами из прошлого, глубоким его анализом он заполняет пробелы в повествовании летописца, и читатель, в свою очередь обогащенный писателем, может дать волю своей фантазии и сам пройти по мосту, проложенному сквозь время, а то и обнаружить сокровенные мысли в книге, рассказывающей о прошлом так, словно это вчерашний день. Писатель пробуждает в читателе неожиданные ассоциации.

В. Челидзе спокойно и убедительно доказывает читателю, что известная фраза историка Давида Строителя — «Племя грузин по природе своей вероломно...» — обусловлена полемической остротой и вряд ли относится к тем, кто заботился о защите и возрождении отечества. Летописец осуждает тех, кто ставил свои интересы превыше интересов государства и обвинял царя в том, что он унизил того, кого невзлюбил, и возвысил того, кого возлюбил. Именно к тем вероломным и обращается летописец, заступаясь за царя: разве можно упрекать человека за то, что он выдвигает людей верных, храбрых и достойных вместо неверных, трусливых и недостойных, подобные действия под стать самому богу. Со страниц книги В. Челидзе отчетливо встает образ Давида Строителя. Вот мы видим его в Эрцухской битве, когда в течение одного дня под ним было убито три коня и он, оседлав четвертого, с победой закончил ее. А вот он на строительстве Гелатского храма. Согласно легенде, огромные камни в стенах храма были подняты Давидом Строителем на собственных плечах. Тяжелый груз государственных дел, легший на плечи царя, в художественном мышлении народа трансформировался в огромные камни. И вот он в ксеноне, построенном по его инициативе, навещает больных, ободряет их... А теперь что касается его собственной страны и собственного достоинства — взойдя на престол, он отказался от пожалованного ему в детские годы византийского титула, посчитав сан грузинского царя более почетным для себя. Писатель замечает, с каким благоговением до той поры принимали грузинские вельможи византийские титулы, бывшие источником распри, и с учетом этого обстоятельства подчеркивает изменения, происшедшие на международной арене в течение полувека. Отмечена и особенная любовь Давида Строителя к книгам — и в бою он не расставался с любимыми произведениями и превосходно знал не только грузинскую и христианскую литературу, но и мусульманскую; по сведению иностранного источника, он полемизировал с ганджийским кадием по вопросам корана. И уж все не удивительно та укоризненная ирония, с которой отнесся столь просвещенный царь к религиозному спору, возникшему на состоявшейся по его же инициативе встрече, преследовавшей цель искоренить существующие разногласия между церквами двух братских соседних народов.

В. Челидзе приводит восторженные характеристики грузинского царя, которые донесли до нас характерные источники. Освещая этот вопрос в оригинальном аспекте, писатель дает нам почувствовать все величие политико-морального мировоз-

зрения Давида Строителя. Жюль Мишле писал: «Народ в наиболее возвышенном смысле этого слова нелегко найти в самом народе. Куда ни глянь — это не народ, а те или иные его слои, та или иная его часть, видоизменившаяся и недолговечная. Лишь в гении народ воплощается во всей своей мощи, в гении проявляется великая душа народа».

То же самое говорил Илья Чавчавадзе (именно в статье, посвященной памяти Давида Строителя): «Свою душу и сердце, своего наставника, свою силу и мощь, свой образ и пример народ находит в своих героях».

В «Исторических хрониках Грузии» писатель заостряет внимание и на объективных факторах, способствовавших успеху деятельности талантливого и мудрого правителя. Правда, турки-сельджуки разорили страну, но это произошло в сравнительно короткий срок, так что враг не успел духовно раздавить и подчинить себе покоренную страну, выкорчевать ее древнюю и самобытную культуру, изменить психику людей. В. Челидзе подчеркивает необычайную прогрессивность Давида Строителя: «У него поразительно тонкий слух и острое зрение — он как бы чувствует еще не всколыхнувшееся, но уже близкое дыхание новой жизни в западных странах, нового мышления, и мы видим, как своевременно принимает он нужные меры, как подготавливает почву для того, чтобы его страна и его народ не сказались бы в стороне от этого великого движения в истории человечества, этих сдвигов...»

Эпоха деятельности Давида Строителя составляет одну, хотя и довольно обширную, часть книги В. Челидзе, творческий метод которого, подход к историческим источникам, умение заставить по-новому заговорить известный материал нашли в ней яркое выражение.

В книге В. Челидзе полностью освещена политика веротерпимости Давида Строителя, которая продолжалась и в период правления его наследников.

Христианство для грузинских царей было знаменем, которое они несли впереди обнаженного во имя борьбы за независимость родины меча, но, слава богу, ни одному из них не был свойствен религиозный фанатизм. Наряду с интересами религии они учитывали также политико-экономические и культурные интересы своей страны, очутившейся в окружении мусульманского мира. Возможно, кое-кому покажется, что почитаемый грузинской церковью как «святой благодетель» Давид Строитель с симпатией относился к мусульманству, так как построил убежище для поэтов-мусульман, живших в Тбилиси, оказывал им материальную помощь, устраивал приемы и, наоборот, сам ходил в мечеть и слушал молитвы и коран! Подобное «обвинение» можно предъявить и царице Тамар, так как в конце XII века на судилище, состоявшемся в городе Двине по инициативе государственной власти Грузии (по поводу спора между армянскими монастырями), наряду с грузинскими вельможами, архиереями и главами армянской церкви присутствовали тбилисский, анисский и двинский кади. Этот последний факт Ив. Джавахишвили расценивал как доказательство «глубочайшей культурности Грузии», поразительный и замечательный для того времени пример между-

народного сотрудничества. Выдающийся грузинский ученый с гордостью отмечал: «Именно здесь, именно в этот период проявились грузины подлинную способность осознания и волевого действия мысли государственного масштаба». Да, Грузия считала себя столпом христианства на Востоке, и Запад именно так и воспринимал ее, но это отнюдь не исключало толерантной политики, которую проводила она по отношению к живущим на территории Грузинского царства мусульманам; она диктовалась не симпатиями какого-либо царя к мусульманству (как это может показаться на первый взгляд), а внутренними и внешними условиями жизни страны, ее тесными контактами с мусульманским миром. Отрицать эти контакты было бы только во вред Грузии, поэтому грузинские государственные деятели никогда не объявляли «крестоносной войны» мусульманам — ни населяющим Грузию, ни живущим по соседству. Образцовая веротерпимость грузинских царей утверждала и укрепляла международный авторитет Грузии.

В третьей книге «Исторических хроник Грузии» значительное место уделяется периоду деятельности преемников Давида Строителя и особенно т. н. «золотому веку» в истории Грузии — эпохе Тамар и Руставели. Простое перечисление рассмотренных здесь вопросов и прекрасно описанных эпизодов завело бы нас слишком далеко. Метод писателя остается прежним: вновь старательные поиски материала различного характера и заполнение его художественными образами. Читатель знакомится со светлыми и тевными сторонами «золотого века» и не может не разделить подкрепленного соответствующими иллюстрациями вывода, к которому приходит писатель: «...Впечатление, будто бы царствование Тамар было беззаботным и ей удавалось легко и беспрепятственно разрешать все проблемы, неверно, оно основано на том, что впоследствии имя царицы действительно стало легендой. В действительности же в истории нашего народа редко на долю какого царя выпадало столько препятствий и несчастий, сколько выпало на долю Тамар. Слова эти как-то не вяжутся с ее именем, но такой уж трагичной была жизнь грузинской царицы».

Говоря о грузинской культуре, автор не забывает той общепризнанной истины, что Грузия стояла на рубеже двух великих миров — Запада и Востока — и широко открывала свои двери двум великим культурам. Страна древней и самобытной цивилизации, Грузия не боялась потока извне, который, не посягая на ушедшую глубоко корнями в родную почву грузинскую культуру, только обогащал ее.

В. Челидзе избегает громких фраз и довольно часто направляет свое повествование легкой иронией, дабы разрядить напряжение и дать возможность читателю перевести дух. Так, например, в связи с нашествиями турок-сельджуков на Грузию он отмечает, что если раньше у них было в обычае появляться с наступлением весны и, истребив все вокруг, уходить до наступления зимы, то теперь они стали появляться и среди зимы: «Как видите, они хорошо приспособились, попривыкли к нашей зиме, прекрасно освоились у нас». Затем с целью достижения того же эффекта приводит гиперболическое высказывание летописца: все турки земного шара собрались в

Грузии, самому султану не по силам будет вывести их отсюда, захоти он этого всей душой. Вот к султанскому двору прибывает делегация мусульман из Грузии, представляющая своего повелителя о помощи. Создается действительно комическая ситуация: обосновавшийся в Тбилиси пришелец жалуется на грузин, что они не дают ему покоя, до каких пор терпеть ему несправедливость и насилие?! В знак крайнего отчаяния члены делегации выкрасили руки и лица в черный цвет, а иные выпачкались в саже с ног до головы.

В. Челидзе не обходит ни одну из важнейших проблем в жизни страны: создание постоянного половецкого войска, Дидгорское сражение, борьба за Аниси, трагическая судьба царевича Демны, программа группы Кутлу-Арслана, Шамхорская или Басианская битва, четвертый крестовый поход и основание Трапезундского царства...

«Все войны да войны, перечисляй да описывай», — отмечает писатель, сетуя на однообразие повествования летописцев, словно не было другой стороны жизни наших предков — быта народного, труда, обыкновенных человеческих взаимоотношений. А ведь именно живое описание различных сторон народной жизни воскрешает прошлое. Насколько скудно и односторонне было бы наше представление об истории Грузии, не имея мы других источников для заполнения пробелов «Жития Каргли»; автор усердно ищет эти красноречивые факты в археологических и нумизматических материалах, в эпиграфике и документах, этнографии и фольклоре, памятниках грузинской литературы. Ищет, находит и обогащает своей фантазией, которая непосредственно связана с реальностью и возникает на почве реальности.

С помощью «машины, видящей сквозь века» читатель попадает на лекцию в Гелатской академии, где в зале, заполненном тогдашними студентами, слушает диспут на тему — вопросы перевода художественной и научной литературы (тут же — лукавая переключка с современностью); рассматривает фрески Гелатского храма, откуда вместо святых взирают на него вполне земные люди, которым не чужды ни чувства, ни переживания; на наших глазах как бы оживает Гегутский дворец, мы как бы видим силуэты населявших его много веков назад людей и даже слышим их голоса. Званный обед, беседа о государственных делах, пылающий огонь в камине и задумавшийся у камина человек. Шепот придворных и появление посла далекого государства. Совет визирей и пиршество, настоящие проблемы страны и мелкие страсти людские, борьба за должность и интриги. Настоящий калейдоскоп ожившего прошлого: торговый караван на дороге, постоялые дворы в пути, мосты и водопровод, боевое снаряжение и знамя Грузии, грузинская монета и грузинский экспортный товар, дом крестьянина и дворец крупного феодала, труд и пиршество... Наши предки, занятые своей каждодневной деятельностью, предающиеся доступным им удовольствиям. Вот перед нами сцена проводов на войну. Знакомимся с содержимым переметной сумы воина: в одном ее отделении — шлем с кольчугой, в другом — провиант на дорогу. Под хлебами, выпеченными в тоне, лежит что-то твердое. «Вы понимающе улыбнетесь, когда

узнаете, что это за предмет, — пишет автор. — Оказывается, это чурчела, наша сладкая чурчела, продукт из ореха и винограда. Вкусный, питательный, долго не портящийся, незаменимый в пути. Действительно, замечательный для воина дорожный провиант».

Отряд воинов трогается, мать не сводит глаз с дороги, исчезающей в горах, мы слышим звучащую в ее сердце мольбу: боже, помоги им... боже, пошли им победу... боже, верни их с миром... Эхо отдается в веках, повторяясь до бесконечности. В. Челидзе избирает нелегкий путь. Он рассказывает нам гораздо больше, чем летописец. Его творческий метод подразумевает не «перевод» источников, а заполнение пробелов в них, стремление заставить их заговорить по-новому, если можно так выразиться, «одомашнивание» их. Создается впечатление, будто мы читаем о наших знакомых и друзьях. Безусловно, при этом не стираются величие и трагизм минувших времен. Ясный, сдержанный стиль повествования, отвергающий высокопарные афоризмы и конъюнктурную мишуру, прекрасно доносит до читателя и то, и другое.

В книге В. Челидзе наряду с грузинскими и иностранными источниками нашли отражение и достижения грузинских ученых. Среди авторов, на которых ссылается писатель, можно встретить имена грузинских историков — Ив. Джавахишвили или Ш. Месхиа, и неисториков — будь это гидролог А. Лосаберидзе или энтузиаст истории из города Телави А. Мамулашвили. Нелишне отметить и то, что В. Челидзе в высшей степени добросовестно соблюдает нормы научной этики, указывая на каждого ученого, известного или неизвестного, трудом которого он пользовался, работая над своей книгой.

«Исторические хроники Грузии» — это не специальное исследование, зачастую недоступное широкому кругу читателей, и не исторический роман, где фантазия писателя нередко далеко уводит от реальности. «Исторические хроники Грузии» — документальная правда, поведенная пером писателя: это живая, интересная история, включающая в себя и источники, и подтвержденную исследованиями действительность, и картины жизни, созданные художественным воображением, питаемым источниками и исследованиями.

...Можно смело сказать, что проложенный сквозь время мост в книге В. Челидзе — достойный эквивалент мостов, переброшенных «через реки свирепые» в древней Грузии, о которых с любовью повествует писатель и которые, по общему мнению специалистов, удовлетворяют всем требованиям современного мостостроительства.

И ТРАДИЦИОННОСТЬ, И НОВИЗНА

БОЛЕЕ трех десятилетий назад Арчил Сулакаури с целой плеядой своих творческих собратьев вступил на трудное поприще служения национальной литературе. Многое, созданное им за это время, послужило ее обогащению. Лепта же, внесенная в нее, сполна оправдывает и его творческую судьбу, и прожитые годы. И если количество написанных им стихов, лирических циклов, поэм, сказок, повестей или романов может показаться не столь впечатляющим (хотя на сегодня оно составляет два-три больших тома, что совсем немало), то уж удельный вес в грузинской литературе не подлежит сомнению, так как почти каждое новое произведение Арчила Сулакаури было и остается в ней новым и значительным словом.

Как отметил в связи с пятидесятилетием писателя Гурам Асатиани, он «всегда на несколько шагов опережал развитие литературы».

Столь характерная для творчества Арчила Сулакаури новизна стала очевидной уже с того момента, когда он начал публиковать свои стихи и первые рассказы, что не осталось незамеченным критиками его поколения. Но то, что и сегодня, с высоты прошедших десятилетий, нас по-прежнему не покидает ощущение новизны в его произведениях, бесспорно является надежным признаком достоверности.

Всем нам памятно известное парадоксальное высказывание Поля Валери о том, что «ничто не проходит так быстро, как новизна». Но всем ли это понятно? Иначе откуда быть во все времена такому потоку псевдоноваторской литературы? Я думаю, что в словах большого поэта имеется в виду новизна именно псевдоноваторская, самоцельная, порожденная оригиналоманией, а не та, которая постоянно сопутствует развитию жизни и литературы. И если подлинная новизна произрастает из старой, традиционной (будь то противопоставление или ее углубление), то псевдоноваторская, искусственная, вы-

нужденная — беспощадна, ибо, не имея предков, останется без потомства. Она бесплодна.

Отмеченное всеми признанной новизной творчество Арчила Сулакаури органически связано с плодотворной, живо творно питающей его почвой, имя которой — богатейшие традиции грузинской литературы. И потому оно всегда свежо, неувядаемо, потому и суждена ему долгая жизнь.

В ходе многовековой истории развития многонациональной литературы с ее богатейшим опытом выявились достоверные черты, характеризующие новизну, подлинное обновление, важнейший признак которой порожден, на мой взгляд, обычно самой жизнью. Новизну прежде всего определяют ее пульсация, душевные страсти современника писателя и только затем — новации формы.

И в современной литературе (а так было, видимо, всегда) нас больше всего волнуют именно те художественные произведения, в которых передал дух нашего времени, выражены наши боль и радость, современные нам мысли и чувства. А это, с точки зрения проявления человеческих категорий, и вечно, и вместе с тем преходяще, ибо является принадлежностью людей определенной эпохи. Те же произведения, где художественная модель не имеет достаточной опоры на современную жизнь, где она оторвана от ее проблем и переживаний, абстрагирована, выглядит искусственно сконструированной, даже при мастерском исполнении, могут лишь поразить, но не больше. Творчество же Арчила Сулакаури прежде всего волнует, что самое главное в нем, но оно способно еще и поражать, хотя и в этом нет ничего предосудительного. Настоящая литература и искусство непременно должны вызывать в нас и это чувство, поскольку каждое большое художественное дарование в одно и то же время и понятно, и поразительно.

Именно такой новизной и отмечено каждое художественное слово Арчила Сулакаури с первого шага его на литературном поприще и по сей день. Этой первой главной заповеди, как и первой любви, писатель не изменил и впоследствии. И эти проверенные временем верность и любовь — прочны, мужественны, непоколебимы.

Я помню, как переполненный университетский актывый зал, затаив дыхание, слушал Арчила Сулакаури, тогда еще студента. Он стоял на сцене и задумчиво, застенчиво, с налетом грусти, чуть ли не шепотом читал свои первые стихи:

Не забыл и того, как мы, университетская молодежь, увлеченно читали множество раз слышанные, а теперь напечатанные и перепечатанные стихи нашего друга. Кто знает, в который раз перелистывали мы его книгу, а точнее — небольшую книжонку, и почти не верили в эту состоявшуюся радость. Тогда была весна 1951 года — весна в природе, весна жизни и творчества Арчила Сулакаури, весна наших сердец и мечтаний. С пустым карманом и переполненной душой вместе со своими друзьями вышагивал Арчил Сулакаури по университетскому саду или по узким мостовым Чугурети, чувствовал себя своим в книжных магазинах, где разыскивал то-

мики любимых писателей, а еще — в дешевых духанах, где он поверял близким сокровенные мысли, сомнения или желания, мысли и думы, любовь или надежду.

«Праздник на моей улице» — так назывался сборник стихов Арчила Сулакаури, изданный в 1956 году и ставший праздником грузинской поэзии (да простится мне эта патетика, которая так чужда самому Арчилу и его поэзии, вообще всему его творчеству). В этой книге уже ясно проступила и сфера интересов ее автора, его мироощущение, раздумья и боль. Проявилась органическая, преемственная связь этого поэтического мира с близкими или далекими национальными литературными традициями и та новизна, которую он принес с собой.

50-е годы, когда Арчил Сулакаури и его поколение входили и утверждались в литературе, когда выкристаллизовывались и уточнялись их литературные позиции, были порой большого перелома и обновления, что объяснялось всеобъемлющим процессом демократизации, сразу и мощно начавшимся в нашей общественной жизни. Это во многом обусловило и определило творческие цели и направления как Арчила Сулакаури, так и вообще писателей его поколения.

Теперь литература пристально изучала и отображала жизнь простых людей, в судьбах которых преломились все большие общественные явления современности. Арчил Сулакаури один из тех грузинских писателей, в творчестве которого это проявилось со всей силой и красотой.

В одном его раннем стихотворении без названия («Снег прибавил...»), написанном в 1947 году и позднее названном «Думы о снеге, папиресе и другом...», взаимопонимание, сочувствие людей, взаимовыручка, солидарность, дух гуманности замечены в таком, на первый взгляд простом, бытовом, незначительном проявлении, поднятом затем до обобщения, как прикуривание папиросы (кстати, поэт пользуется папирсой, а не сигаретой — деталь, говорящая и о временной принадлежности стиха). В снежную, зимнюю пургу поэт не сумел прикурить папиросу. Незнакомец, встретившийся у моста, дает ему прикурить от огня своей папиросы. Потом автор так же выручает другого человека. У поэта рождается надежда, что в этот леденящий зимний день вот так и передают люди с огоньком папиросы тепло своей души.

Этот мотив «маленького огонька» и «маленького человека» лег затем в основу еще одного стихотворения Арчила Сулакаури. В 1955 году поэт написал «По дороге я зажег...». Здесь также неожиданно для лирического героя от зажженного в дороге маленького огонька исходит такое тепло, звучит такой колокольный звон, который манит к себе запоздалых путников и гонит прочь испуганную ночь. Они подсаживаются к костру с ясными, просветленными лицами и тихо беседуют. Наблюдавший это поэт ни словом не высказывает затертых истин и даже не гордится тем, что огонь этот разжег он сам, но вместе с автором мы переживаем созданное им настроение, ощущаем его невысказанную радость в этой как бы жанровой зарисовке и особенно в ее финале:

Носит от дома к дому
Ветер напев знакомый —
Ну и суров денек!..
Братством людей влекомый,
От одного к другому
Бродит мой огонек.

(Перевод Е. Николаевской).

То, что лирический герой поэзии Арчила Сулакаури ясен, непретенциозен, обычен — очевидно было с самого же начала. Но автор будто настойчиво подчеркнул свою позицию, написав стихотворение «Герой» (1947). Грузинская поэзия в те годы посвятила героям, вернувшимся с фронтов Отечественной войны, много стихов, приподнятый, патетический тон которых, возвеличение, прославление славных боевых подвигов были вполне понятны. Герой же Арчила Сулакаури, вернувшись домой, оказался совершенно иным, чем его ждали. Его, вошедшего с застенчивой, мягкой улыбкой, встречают стоя, а он ни словом не обмолвится о боевой отваге, стараясь дать покой и тепло измученной душе. Потом так же просто и незаметно начнет трудиться, как естественно и обыденно уходил пять лет назад на войну.

Тема войны в первые мирные годы и позднее станет для Арчила Сулакаури и писателей его поколения одной из самых важных и значительных, что естественно и закономерно. Было бы странно, не окажись это так. Мотив «возвращения на родину» глубоко органичен и остро пережит поэтом. Как раз к этому циклу относится и стихотворение «Тбилиси» (1945), которым открывается его одноименник, увидевший свет в 1977 году, накануне 50-летия автора. Вернувшийся с войны лирический герой в своей исповеди о любви к родному городу несколько высокопарен и завершает ее словами:

**Поднимусь я на Мтацминду,
На луну я локтем обопрусь,
Как Ахилл, навоевавшись, опирался на свой щит.**

(Перевод подстрочный).

Этот аккорд с обращением к античности звучал неожиданно и монументально благодаря космологическому сравнению. Именно такой подход во времена студенческих собраний, о которых я вспоминал выше, обычно вызывал бурю одобрения. Но не это стихотворение стало для Арчила Сулакаури камертоном, определяющим тональность его поэзии. Истинный голос поэта звучал тихо. Прелесть его стиха в душевности и доступности лирического героя, в его многогранном облике и внутренней красоте. Это проявилось в стихах, созданных на тему войны, особенно же в тех лирических шедеврах, где будто совершенно неожиданно всплывают мотивы, не соответствующие времени: грусть и боль человека, заглянувшего в глубины собственной души, трепет и волнения, поиски правды и сомнения, чувство неудовлетворенности и даже

страха. Словом, зазвучали те мотивы, которые спустя всего десятилетие станут в поэзии ведущими, являясь поводом для раздумий и суждений.

Хотя из ранней лирики Арчила Сулакаури можно выбрать немало прекрасных образцов поэзии, я остановлюсь лишь на тех, которые посвящены детству, волнениям и переживаниям юношеской поры. Они, на мой взгляд, наиболее показательны для поисков ключа к пониманию творческого мира писателя в целом.

Раскрывшиеся нежная любовь и настроение сопутствуют всему его творчеству. Из стихотворений они естественно перешли и в прозу. Лучшее подтверждение тому — «Половодье», «Голуби», «Мальчик и собака», «Вверх и вниз», «Габо» и «Лука», в которых внимание автора неизменно приковано к тем кварталам Тбилиси, где он провел детство и обогатился впечатлениями первых соприкосновений с миром, оказавшимися достаточно богатыми и многообразными, радостными и драматическими.

В силу такой любви и верности эти старые кварталы — Чугурети и Рике — получились в его изображении удивительно живыми, сочными. С какими бы масштабами и мерками мы ни подходили к литературе, трудно найти нечто равное по колориту, яркости и точности изображения картинам этих кварталов, оживших благодаря таланту писателя. В период увлечения социальной проблематикой, философским и психологическим анализом способность видеть и изображать среду в современной литературе постепенно приглушается и притупляется. Творчество Арчила Сулакаури один из лучших образцов счастливого сочетания таланта аналитика и художника. Поразительно детальное и светлое визуальное видение в его рассказах и повестях так сильно, что читатель чувствует себя как бы в родной обстановке. Мы видим не только улицы и дома, дворы и балконы, мутное течение Куры или ее каменистый берег, мельницы и духаны, но даже такие детали, как липы, ворота, деревянные лестницы. Более того, нами оказываются замеченными даже выпавшие из перил балясины...

Тем не менее перечисленные достоинства прозаических произведений Арчила Сулакаури не являются главным предметом поэтизации, который заключается в том, что этот квартал на берегу Куры населяет простой, но вместе с тем значительный по своим духовным задаткам люд. Здесь кипят страсти, бьются в своей нескончаемой схватке добро и зло. И хотя Чугурети — всего лишь крохотная частица мира, жизнь в нем со своими победами и поражениями клокочет, как в маленькой модели большого мира.

Взгляд и мысль Арчила Сулакаури, как правило, сосредоточены на собственном детстве и отрочестве, на том времени и том месте, откуда вышел он на дорогу жизни. Чем дальше уходит писатель от этого мира, чем больше временная дистанция, тем более глубоким и сложным становится его отношение к жизни. Потому и не отказывается он от этого своего мира и не исчерпывает себя в нем, а его новые рассказы и повести не повторяют себя, вызывая у читателя незатухающий интерес.

У Андре Моруа есть очень точное высказывание о Франсуа Мориак: «В творчестве Мориака постоянно обновляются не декорации и не труппа, тут все время обновляется анализ страстей. Писатель производит раскопки на одном и том же участке земли, но всякий раз он копает все глубже и глубже». Мне кажется, заимствуя у Андре Моруа эту мысль, то же самое можно сказать об Арчиле Сулакаури и его художественном мире.

* * *

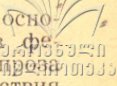
Поэт или прозаик?! Вот так категорично был поставлен вопрос, когда на рубеже 50-х и 60-х годов Арчил Сулакаури подряд опубликовал повести и рассказы. Создалось впечатление, будто писатель этим и ограничил свои творческие интересы. Сейчас ответ на этот вопрос ясен: в нем равно и неизменно бьет ключом дух обеих муз. Но тогда этот вопрос отнюдь не был риторическим. К тому времени Арчил Сулакаури был уже признанным, более того, известным поэтом, находящимся в авангарде своего поколения и вообще грузинской поэзии. Это и заострило внимание к нему, породив вначале сомнение и даже страх, что он уже не вернется к стихам.

К счастью, этого не произошло. Интерес к художественной прозе не ослабил его поэтического экстаза. А еще более отраднo то, что так же, как и в поэзии, Арчил Сулакаури стал прокладывать новый путь и в грузинской прозе.

Как прозаик, он пришел в грузинскую литературу вместе с Гурамом Рчеулишвили, Эдишером Кипиани, Нодаром Думбадзе, Мерабом Элиозишвили. Его первый рассказ был напечатан в 1957 году. То был год рождения журнала «Цискари» и время прихода в грузинскую литературу молодого и нового поколения — так называемых «дискарцев». Это то поколение, которое тогда с юношеской смелостью ударило в набат обновления, а позднее, в 60 — 70-х годах, энергично впряглось в колесницу грузинской литературы, потянуло на себе основной груз и вполне справилось с этой тяжелой и почетной миссией.

Уже в ту пору было ясно (а время подтвердило это, для всех сделало наглядным), что творчество молодых писателей 60-х годов прежде всего уходило своими корнями в национальную почву, в которой и черпало жизненную силу. В первую очередь они выросли и возмужали именно на традициях национальной литературы. Нужно было, да и сейчас необходимо, исследовать, углубить, доказать преемственность, генетическую связь их творчества с грузинской литературной классикой, поскольку здесь налицо органическая связь, подразумевающая стремление развить, обновить великие традиции.

Каждое новое поколение, помимо национальных корней, питается (и бесспорно должно питаться) из сокровищницы общечеловеческой культуры, а стимулятором его новизны являются творческие поиски лучших писателей современного мира. Так было и в пору прихода Арчила Сулакаури в грузинскую прозу.

В 60-х годах, когда он и его друзья закладывали основу новой грузинской прозы, молодежь часто упрекали в фе-тишизации Хемингуэя. Нельзя сказать, что грузинская проза 60-х годов не испытала влияния, плодотворного воздействия в той или иной степени этого или других известных современных писателей. Хотя, понятно, для истинного художника уроки мастеров возможны и необходимы. Правда, они воспринимаются не примитивно и проявляются отнюдь не в поверхностном сходстве. Главный урок Хемингуэя выражается в изложенной им и признанной формуле «айсберга». И грузинские писатели, в том числе Арчил Сулакаури, правильно восприняли ее. В их творчестве, действительно, чувствуется тот погруженный в глубины невидимый, но самый значительный смысл — главная масса «айсберга», определяющая вес и силу видимой части.

В первых рассказах Арчил Сулакаури (который и впоследствии принципиально не изменял этой задаче) достигает эффекта «айсберга» большей частью простыми, обыденными, но полными глубокого смысла и несущими максимальную нагрузку и заряд, насыщенными диалогами. Благодаря этому действие в рассказах развивается динамично. Писатель редко обращается к описаниям, характеристике, обсуждению. Его художественная задача ясна: в обыденной, на первый взгляд, разговорной речи он стремится раскрыть характер героев, выложить их художественные портреты, познакомиться с их биографиями, указать на характерные явления основных жизненных тенденций.

Связанное с именем Арчила Сулакаури новаторство в грузинской прозе касалось отнюдь не одной только формы, амплитуда которой колеблется от абстрагирования до натурализма. В его творчестве оно проявлялось не только в построении сюжета, лаконизме фразы, диалогах, подтексте, символике, мифологических моделях и в чем-либо подобном. Новаторство проявилось, и это главное, в сфере интересов писателя, в недрах его проблематики, в глубине и оригинальности его художественного мышления. Это определилось уже в первом рассказе «Волны стремятся к берегу», а потом стало еще более очевидным.

Главная особенность, которой было отмечено творчество молодых прозаиков 60-х годов, в том, что они стремились раскрыть и показать красоту души человека или ее уродливые стороны преимущественно изнутри. А ведь несколько раньше с этой же целью литература в основном обращалась и использовала отношение человека к внешнему миру, его участие в развитии жизненных явлений. Потому и случилось так, что в 60-е годы акцент в литературе сместился с социального на психологическое. К тому времени подобная тенденция вообще наметилась в советской литературе и была характерна для ее лучших, наиболее талантливых, ищущих молодых писателей.

В таком подходе к действительности, когда за незамысловатыми бытовыми историями кроются большие людские страсти, раскрывается, на первый взгляд, неприметная, а на самом деле значительная и подлинная духовная красота про-

стных людей, — и состоит особенность прозы 60-х годов. Место героев избранных в литературе заняли «рядовые», «маленькие», привлекающие и выделяющиеся не своим именем и масштабами деятельности, а истинным гуманизмом, добрым сердцем и красивой душой.

В творчестве Арчила Сулакаури с самого же начала было заметно стремление к изображению так называемых простых людей. Герои его рассказов — это молодежь, студенты, солдаты, каменщики, мельники, стрелочники, машинисты, рыбаки и им подобные, чей добрый нрав и щедрое сердце делают их значительными. В рассказах, повестях, романе ясно видны широта интересов писателя, его стремление глубоко проникнуть в многообразные явления жизни, где наиболее четко могут вырисовываться душевная красота человека или его моральное уродство, сильные или слабые стороны его характера. Жизненные явления для Сулакаури — средство познания души человека. Чего бы ни касался писатель — будь то Великая Отечественная война, полные трагизма предвоенные годы или современная жизнь, его интересует не столько развитие событий, сколько движение души человека, монотонность его характера или колебания, его нравственный облик в целом.

Тема первого рассказа Арчила Сулакаури «Волны стремятся к берегу» (1957) — Великая Отечественная война. На эту тему в грузинской прозе и до этого написано немало произведений. В своих рассказах и романах (не говоря уже о художественных очерках) периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет писатели преимущественно изображали боевые эпизоды, в которых сами по себе раскрывались самоотверженность и героизм советских воинов. Но это, если не всегда, то большей частью, было повествованием о происходящих событиях и не выходило за рамки эмпирического изображения. Впоследствии, когда временная дистанция сделала возможным более спокойно осмыслить это величайшее явление, заглянуть вглубь и увидеть все на расстоянии, фронтовая жизнь привлекла писателей уже не столько для отображения действий простого героя, сколько для раскрытия его характера и духовного мира. Был создан целый ряд интересных произведений, в которых с художественной убедительностью показаны высокий патриотический дух советского человека, нестигаемая воля, сила характера. Хотя и это в основном было отлито в знакомую, старую форму: привлекали лишь чуть большая глубина, чуть больший психологизм, непосредственность...

В рассказе «Волны стремятся к берегу» на первый план выдвинуты совершенно иные задачи. Писатель здесь вообще обходит боевые эпизоды и в основном занят разбором и анализом духовного состояния героев. Таким, вроде бы обходным, путем он убеждает нас в героической сущности солдата. Потому уже и не имеет значения, станем ли мы свидетелями солдатской самоотверженности, так как уже отчетливо ощутили величие его духа, а это и есть главное.

Как будто в небольшой, частной истории писатель противопоставляет доброе и злое начала вообще и заставляет нас глубоко задуматься над этой вечной проблемой. Художественный прием, когда автор не называет своих героев именами и представляет их так: солдат, старшина, девушка, — вообще не нов. Но Арчил Сулакаури первым в грузинской советской литературе применил его после долгого периода забвения. Использование этого приема было неизбежно в силу специфичности самого рассказа, его целенаправленности и авторского замысла, и применен он был поистине мастерски. Этим автор еще раз подчеркнул то обстоятельство, что его солдат, старшина и девушка не только выразители судьбы частных лиц и не только представляют собой типичные образы, но предстают художественными символами общечеловеческой природы. Это вовсе не означает, что герои рассказа абстрагированы. В ходе выражения этой общей идеи они находятся в реальном времени и пространстве, действуют в обстановке фронтового быта, резко конкретизированы благодаря своим поведению, чувствам, простоте переживаний и жизненной правде, но вместе с тем каждый из них несет символические черты общечеловеческой природы, общечеловеческого начала.

Война принесла людям огромные несчастья и беды. Солдат видит, как далеко в море утонул горящий катер. Он хочет здесь, на земле, с помощью простого камня воздвигнуть вечный памятник жертвам насилия. Если море не сохраняет память о людях, то вырытая солдатом могила расскажет грядущим поколениям о разыгравшейся трагедии.

«Солдат спускался с холма. «Земля ведь не море... — размышлял он. — Земля сохраняет память о людях... Я схоплю ее и положу в головах большой камень... Назло морю... И если когда-нибудь судьба снова забросит меня сюда, я напишу на этом камне: «Тут похоронена девушка, которая любила жизнь и хотела жить, но у которой отняли жизнь». Этот камень переживет века...»

Так у солдата зарождается потребность в возмездии. Он спешит, торопится вырыть могилу на холме. Вернувшись назад, солдат застывает в отчаянии: у обочины дороги, где еще недавно лежало тело девушки, прикрытое шинелью, не было ничего. Только зияла воронка от бомбы. «Ветер шевелил обрывок шинели, повисший на ветвях опаленного взрывом дерева. А наверху осталась незасыпанная могила...» (Перевод Э. Аниашвили).

Оставшаяся незасыпанной могила — самая потрясающая для солдата картина ужасов войны, в одно и то же время реальное и символическое олицетворение безграничности зла. Поэтому и произнесет, уже хрипя, тяжелораненый солдат клятву: «Если я выживу, то буду сражаться. Жажда мести не даст мне покоя. Я должен отомстить за все... за незасыпанные могилы...»

Старшина это воспринимает как бред умирающего, так как до него не доходит значение этих слов. Но читателю ясно, какая реальная боль заключена в этой странной, непонятной на первый взгляд фразе, каким трагическим пережива-

нием и гневным чувством исполнена она. Чем больше душевная травма, причиненная злом, тем сильнее желание подавить его. Таково убеждение солдата, а потому и мы верим в то, что злые силы обречены.

В этом рассказе противопоставлены не только добро и зло, смерть и жизнь, но и человеческая жестокость и добросердечность, грубость и нежность. Писатель не просто показывает эти два различных, противостоящих, но одинаково вытекающих из человеческой природы и характера проявления. Он ищет и видит то, что сильнее, чему уготована победа, что может противостоять злу.

Перед смертью девушка говорит солдату: «Он был очень похож на тебя, но это был не ты. Ты мог бы меня любить, он — нет... Но на первый взгляд все вы так похожи друг на друга...»

Солдаты похожи друг на друга, но только внешне, только на первый взгляд. Автор заставляет нас в этом убедиться. Ведь главный смысл именно в том и заключается, что писатель противопоставляет солдата старшине.

Солдат — чистый, стойкий, непоколебимый юноша. Он мечтателен и доверчив, правдив и сердечен. Так же чиста и его внезапная любовь к девушке, которую он и увидит-то всего два раза до той роковой встречи, когда она испустит дух на его руках. Первый раз — случайно, по пути через всеми покинутое село, где девушка осталась совсем одна, чтобы похоронить деда. Вместе с солдатским пайком он отдает и тепло своей души девушке, оставшейся одной-одиношенькой в мертвом, безлюдном уголке прифронтовой полосы. Он полюбит ее чистой, светлой любовью. Вернувшись, вновь зайдет к девушке, но здесь его встретит старшина, ловко устроившийся в постели. Уже в этом проявляется противопоставление этих двух характеров, двух различных натур. Старшина не утруждает себя тем, чтобы заглянуть человеку в душу, он торопится урвать, отхватить свое. Его не тревожит эта женщина, ее судьба, тем более ее переживания. Природа старшины, грубая сила, в данном случае, одолевает чистую, нежную природу солдата. Но здесь только начинается, а не кончается схватка.

Судьба или случай вновь сводит старшину и солдата в лодке (обыкновенный литературный прием), которая является единственной надеждой спастись от врага. Они одни в лодке. Оба ранены и без сил. Солдат лежит. Старшина не теряет надежды на спасение. Лодка пробита пулями, и старшина без усталости вычерпывает из нее воду. Сначала жестяной банкой, потом сапогом, который снимает с солдата (очень показательная деталь, и солдат понимает: «Этот не погибнет»).

Старшина более активен, но ему недостает той духовной твердости, всепобеждающего чувства человеческой любви, которая отличает солдата. Старшина борется за спасение инстинктивно. У него нет цели в жизни. Солдат же именно по этой причине необорим. Этого еще не понимает старшина.

«— Как она качается! Мне все время хочется спать, — проговорил солдат.
— Спи... Кто тебе мешает? — помолчав, ответил старшина.

— Боюсь... Что, если не проснусь?

— А ты не бойся.

— Я не хочу умереть во сне. Я хочу думать через смертью.

— О чем же ты станешь думать? — спросил старшина чуть насмешливо.

— О жизни».

Старшина не верит этим словам солдата. Они кажутся ложью, и он готов загустить в него банкой, но его удерживает страх упустить жестянку в море и потерять ее. Для старшины жизнь — самоцель: раз ты живешь, должен думать о спасении. Но зачем человеку жизнь — разве лишь для того, чтобы опередить другого и что-то урвать, или же существует какой-то другой смысл жизни — он об этом раньше не задумывался. Сейчас же он выслушал искреннюю исповедь солдата, и, естественно, она показалась ему фальшивой.

А высокая нравственная сила солдата проявляется постепенно и становится все очевиднее, хотя на первый взгляд он кажется нам слабее старшины. Подавить зло грубая сила не может, это по плечу только большому и светлому чувству, всеобъемлющей любви, которая делает человека неодолимым. И в рассказе Арчила Сулакаури именно солдат становится олицетворением и в то же время конкретным выражением и символом всех этих понятий.

Даже старшина в конце концов поймет и поверит в это, когда до его произнесенного страхом сознания дойдет, что ужасные вопли, исходившие от солдата, это его предсмертная песня.

«Солдат на самом деле пел. И песня эта постепенно заглушила вой ветра и рокот моря.

Потрясенный, слушал ее старшина, напряженно ловил обрывки слов и наконец стал понимать, о чем поется в песне.

Солдат пел о незасыпанных могилах, об умершей девушке, смертным ложем которой были две его руки...

Он пел о сжатой в кулак мертвой руке, высунувшейся из-под земли, пел о море, бесследно поглощавшем людей...

Он пел о мести.

Старшина понял, что слова песни рождаются в душе солдата в эту минуту. Он чувствовал, как эта песня наполняет все его существо...

Старшина слушал в изумлении. Он видел невидимое, слышал неслыханное, неведомое открывалось ему...».

Вот так побеждает солдат смерть и его светлая душа озаряет все вокруг. В жизни сильный подчиняет слабого, свет заполняет тень, праздник добра неизбежен. Потому и равнодушный прежде старшина с выступившими на глазах слезами, помутненным взором смотрит на солдата, который, умирая, сумел осветить смысл и цель жизни. «Я отомщу за незасыпанные могилы! — торжественно, словно произнося молитву, прошептал старшина». Старшина до конца не понимает конкретного смысла этих слов, но чувствует и знает, что сейчас только в этом, только в выполнении солдатского долга цель его спасенной жизни.

Я так подробно остановился на этом рассказе Арчила Сулакаури потому, что он был первым прозаическим опытом в творчестве писателя и вместе с тем одним из первых в грузинской прозе произведением, где нам пришлось столкнуться с совершенно новым мироощущением и художественным мышлением. Помню, какие противоречивые толки он вызвал — от бурного восторга до полного неприятия и возмущения. Время всему определило место, помогло разобраться, выявить истинное значение и этого рассказа.

«Волны стремятся к берегу» — прекрасная, глубоко эмоциональная баллада о солдате, как и снятый в те же годы незабываемый фильм Григория Чухрая с названием прямого назначения — «Баллада о солдате». Эти два произведения исполнены не только в различной художественной манере, но и вообще принадлежат к разным видам искусства, и все же они близки, похожи, родственны тем, что оба представляют собой поэтическую балладу.

Совершенно иначе осмыслен Арчилом Сулакаури другой рассказ на тему Великой Отечественной войны — «Голуби» (1959), где с глубоким лиризмом переданы переживания и чувства молодых людей в тяжелые годы войны. Вообще надо сказать, что с конца 50-х годов в грузинской прозе увеличился и усилился лирический поток. В творчестве тех, кто пришел в прозу из поэзии (а таких было немало), это проявлялось еще более отчетливо. Рассказ «Голуби» в этом смысле типичен.

Здесь автор предлагает бытовые зарисовки, в которых ненавязчиво пытается помочь читателю постичь прелесть человеческой простоты и сочувствия, чистоты и добра. Он оказывает воздействие не широкими масштабами художественного мышления, а тонким эмоциональным зарядом, созданием настроения, поэтическим, можно сказать, интимным повествованием.

Описанный им отрезок жизни измеряем всего четырьмя воскресными днями. Соответственно и рассказ разделен на главы. Четыре воскресенья встречаются Нана и Леван. За это короткое время они многое сумели сказать друг другу. Точнее, многое сумели понять. Арчил Сулакаури вообще не любит говорить о чем-то в лоб и громко. Читатель многое должен обнаружить в подтексте.

Нане и Левану приходится жить в тяжелых условиях военного времени. Старшие ушли на фронт, а младшие, как и во многих семьях, днем ходят в школу, ночью — на завод, а по воскресеньям дежурят на крышах домов в ожидании воздушного нападения. Вчерашние беззаботные шалуны — сегодня уже серьезные, чуткие и полные любви молодые люди. Их молчаливые диалоги, язык жестов и мимики, к которому они прибегают, находясь на крыше, общаясь с ранеными, стоящими у окна госпиталя, что виден напротив, красноречиво говорят о том, как проста и величественна подлинная гуманность, которой жестокое жизненное испытание придает еще большую силу и страсть.

Справедливо принято считать, что пришедшее в 50-е го-
ды в литературу новое пополнение заинтересовалось преимущественно этической проблематикой, нравственными принципами как отдельной личности, так и общества в целом. Именно к этому был прикован их писательский взгляд. Видение жизни в таком разрезе, такой подход характерны и для нынешнего поколения, хотя в той или иной степени произошли явные и в некотором роде существенные изменения их творческих интересов. Без сомнения, нравственные проблемы — краеугольный камень прозы Арчила Сулакаури. Это тот фундамент, на который опирается созданный писателем мир — яркий, примечательный, красноречивый, глубокий и прекрасный.

Такая сосредоточенность на нравственном аспекте в художественном мире вовсе не подразумевает уход от аспекта социального. Ведь в жизни они органически связаны, переплетены, взаимно обуславливают и определяют друг друга. Такой нежелательной односторонностью творчество Арчила Сулакаури не грешит. Более того, писатель уже в молодые годы, в первых же рассказах представил высокохудожественный, проникнутый высокой гражданской ответственностью синтез этического и социального, что впоследствии более масштабно проявилось в романе «Золотая рыбка», в повести «Лука» и в других произведениях. И это в значительной степени обусловило их значимость для грузинской литературы.

Арчил Сулакаури один из первых художественно осмыслил тяжелые, полные трагизма явления нашей жизни. С чувством гражданской ответственности, как остро пережитое написано им «Возвращение Авеля» и «Старая история», где раскрыты трагическая обстановка 30-х годов и ее тяжелые последствия.

О писателях нового поколения, вместе с которыми пришел в литературу Арчил Сулакаури, часто можно было услышать, что их творчество автобиографично. Это было настолько очевидно, что не становилось предметом спора. Некоторые из них, в том числе и Арчил Сулакаури, и сегодня еще поддерживают в нас подобное ощущение. Бесспорно, что биография писателя в значительной мере определяет, обуславливает его творчество. Более или менее незамаскированная автобиографичность в литературе закономерна и естественна. Это исторически испытанный традиционный прием, которым широко пользуется современная мировая литература. И то, что грузинские прозаики часто прибегают к явно автобиографическому материалу, продиктовано, как мне кажется, стремлением придать большую искренность своим произведениям. Вспомним, как эта искренность постепенно вытеснялась в литературе наступавшей на нее в свое время помпезностью. И в самом деле, автобиографичность, выявленная посредством присутствия ей непосредственности и искренности, сыграла большую роль в возобновлении желанных контактов между литературой и читателем, в восстановлении взаимного доверия.

Это вовсе не означает, что у писателей этого поколения недостает способности или желания «первопощения», овла-

деня «чужим материалом». Они создали достаточно прекрасных образцов. И «Волны стремятся к берегу», и «Возвращение Авеля», и «Старая история» или некоторые другие рассказы Арчила Сулакаури — одно из лучших проявлений именно такой литературы.

Участь Авеля художественно олицетворяет и обобщает судьбу многих честных людей, истинных граждан и патриотов. Восемнадцать лет носил невиновный АVELЬ клеймо предателя Родины и народа, но все-таки дождался, пока восторжествовала правда. Он возвращается в свою разрушенную семью, чтобы ее обездоленных и опустошенных членов вновь поставить на ноги, вернуть веру в добро и справедливость, без которых жизнь человека невыносима.

Арчил Сулакаури остается верным своему творческому принципу и в этом рассказе. Он очень мало или почти вовсе не рассказывает о том, что выпало на долю Авеля за восемнадцать лет, проведенных в заключении и ссылке. История жизни Авеля сама по себе была бы красноречивой и остро действующей эмоционально, но писатель и в этом случае не пожелал воспользоваться выигрышной формой эпического повествования, и читатель стал больше сопереживателем душевных волнений героя.

О возвращении же Авеля в родной город рассказано посредством описания реальной обстановки и бытовых деталей. Но и здесь, как и на протяжении всего рассказа, главное внимание направлено на фиксацию психологического состояния героя, его мыслей и настроений. Вот почему и этот рассказ, несмотря на его социальную и политическую остроту, все же решен в этическом, или, если взять более широко, — в философском аспекте. Тем более обращает на себя внимание еще одно большое его достоинство — простота. Даже такое заманчивое обстоятельство, как возвращение в родной город истрадавшего за долгие годы героя столь трагической судьбы, не заставило автора соскользнуть в сторону излишней чувствительности, соблазниться «эффектными» художественными ходами.

Что касается «счастливого финала» рассказа, то и это не противоречит писательским принципам Арчила Сулакаури, для которого вообще более характерно педалирование драматизмом и трагизмом, чем намеренное смягчение чувств и потребность поставить в конце «засахаренную» точку. Во-первых, назвать это счастливым финалом можно весьма условно, поскольку рассказ от начала и до конца полон неутраченной боли, а смятения души Авеля ощущаются и после того, как поставлена точка. Во-вторых, подобный финал продиктован самой правдой жизни, от чего писатель не должен и не может уйти. Возвращение Авеля не является для него самого настолько важной, жизненной потребностью, сколько для тех людей, которые обступят его во дворе с шумом и возгласами, и тех двоих — невестки и внука, — которые, вдруг, внезапно становятся счастливыми. Возвращение Авеля означает много больше просто возвращения честного человека, хотя и это немало. Оно означает возвращение веры к людям.

* * *

Уровень нравственности выявляется не только в пору больших социальных или общественных потрясений. В жизни человека испытания ждут на каждом шагу, в совершенно будничных ситуациях, в случайно возникающих событиях. И здесь закономерность продиктована не внешними обстоятельствами, а только нравственным потенциалом человека. В ранней прозе Арчила Сулакаури есть несколько рассказов, написанных в основном о молодежи, где острый драматизм, а иногда трагический отзвук являются лишь начальным этапом проявления человеческой слабости, эгоизма, коварства. Эти рассказы еще раз убеждают в том, как должен быть закален характер, дух, чтобы в спокойной, бытовой обстановке потихоньку, постепенно, незаметно не опуститься до того предела, откуда только один шаг до нравственного преступления.

К первым рассказам Арчила Сулакаури относятся «Если искушает тебя...», «Мост», «В снегопад», написанные в 1959—1961 годах. И в них ясна та же позиция писателя, который будто вне всякого предварительного намерения устраивает нам встречу со своими героями, делая нас свидетелями их разговоров, споров, острых перепалок. Он поверяет нам их мысли, сомнения, переживания. Мы смотрим на все это глазами объективных свидетелей, но взор этот глубоко проникает в пласты внутреннего мира человека, выбрасывает на поверхность затаенные чувства, проявляет невидимый другим свет души. Представленные в таком свете люди и события сами по себе, не говоря уже о производимом впечатлении, непроизвольно оценены более точно, чем в обвинительном заключении прокурора, составленном с большим усердием и добросовестностью.

Здесь же следует сказать и еще об одном примечательном свойстве творчества Арчила Сулакаури, для которого характерно не только сложное художественное мышление (имеется в виду, конечно, глубина замысла, а не его размытость), но и стремление к созданию оригинальной, своеобразной формы. Он всегда очень интересно, по-новому строит повествование композиционно, часто обращается к интригующим ситуациям, мастерски увязывает будто бы разобценные, автономные эпизоды, силой внутренней художественной логики все органично увязывает между собой — и главнейшую проблему, и мельчайшую деталь. Такой труд проделывается не ради желания блеснуть отшлифованной формой, а для того, чтобы наиболее ясно, полно и впечатляюще донести до читателя основной художественный замысел.

Для Арчила Сулакаури чужды и органически неприемлемы громкие фразы, а тем более прямолинейность мысли. Он часто будто непреднамеренно, без желания озадачить предлагает художественную копию реальной жизни. Но это лишь кажущаяся беспристрастность. В действительности все с самого начала и до конца заранее продумано, замысел и мораль тщательно замаскированы, прикрыты. Потому и читателем они воспринимаются как его собственные открытия, а не подсказанные автором. Так и в рассказе «Мост», где встречи молодых, их беседы, воспоминания воспринимаются как

воссоздание в художественном произведении бытовых реалий, но с их помощью мы следуем за писательской мыслью, чтобы проникнуть в главный его замысел. Здесь сначала лишь намечены, а уже потом раскрыты характеры людей, которые будто сформированы в детстве, но которым еще предстоит и необходимая постоянная упорная закалка, перестройка, развитие и совершенствование в нужном направлении.

Жизнь, как река, течет по своему руслу, и на мост через нее выйдет лишь тот, кто обладает способностью трудиться, бороться, строить. Гиви со своими ложными претензиями, позой непонятого и нецененного современниками художника, как и Наи со своим ложным представлением о личном счастье, остаются по ту сторону моста, на том уровне и в той обстановке, с теми мыслями и характерами, к которым вроде бы можно быть снисходительными в юности, но которые в общем-то и определили будущую драму, а может быть, и трагедию героев.

В финале рассказа «Вверх и вниз» нет определенной завершенности. Мы не знаем, как сложатся взаимоотношения молодых героев Гоги и Лии (с точки зрения результата, а не чувства). «Но и этим не кончилась наша история. И не кончится, пока мы живы, я и Лия», — скажет Гоги, прощаясь с нами. Но каким будет продолжение — преисполненное ли грусти или озаренное торжеством любви, трудно сказать. Ясно одно — этим рассказом писатель заставил нас соприкоснуться с тихой, но явно сильной и возвышенной любовью.

И в другом рассказе — «В снегопад» — обозначено такое же непосредственное, молодое, искреннее и чарующее чувство. Но здесь все безнадежно, во власти прошлого, поскольку герой с самого начала же убил, то ли притупил свое чувство, уступив душевной трусости. И только сейчас, утопающий в семейном уюте и тепле, он с глухой тоской вспоминает об этом.

Логическим продолжением ранних рассказов Арчила Сулакаури, более того, произведением, венчающим главную проблематику, размышления, раздумья и чаяния этого этапа его творчества, является его роман «Золотая рыбка», опубликованный в 1965 году. В нем отчетливо выявилось бескомпромиссное отношение автора к жизни и та высокая позиция, с которой он наблюдает и оценивает современность. Писатель предстает в «Золотой рыбке» беспощадным реалистом. Он принуждает нас смотреть в глаза трудностям или злу, глубоко проникнуть в сердца людей, где, к сожалению, поселились не только доброта и добродетели.

«Золотая рыбка» принадлежит в грузинской литературе к романам нового типа, творцами которых являются Арчил Сулакаури и писатели его поколения. Эти романы в отличие от классической грузинской литературы несут в себе характерные для них новшества: органическую связь социальной и нравственной проблематики с широким использованием мифов, символики, условностей и достижение посредством всего этого многоплановости, создание в пределах реализма художественного скрепления; мощный лирический поток, оригинальная компановка реального и условного, частая сменяе-

50320
10033

мость ретроспекции, придание диалогам особой функции, сведение к минимуму авторского текста, а тем более — ментариев и многое другое. Отличаются они и своим объемом и масштабами. Здесь и время, и обстановка относительно локализованы. Но это не мешает авторам широко и, что главное, остро ставить перед читателем существенные и наиболее актуальные проблемы современной жизни. Все это в полной мере относится и к «Золотой рыбке».

В этом романе Арчил Сулакаури прослеживает общественное бытие, внутренние переживания, сомнения и надежды, отношение к жизни, нравственные позиции и формирование своего молодого героя, из чего складывается цельный образ современного юноши. Ни писателя, ни его героя не отпугивает острый взгляд на жизнь, они искренне открывают нам свои наблюдения, выводы, на которых построены иногда радость и надежды, а порой тяжелые переживания.

В прологе мы видим почти идиллическую картину теплой и спаянной семьи. Ее будто не касаются тревоги и кипение жизни. Отца семьи знают как доброго и трудолюбивого человека, и мать — спокойная и невозмутимая женщина, любящая детей, преданная семье. И дети — Мириан, Дато, Теона — ничем не нарушают этот покой и уют, составляющие главную заботу семьи Барамидзе. Но все-таки остается ощущение, что все это показное и идиллическая семья покоится на «пороховой бочке». Так бы размеренно и текла их жизнь, если б крепость не была взорвана изнутри. Это «преступление» совершает Дато. Писатель убеждает нас в том, что борьба за высокую мораль стоит такой жертвы, как семейное благополучие. Дато и не пытается сжалиться над близкими, не хочет внять мольбам матери и советам отца. В результате он теряет и семью, и возлюбленную, и близких, и работу, и покой, заплатив такой ценой за правду, за свои убеждения. Уродливой душе, рядящейся в тогу внешней добропорядочности, он противопоставляет внутреннюю искренностью и чистотой, непримиримостью ко злу, невзирая на то, в какой форме все это будет выражено. Его молодая бескомпромиссная душа ни во что это не ставит.

Потому Дато и вменяется в вину то, что он сочувствует женщине, полной внутренней чистоты, которую лицемерно порицают за уход из семьи. Его осуждают за то, что он смело идет к женщине, к которой неприязненно относятся окружающие, да еще и остается там на ночь, между тем как обговаривающие его отчим и соседи ведут развратную жизнь. Со строительного объекта у Дато пропал цемент, и хотя все знают, что он не виноват, это вызывает возмущение тех, кто в основном и занимается темными делами и махинациями. Его единодушно считают неблагодарным, поскольку Дато не желает изменять голосу своей совести и не совершает бесчестного поступка, подсказанного ему дельцами, из-за которого его могут привлечь к суду.

Только благодаря одной этой сюжетной линии мы получили социально, психологически и художественно интересное, глубокое и значительное произведение. И действительно, всего этого было бы достаточно для одного романа, но писатель

не удовлетворился этим. Он внес в него второй, по моему мнению, важнейший мотив — одиночество людей. Подобная реальная опасность, которая нависла над общественной жизнью, над людьми, стала предметом первейших раздумий для мировой литературы и для Арчила Сулакаури также превратилась в одну из главных тревог.

Когда Дато, раздумывая над поступками других, заглянул в самого себя и попытался разобраться в собственных чувствах и сделать главный вывод, он так сформулировал в беседе со своим другом Гелой ту горькую истину, к которой пришел: «Ты думаешь, это удар для меня? Нисколько! Я не боюсь таких ударов... Сегодня я лишился работы, завтра найду ее. В конце концов я докажу, я утвержу свою правду. Меня пугает другое. Я боюсь тебя... Погоди! Я боюсь тебя, боюсь Мириана, Теоны, Платона, Нодара, Джимшера... Я боюсь всех близких людей... Не думай, что меня заставляет говорить хмель... Мы все обманываем друг друга. Лжем и сами себе, и друг другу... Ну, я пошел... И ты должен бояться меня, я тоже такой...» (Перевод М. Бирюковой).

Да, и в нем, как и в его друзьях, затаился эгоизм. Дато больше всего потрясен тем, что и в самом себе и в тех людях, что являются спутниками его жизни, он ощущает равнодушие к чужим судьбам. Дато понял, как он заблуждался в отношении своего пострадавшего брата Мириана, чье душевное одиночество его мало занимало, кого он не понимал до конца и кому не дал почувствовать, что он настоящий, плоть от плоти его брат и истинный друг. Дато признается самому себе, что его даже не волновала мысль об одиночестве Мириана, о его замкнутости. Наоборот, он раздражался, когда тот в редчайших случаях выходил из своего обычного состояния хотя бы на секунду. Его пугала редкая, невольная улыбка Мириана, поскольку она была для него противоположной, но его не пугали постоянное бездействие, апатия брата, так как они были привычными.

Это не самобичевание, вызванное болезненной фантазией. Мы сами неоднократно убеждаемся в том, что подобные самообвинения Дато достаточно обоснованы. Так развеиваются и исчезают призрачные сокровища Дато, которые, как он считал, составляли его «капитал». В общий сюжет романа органично вылетен как новелла эпизод, который похож на притчу, олицетворяющую девальвацию человеческих ценностей. Трагическая история Мосе Мамиствалова и Эстер оставляет у Дато ощущение опустошения. У Мосе Мамиствалова в подкладке старого жилета была зашита редкая фамильная драгоценность, которую «Черный Нико» обманным путем выманил у Эстер. Вместо нее, до возвращения жемчужины, женщина зашила в подкладку камушек такого же размера. Потерявшая надежду Эстер заболевает и вскоре умирает. Мосе, дела которого не без вмешательства Нико пошли все хуже и он погряз в долгах, чтобы похоронить жену, решил обратиться к семейной реликвии, распорол жилет, и тут этот бытовой эпизод наполняется прочтением почти библейской силы: «Эстер, Эстер! Родная! Где жемчужина?! Скажи, ведь она была, была?! Эстер! Скажи, где моя жемчужина?!».

Если Мосе Мамиствалов усомнился в существовании жемчужины, то разве удивительно, что Дато тоже сомневается в реальности своих сокровищ. Роковой вопрос — «Скажи, где моя жемчужина?!» — преследует Дато и берedit его душу.

Дато остается один. Одинок и Мириан. В одиночестве и Буба Эшба, и маленький Зурико, и многие другие. Они так же одиноки, как и золотая рыбка в аквариуме. Это одиночество мучительно для них, оно становится их самым болезненным переживанием. Потому и стремятся они к свободе и к контактам с такими же, как они, чистыми людьми.

Роман Арчила Сулакаури «Золотая рыбка» — произведение интересного и оригинального построения. Это не просто обыкновенное повествование о какой-либо истории, которому сопутствует психологический анализ. Писатель часто обращается к условности, символическим, неожиданным видениям или воспоминаниям, внутренним диалогам, рефрену, что осложняет структуру романа, но не искажает замысла. Все это подчинено одной главной цели — дать сильнее почувствовать и пережить внутренние сомнения и печали своих героев, более впечатляюще раскрыть причины, вследствие которых его герои потеряли душевное равновесие.

Заключенная в аквариум золотая рыбка, которая на протяжении всего романа в поле зрения читателя, является символическим выражением мучительного чувства одиночества. И подобно тому, как золотой рыбки хочется иметь собеседника, так же Мириан и Дато ищут задушевного друга. Спасение в бегстве, в том, чтобы разрушить эти стены, как это самоотверженно делает золотая рыбка. Сначала из семьи бежит Мириан, потом Дато. И хотя золотая рыбка погибает на асфальте, она все-таки счастлива, что эти стеклянные стены сломаны, что ее гордый и мятежный дух будто передался людям — Мириану и Дато, которым она долго и настойчиво внушала идею бесплодности одиночества, необходимость преодолеть его.

Окончание следует

Лина ХИХАДЗЕ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

ИЗУЧЕНИЕ истории каждой отдельной национальной литературы, если брать ее во всей полноте представлений современной науки, невозможно вне включения этой литературы в широкий контекст не только общесоюзного, но и мирового литературного процесса. Об этом уже не спорят. Изоляционизм предшествующей поры явно преодолен. Можно вспомнить как пример подобной постановки вопроса недавнюю публикацию беседы между Ч. Айтматовым, Л. Мкртычяном, Е. Сидоровым (1-й номер «Литературной газеты» за 1981 год). Главную тему беседы ее участники обозначили (и вынесли это в заглавие) словами из первой книги древних индийских Вед: «Да придут к нам благородные мысли со всех сторон». Один из собеседников вспоминает также высказывание Ганди: «Я не хочу, чтобы мой дом был окружен стенами со всех сторон, чтобы мои окна были заколочены. Я хочу, чтобы в мой дом со всей свободой ворвалась культура всех народов. Но я против того, чтобы хоть одна из них сбила меня с ног». Вот в этом дело. Путь развития национальной литературы всегда суверенен и не допускает никакого насилия (в приравнении воздействия одной литературы на другую к автоматической зависимости — согласно западноевропоцентристской схеме мирового литературного развития — заключалась ошибка компаративистов). И, вместе с тем, процесс взаимодействия — это сложный обогатительный процесс, реальная движущая сила и мощный резерв для поступательного развития национальных литератур.

Никакая большая национальная литература не может развиваться, не черпая из этого резерва — мирового художественного опыта, «и те, кто думает возвысить свою родную ли-

тратуру, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и «самообслуживание».¹

Принципиальным методологическим достижением современного сравнительного литературоведения следует признать акцентировку решающей функции принимающей литературы — здесь, собственно, и ответ на вопрос, образно сформулированный Ганди: как принять в свой дом все культуры мира и не дать ни одной из них сбить себя с ног.

Национальная литература в процессе своего поступательного развития впитывает разнородную (гетерогенную) информацию, но она может и отстраниться, не принять. В системе усложнившихся представлений о механизмах межлитературных контактов восприятие рассматривается не как механическое копирование, повтор, но как активный процесс, творческий в самой своей основе. Надо признать, однако, что живая практика сравнительных изучений все еще отстает от теории. Выяснение взаимодействия национального и мирового духовного опыта в реальной диалектике их соотношений, декларируясь, не всегда осуществляется. Да, предпосылки усвоения опыта других литератур, мирового художественного опыта кроются в готовности и подготовленности литературы — рецептора «идти на прием». Но тогда в каждом отдельном случае необходимо вскрыть и детально обосновать природу этой подготовленности, и, очевидно, именно это непросто: вопрос о способности национальной литературы творчески и избирательно реагировать на многообразные импульсы извне связан с изучением «внутренней» истории этой литературы, с ее специфическими (обусловленными имманентной закономерностью развития данной литературы) и всеобщими (обусловленными местом этой литературы в общей системе мирового литературного процесса) закономерностями.

Когда мы говорим «русский Гёте» или «русский Шекспир», «грузинский Пушкин» или «грузинский Лермонтов», мы тем самым уже подразумеваем активную роль воспринимающей стороны. Восприятие — это не автоматическая передача культурных ценностей, это творческий акт пересоздания их в новой структуре, это единоборство и напряжение взаимодействующих сил. Новые ценности, не похожие ни на одну из участвующих сторон и этой своей непохожестью способные обогатить мировой художественный процесс, а не только внутренние процессы отдельных литератур, возникают именно на путях пересечения культур, на перекрестках культурных воздействий. Само культурное самосознание возникает лишь «на стыке» с другой культурой. В грузинской литературе таким качественно новым явлением была поэзия Н. Бараташвили, с особенной интенсивностью сосредоточившая в себе специфические черты грузинской романтической школы и, вместе с тем, самым отчетливым образом отмеченная печатью общих

¹ Жирмунский В. М. Проблемы сравнительного изучения литератур. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XIX, вып. 3, 1960, стр. 81.

процессов европейского литературного развития. Творчество Н. Бараташвили — сложная художественная система, веющая долгий процесс. Импульсы, шедшие из мира межлитературных контактов, не только не препятствовали («иссбивали с ног»), но способствовали осознанию национального своеобразия, скорейшему выявлению возникающей в отечественной литературе тенденции. Овладевая новыми средствами выразительности, новыми способами гармонизации стиха, в частности, приобщаясь к сложному искусству простоты (как важны были в эту пору переводы из Пушкина, неотъемлемые от оригинального творчества поэтов-переводчиков), к медитативной ритмической организации, грузинская поэзия ничуть не теряла в своей традиционной артистичности, праздничности, в том своем твердом, мужественном ритме, что составляет основу грузинского стиха от Руставели до новейшей литературы. Но интересно отметить, что через сто лет, в двадцатые-тридцатые годы XX века, в эпоху словесной эквилибристики имажинистов, лозунговости поэтов «Кузницы» и «Пролеткульта», сложной отрешенности символистского письма процесс взаимодействия повторился уже в обратном направлении. Теперь грузинская поэзия, переводы из грузинских поэтов, возможность высвобождения тех сил русского стиха, которые были нужны для этих переводов, активизировали эволюцию русских поэтов в сторону классической ясности и высокой простоты.

Современная грузинская проза все чаще привлекает внимание критиков своим «особым выражением». Говорят о наличии в ней романтического элемента, понимая под этим и стилевое своеобразие и своеобразие мировидения. Но если обратиться к истории формирования грузинского реализма, то в этом ее своеобразии нельзя не усмотреть результат длительного процесса, в котором участвовала как национальная литературная традиция, так и избирательно воспринятый мировой художественный опыт. Реализм не импортируется, он возникает и возвращается на собственной национальной почве, но в его становлении принимает участие процесс развития мировой литературы, и выбор тех элементов, которые из него, так сказать, «импортируются» и усваиваются, целиком зависит от «потребности в таксм идеологическом импорте» (В. М. Жирмунский).

Одну из глубинных особенностей формирования грузинской реалистической эстетики (исключая ранний этап — творчество З. Антонова, Л. Ардазиани и др.) составляют ее своеобразные связи с эстетикой романтизма. Одновременно с программно заявленным неприятием сентиментально-романтического направления (И. Чавчавадзе. Несколько слов о переводе кн. Р. Ш. Эристави «Безумной» Козлова. Ж. «Цискари», 1861, № 4) творчески усваиваются ценности, созданные романтической культурой. Кризисные явления в господствующей до того поэтике завершаются созданием сложной и интересной стилевой традиции — интересной органичностью того стремления к синтезу романтического и реалистического начал, которое она собой являла. Что же касается инонационального опыта, то он усваивался в той мере и настолько, насколько гармонировал с художественным сознанием и стилевыми особен-

ностями принимающей литературы. Только спецификой художественного мышления грузинских реалистов, складывающейся в непрерывном контакте с предшествующим, романтическим периодом, можно объяснить, например, удачу первого перевода «Героя нашего времени» (1863 г., пер. М. Кипиани). «Рассекречивая» структуру произведения, первый грузинский переводчик романа обнажает и даже акцентирует то, что в лермонтовской прозе от романтизма — тяготение к стиховой мелодике, затаенный лиризм, легкую инверсию фразы. В грузинском перевыражении сохранен и характерный сплав прозаической конкретности с высокой поэзией. Это совмещение далеких стилистических крайностей в прозе Лермонтова — в духе грузинской национальной литературной традиции. «Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам. Она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу».¹ Отрывок необычен для подчеркнута прозаической, просторечной лексики Максим Максимыча. В нем совершается характерный для стиля романа переход от языка Максим Максимыча к языку рассказчика — офицера. Переводчик это мгновенно замечает и подчеркивает привнесением слов высокого словесного ряда: «Он стал на колени возле ее **лсжа**... Она обвила его шею **трепетными** руками» „ის დადგა სარეკელთან მუხლზე. ზეღამ მაგრამ მოხვია მორთოლვარე ხელეში“.²

Подчеркнутые слова лишены того налета выпренности, который им был бы свойствен в русском, их присутствие в тексте грузинского перевода стилистически оправдано.

Одна из важнейших этических и эстетических проблем грузинского критического реализма — проблема героического. Абсолютно прав Г. Асатиани, утверждая, что «И. Чавчавадзе и А. Церетели были теми поэтами, которые в грузинскую литературу наряду с небывало острым, бескомпромиссно последовательным критическим пафосом внесли еще более пламенную и глубокую струю героики — героического понимания жизни как вечного боя — вечной схватки противоборствующих начал».³ По-видимому, в этом сказался и результат наследования опыта поколений, отразившегося в специфике художественного мышления, и результат творческого усвоения художественного опыта предшествующего, романтического периода, обладавшего громадным эстетическим зарядом героико-трагического. Синтез элементов романтизма и реализма с особой открытостью представлен, конечно, в творчестве А. Церетели и И. Чавчавадзе — вершинных явлений грузинского реализма.

В частности, Илья Чавчавадзе, убежденный реалист по своей жизненной и эстетической позиции и по своему душевному пафосу, не только сохраняет особую тональность роман-

¹ Лермонтов М. Ю. Избранные произведения в двух томах. т. II. «Художественная литература», М., 1963, с. 370.

² «Сакартвелოს მოამბე», 1863, № 10, с. 46.

³ Асатиани Г. Л. Эволюция грузинского поэтического мышления в XIX в. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1976, с. 4.

тического стиха, но даже отстаивает ее с почти декларативной
прямотой:

**Чтобы отличить человека от скота,
Богом созданы только слезы.**

(Перевод подстрочный).

Но в том, что это не только предрасположенность творческой личности к определенной форме художественного выражения, а влиятельная тенденция, формирующая своеобразие литературного процесса, особенно убеждают второстепенные писатели, «сбоку» выходящие на магистраль литературы. А. Пурцеладзе буквально через несколько месяцев после опубликования романа Чернышевского «Что делать?» пишет повесть «Приключение трех», обнаруживающую следы влияния знаменитого романа и в идейном и в сюжетном плане. Повесть слаба в художественном отношении, о намерениях автора помогает судить авторецензия («Незавершенная картина»), в которой он их раскрывает и, так сказать, договаривает. Но в данном случае интересно другое: как естественно и органично соединяются идеи шестидесятых годов, идеи Чернышевского, в частности, понятия «расчет», «разумный эгоизм», с утверждением того высшего выражения сознательного самопожертвования, которое накладывало особый отпечаток на гражданственность деятелей реалистического этапа. А. Пурцеладзе настаивает на том, что хотел в своем герое (Симоне Бадладзе) представить обществу героический пример. Его ждет гибель? Что ж? Как сказал поэт: «Пусть я умру, порыв не пропадет»¹.

Автор повести не случайно обращается к строкам Н. Бараташвили, исполненным трагического оптимизма. Переключка героев разных эпох — лирического героя «Мерани» с его трагически-счастливой обреченностью и практика-шестидесятника из повести А. Пурцеладзе — симптоматична — в мятежном творчестве Н. Бараташвили впервые было определено конкретно-историческое значение положительного примера. В контексте всего сказанного не случайно и обращение (в 1861 г.) А. Пурцеладзе к повести из белкинского цикла «Выстрел». Высшая и гордая гибель героя повести еще раз давала возможность «представить обществу некий пример». Загадочный герой пушкинской повести живет как бы в двух сферах — в сфере армейского анекдота и в высокой сфере освободительной борьбы. В национальном восприятии не только доминирующим, но, пожалуй, единственным оказывается этот второй план.

Как известно, не только выбор, но и метод перевода часто определяется состоянием литературного процесса.

Антон Пурцеладзе, как все грузинские шестидесятники, считавший перевод действенным средством развития национального языка и литературы, писал: «Возьмите-ка вы перевод «Аммалат-Бека» князя Г. Эристави. Готов навлечь на себя

¹ Моенидзе В. (А. Пурцеладзе). Незавершенная картина. «Дрозба», 1857, № 35.

УДК 82.09
ББК 089.01
1110333

ваш гнев, если вы там услышите что-нибудь путное. Такие авторы не годятся в качестве примера того, как использовать богатство языка».¹ Эта установка отразилась и на его переводе прозы Пушкина. Насколько ему позволяют собственные возможности, он стремится остаться в пределах гениального пушкинского лаконизма, «господства мысли». Правда, близость перевода к подлиннику часто оборачивается наивной педантичностью вербального принципа, но, как правило, выдерживается пушкинский закон «нагой» простоты. Эта характерная установка — черта грузинского восприятия Пушкина. Исследователь пушкинской реценции в эстонской литературе замечает прямо противоположное: «Порою подчеркнута лаконичная, максимально простая, лишенная каких-либо прикрас пушкинская проза казалась переводчикам слишком «голой», слишком безвкусной. И они, еще не порвавшие с традициями «яркого» романтического стиля, стремятся «приукрасить» Пушкина, дополнить, расцветить его».² Вообще без осознанной установки переводчика, видимо, очень трудно не выйти за рамки пушкинского лаконизма. Даже Проспер Мериме, талантливейший французский переводчик «Пиковой дамы», иногда находит фразу Пушкина слишком сдержанной и подбавляет ей выразительности, досказывая «от себя» то, что у Пушкина не сказано, хотя и подразумевается: «Бабушка дала пощечину». Мериме переводит: «Вы представляете ярость моей бабушки. Она дала ему пощечину». У Пушкина: «В полдвенадцатого Германн вступил на графинию крыльцо, швейцара не было». — В переводе: «О счастье! Швейцара не было» и т. д.³ «Господство мысли» и прелесть «нагой простоты» — специфические черты пушкинской прозаической манеры. Но господство мысли в искусстве — не голая мысль, вторгающаяся в искусство, то есть нечто отдельное, самостоятельное и нехудожественное. Тут неизбежно встает вопрос о разных способах воплощения тенденции, о соотношении, так сказать, «мыслительного» и «изобразительного» ряда, что, в свою очередь, связано с характером индивидуального творческого стиля и с чертами национального стиля литературы. Как уже было сказано, одну из определяющих особенностей формирования грузинской реалистической эстетики составляют ее своеобразные связи с эстетикой романтизма, и это отражается даже на фразе, на ее синтаксическом строе, на склонности к эмоциональной приподнятости, присутствию взволнованного личного начала. Суховатый графический рисунок пушкинской фразы — ее идеал и предел — нераспространенное простое предложение — не идеал грузинской прозаической манеры, при том, что общая тенденция — господство мысли — соответствовала магистральному направлению, в котором развивалась новая грузинская литература.

¹ «Цискари», 1863, № 7.

² Исаков С. Г. Пушкин и эстонская литература. Сб.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, с. 471.

³ Коган Л. Пушкин в переводах Мериме («Пиковая дама»). Временник пушкинской комиссии, тт. 4—5. Изд-во АН СССР. М., Л., 1939 г.

Рассказы Ильи Чавчавадзе полны мыслей. «Начиная с «Записок путника» до «Отаровой вдовы» его проза — непрерывное мышление».¹

Характер нынешней грузинской прозы свидетельствует о том, что тогда, в шестидесятых годах прошлого века, складывалась перспективная традиция. Некоторые современные грузинские романы причисляют к «интеллектуальной прозе» (например, О. Чиладзе) и, вместе с тем, о самых значительных из них говорят, что они «создаются на грани поэзии и прозы» (Г. Асатиани). Дон Кихот или Санчо Панса. Литературная газета, 18 марта 1981 года). Но направленность развития национального стиля (выразившаяся в романах О. Чиладзе, Ч. Амирэджиби, Н. Думбадзе и др.) при всем своеобразии — явление не исключительное в современной многонациональной советской прозе (а если вдвинуть явление в мировой контекст, то рамки следует расширить за счет включения, например, латиноамериканского романа), и тот факт, что отмеченные тенденцией к синтезу произведения появляются в различных национальных литературах одновременно (Ч. Айтматов, В. Шукшин, Н. Думбадзе, О. и Т. Чиладзе, И. Друцэ, Г. Матевосян и др.), не говорит ли он о том, что эстетическая традиция, имея корни (как мы пытались показать) в родной культуре, укрепляется в ситуации активного творческого взаимодействия, на перекрестке культурных влияний.

¹ Котетишвили В. История грузинской литературы. Тбилиси, 1959, с. 361.

Придон СИХАРУЛИДЗЕ

ЦЕННЫЙ ПАМЯТНИК

СЕМНАДЦАТЫЙ век явился одним из труднейших периодов в истории Грузии, изнемогавшей под натиском турецко-персидской экспансии. Внутренний потенциал страны не был исчерпан, но надо было искать союза и защиты извне. Взоры правителей Грузии обращались к христианскому миру, и в первую очередь к единоверной России.

Грузинские патриоты глубоко понимали значение, которое имела Россия для прорыва вражеского окружения. Они с давних пор проявляли большой интерес к могущественному северному соседу и глубоко верили, что Россия, заинтересованная в упрочении своих южных границ, может стать надежной союзницей Грузии.

Выдающийся государственный деятель царь Теймураз I, более полувека героически боровшийся за объединение и независимость Грузии, всячески укреплял политический союз с Россией и расширял культурные связи с Москвой. Для осуществления этой цели он стремился к тому, чтобы не только все грузинские царства и княжества, но и соседние политические единицы объединились под покровительством России. Ему удалось ввести грузино-русские взаимосвязи в новое русло. Можно считать, его многосторонняя деятельность привела к новому значительному этапу в развитии связей с Россией.

За прорусскую ориентацию восточные тираны постоянно подвергали гонениям и жестоко карали грузинских государственных деятелей и их семьи.

Теймураз I на себе испытал всю жестокость их кровавых расправ — его мать Кетеван и двое сыновей были замучены по приказанию шаха, а третий сын Давид пал в битве против шахского ставленника Ростом-хана.

Рассчитывая получить у России военную помощь, Теймураз со своей свитой в 1656 году выехал в Москву, куда еще ранее для воспитания при русском дворе был отправлен его внук Николоз.

Теймураз был первым грузинским царем, посетившим Москву.

Через двадцать с лишним лет в Москву с большой свитой приехал имеретинский царь Арчил II. Живя в Москве Арчил установил тесные связи с русскими политическими и культурными деятелями. Кроме того, он завязал контакты с западноевропейскими ориенталистами, заказал в Голландии грузинский типографский шрифт. Его сын, царевич Александр, стал достойным соратником будущего императора Петра I.

В 1691 году Петр закрепил за Александром деревни в Московском уезде, в том числе село Всехсвятское, а для проживания в столице пожаловал ему бывший Голицинский дворец. Так Александр Багратиони стал главой грузинского поселения, возникшего в Москве и ее окрестностях на подаренных ему землях.

После возвращения из Грузии царя Арчила Петр I еще более упрочил экономическое положение грузинских поселенцев.

Москва издавна привлекала внимание не только поселенцев, но и других видных грузинских культурных деятелей, которые, приезжая в Россию, считали своим долгом обязательно посетить русскую столицу и подробно ознакомиться с той разносторонней культурной деятельностью, которая велась в духовных центрах Москвы и Подмосковья, с целью изучения богатого культурного наследия и выявления таких сочинений, которые можно было использовать в борьбе за культурное возрождение разоренной Грузии.

Так, среди них был известный духовный деятель, писатель Якоб Думбадзе, который пробыл в Москве более года, посетил Донской и Волоколамский монастыри, Троице-Сергиевскую лавру, а отправляясь в паломничество на Афон, по пути заезжал в Исково-Печерский монастырь и Киево-Печерскую лавру.

И архимандрит Николоз, живя в Москве, несколько лет работал над переводом известного памятника древнерусской литературы «Пролога». Завершив в 1690 году этот труд, он отправил рукопись вместе с другими ценными вещами (церковной утварью, иконами, отпечатанными в русской типографии изображениями святых) в Грузию с помощью царевича Александра.

С царем Арчилом в Россию приехали его единомышленники, люди, закаленные в долгой борьбе с иноземными поработителями, стремившиеся к политическому объединению и культурному возрождению своей многострадальной родины. Среди них были государственные и церковные деятели, писатели, поэты, переводчики, каллиграфы. Грузины, проживавшие в Москве, сотрудничали с выдающимися русскими государственными деятелями, имели тесные взаимоотношения с московской общественностью, активно участвовали в государственной жизни страны. Московское поселение скоро стало крупным очагом грузинской культуры. В Москве и во Всехсвятском грузины вели разнообразную литературную и научную работу. В результате многолетних усилий Арчила и Александра Багратиони там же зародилось грузинское книгопечатание: в 1704 году в Печатном дворе был завершён типографский станок для грузинского набора, а в 1705 году была отпечатана первая

грузинская книга «Псалтырь», выпущенная большим по тем временам тиражом в шестьсот экземпляров.

Здесь создавались оригинальные сочинения, снимались копии с рукописных книг, переводились со славянского, древнегреческого и других языков наиболее выдающиеся памятники литературы, истории, математики, географии, теологии, права, военной науки.

Среди выполненных там переводов особое место занимает перевод «Хронографа» — компилятивного сводного обзора всеобщей истории. «Хронографы» давно переводились в Грузии и были широко распространены в обществе, но в связи с частыми опустошительными иноземными нашествиями в стране приостановилось и развитие исторической науки. Дальнейшее развитие грузинской историографии было обусловлено развитием связей с Россией и Западной Европой.

Царь Арчил, высокообразованный человек и поэт, хорошо понимал значение исторических книг для культурного возрождения Грузии.

Поскольку «Хронограф» был написан на греческом языке, грузинские деятели решили переводить этот памятник непосредственно с оригинала. Арчил поручил эту работу Баграту Сологашвили-Мтацминдели, хорошо знавшему греческий язык, но тот смог закончить перевод лишь одной части «Хронографа». Работа над переводом была прервана из-за отъезда Б. Сологашвили в Стокгольм к царевичу Александру — генералу-фельдцейхмейстеру русской артиллерии. Продолжить работу взялся сам Арчил. Он воспользовался русским переводом оригинала, что явствует из приписки к грузинскому переводу.

Грузинский перевод «Хронографа» привлек внимание картлийского царя Вахтанга VI и его многочисленной свиты, прибывших в Москву в 1725 году. Приехавшие с Вахтангом VI каллиграфы Ефрем и Онисимэ Гарсеванишвили переписали одну из рукописей пространной редакции этого перевода. Тогда же были сделаны многочисленные копии «Хронографа» в разных редакциях.

Научное изучение этого памятника было начато академиком царевичем Теймуразом Багратиони, который подробно описал список «Хронографа», сделанный Е. и О. Гарсеванишвили. Ученый высказал мнение, что это первый экземпляр, переписанный по приказу Арчила. Он также расширил толкование приписок к тексту грузинского перевода. По его мнению, Б. Сологашвили перевел с греческого этот памятник «до кончины Феодосия Малого». Одновременно Теймураз Багратиони отметил, что Арчил продолжил перевод «с царствования Маркиана и Пульхерии» с помощью других переводчиков. Однако, к сожалению, ученый не указал, кто были эти помощники Арчила.

В 1831 году в Париже известный кавказовед М. Броссе, ознакомившись со списком «Хронографа», принадлежавшим грузинским царевичам Вахтангу и Тариэлу, издал два отрывка из грузинского перевода.

Арчиловым «Хронографом» интересовались известные ученые А. Хаханашвили, Ал. Цагарели.

В советское время академиком К. Кекелидзе было высказано справедливое предположение, что грузинский перевод сделан с «Хронографа» Дорофея Моневасийского, некоторых вопросов, связанных с этим переводом, коснулись в своих работах и Т. Рухадзе, Р. Орбели, Л. Менабде, П. Мирианшвили, Г. Шарадзе и другие.

В связи с изучением переводов древнегреческих хроник на русский и восточные языки ученый И. Н. Лебедева дала обзор и несколько грузинских списков этого памятника.

Обнаружение русского перевода «Хронографа», которым воспользовался для своей работы царь Арчил, и выявление новых документальных материалов дали возможность выяснить некоторые аспекты истории перевода «Хронографа».

Документальный материал дает возможность предполагать, что начало перевода «Хронографа» относится к 1701 году. В то время, как нам известно из письма Арчила к Петру I от 2 июля 1701 года, Б. Сологашвили уже находился при дворе царя Арчила в Москве. Из этого документа явствует, что царь тогда же намеревался отправить его в Стокгольм к сыну. Однако, вероятно, Арчил передумал и вместо Б. Сологашвили направил в Швецию своего приближенного Иосифа Давиташвили, который в том же 1701 году выехал в Стокгольм, где содержался плененный царевич Александр.

Через несколько лет царевич вновь просил послать к нему испытанного и умудренного опытом духовника. Исполняя просьбу сына, Арчил решил отправить к нему своего ближайшего соратника Б. Сологашвили, побывавшего в «святых местах» на Афонской горе и прозванного поэтому «Мтацминдели» (Святогорец).

15 июля 1706 года грузинский царь обратился к Петру I со следующим прошением:

«Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем... 1706 году писал к мне из Сте(ль)ной сын мой Александр, чтоб прислать к нему иеромонаха для духовных потреб, и я посылаю ныне к нему в Стекольную иеромонаха Панкратия и с ним псаломщика».

В ответ 24 июля того же 1706 года была выдана по дорожная: «От великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия, Малыя и Белья России самодержца, от Москвы по городам до Переяславля Залесского и до Ростова Великого, и до Ярославля, и до Вологды, и до Ваги, и до Архангельского города воеводам нашим и всяким приказным людям и земским бурмистрам по нашему великого государя указу и по челобитью подданного нашего царя Арчила Вахтангеевича Меретинского отпущен с Москвы через Архангельский город до Амбурга, а оттуда в Свею в Стехольм к сыну его царевичу Александру Арчиловичу, ради отправления божественных службы на греческом и на грузинском языках иеромонаха Панкратия да с ним псаломщик Иван Филипов. И как они в который город приедут и по городам воеводам нашим и всяким приказным людям и земским бурмистрам велеть их пропускать и подводы подо-

рожныя давать везде без задержания. А как они приедут к городу Архангельскому, и стольнику нашему и воеводе князю Данилу Григорьевичу Черкасскому велеть отпустить их до А[м]бурха на тамошних а[м]бурских кораблях без задержания».

Прервав работу над переводом «Хронографа», Баграт Сологашвили отправился в Швецию, он повез с собой для царевича Александра грузинские рукописи, иконы, и впоследствии в Стокгольме они вместе развернули литературно-переводческую работу.

Можно предположить, что переводчик первой части «Хронографа» Б. Сологашвили приступил к работе над переводом не ранее 1700 года. Арчил же, продолжив работу над переводом, пользовался русским переводом «Хронографа». Обнаружение русского подлинника, которым воспользовался Арчил, позволяет предположить, что для него на Печатном дворе была снята копия еще не переведенной на грузинский язык части «Хронографа». Ныне эта копия объединена с другой частью рукописи в одном переплете, и содержат они 820 страниц /Синод. № 343/. По всей видимости, эта рукопись была подготовлена к печати, об этом свидетельствует корректурная правка и изображение креста в начале рукописи, что означало позволение печатать. Заметно, что она исполнена двумя переписчиками, а вторая ее часть, которой именно пользовался Арчил, содержит приписки на грузинском языке. Они дают возможность установить ту часть памятник, которую перевел Арчил, и также позволяют в определенной мере проследить весь процесс переводческой работы.

Так, на листе 326 имеется сделанное рукой Арчила примечание: «До сих пор переведено Багратиозом». Оно находится в середине главы «Царствование Феодосия Малого (408 — 450 гг.)» у описания изгнания Нестора на остров. В грузинской же рукописи перевода такая же приписка находится в конце главы.

Многочисленные последующие приписки выявляют последовательность работы переводчика, его текстологические принципы, лексикологические находки; они же позволяют установить начало и конец отдельных этапов работы. Перевод отмечен глубоким проникновением в терминологию текста. Так, на листе 369 отмечается необходимость сокращения русского перевода. В некоторых местах переводчик высказывает сомнение в его точности и, видно, сравнивает его с другими списками.

Эти и другие замечания убедительно свидетельствуют о глубоком знании переводчиком русского языка и об исключительной добросовестности в проделанной работе.

Заслуга Арчила состояла в том, что он продолжил и довел до конца работу, начатую Б. Сологашвили, воспользовавшись русским переводом позднегреческого «Хронографа», воспользавшись этим грузинскую историческую литературу.

Труд Б. Сологашвили и Арчила получил большую популярность в грузинском обществе. Списки «Хронографа»

наряду с другими ценными книгами имелись в личных библиотеках царицы Дареджан, дочери Арчила, возглавившей после смерти отца грузинское поселение в Москве царя Вахтанга VI, его сыновей — Бакара, Георгия, выдающегося ученого, историка, географа, писателя Вахушти Багратиони. Рукописи этого памятника хранили у себя такие выдающиеся деятели грузинской культуры, как Афанасий Амилахвари, Леван Исан, Мириан Багратиони, Мелхиседек Кавкасидзе, Николоз Орбелиани, Георгий Дадиани, Георгий Гарсеванишвили, Христофор Гурамишвили, Иосиф Самебели, Лаврентий и Иосиф Туркестанишвили, Николай Чачикашвили, Максим Цуцунава и др.

На протяжении почти двух веков «Хронограф» приобрел широкое распространение в Грузии, появляясь в различных редакциях — пространных, сокращенных и выборочных. Сохранилось более тридцати списков в Институте рукописей им. К. Кекелидзе, в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР, Историко-этнографическом музее им. Н. Бердзенишвили в г. Кутаиси, Ленинградском филиале Института востоковедения СССР и других местах.

Один из наиболее ранних списков хранится в Институте рукописей АН ГССР им. К. Кекелидзе (фонд Н, рукопись 2214). Там же находится рукопись (фонд S, 868), переписанная при жизни Арчила. Это экземпляр пространной редакции, исполненный красивым церковным шрифтом («хуцური») в два столбца. На листе 399 переписчик свидетельствует: «Собственным иждивением и старанием переписал я сию книгу, реченную по-гречески «Хронограф», а по-грузински «История» в граде Москве, ибо не смог нигде найти переписчика на нашем церковном языке». Вероятно, этим переписчиком был Дмитрий Кавкасидзе, который долгое время находился при дворе царя Арчила. Им выполнен список «Исповеди православной веры», находящийся там же (фонд Н. 83) и каллиграфическими особенностями очень напоминающий упомянутый список «Хронографа». На полях книги имеются приписки: «Долголетие царю Арчилу», «Благослави царя Арчила», «Ты, Лоза новоцветущая, молодая, добрая, посаженная в Раю», а в конце: «Похвала памяти картлинского архиепископа Романоза» (лл. 336 — 339). Эта книга была подарена митрополитом Романозом настоятелю монастыря Давида Гареджи — отцу Ефрему, где впоследствии были переписаны рукописи (S, 1292, S, 2913).

Один из наиболее ранних списков сокращенной редакции хранится в Институте рукописей АН Грузинской ССР им. К. Кекелидзе. Заметки на книге свидетельствуют о том, что ее владелец приехал в Россию в царствование Петра I и присутствовал на похоронах императора. Из этого видно, что книга переписана в первой четверти XVIII века.

Более поздней можно считать рукопись, хранящуюся в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР в коллекции грузинских рукописей (М-22). Этот «Хронограф» в пространной редакции переписан Ефремом и Онисимэ Гарсеванишвили в Москве, в 1738 г.

Один список «Хронографа» в сокращенной редакции, выполненный Николозом Гарсеванишвили в 1730—40 годах хранится в Институте рукописей им. К. Кекелидзе (фонд И, 3084).

В 1753 году переписан «Хронограф», хранящийся в Кутаиси в Историко-этнографическом музее им. Н. Бердзенишвили (№ 589).

Несмотря на то, что Леван Бакарович после девятилетней упорной работы создает новое руководство по Всемирной истории (пользуясь латинскими, немецкими и французскими источниками), «Хронограф» по-прежнему привлекает внимание общественности и периодически переписывается. До нас дошли списки «Хронографа», переписанные в 1769 году (А-657), в 1774 году (О-503).

Имелась и особая сокращенная редакция этого памятника, так называемый «Хронограф» в выборках, широко распространенный среди грузинского населения в качестве учебного пособия по истории. Об этом свидетельствует тот факт, что отдельные отрывки из «Хронографа» были внесены в учебные сборники, которые просуществовали в школах вплоть до 40-х годов XIX века.

«Хронограф» имел также и определенное влияние на грузинскую историографию. В 1736 году проживавший в Москве Георгий Мачабели привлек «Хронограф» в переводе Арчила для расширения вводной части учебника древнегрузинской истории «Картлис цховреба» («Житие Грузин»).

Сегодня «Хронограф», переведенный Арчилом и Б. Сологашвили, как и переводы других значительных памятников, находятся среди экспонатов большой постоянной выставки Дома-мемориала «Грузинское поселение в Москве XVII — XVIII вв.», открытого на Большой Грузинской улице в столице нашей Родины 23 июня 1981 года.

Светлана ИСАШВИЛИ

ПУТИ-ДОРОГИ

Тенгиз Андреевич Гогичашвили — Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина и многих других правительственных наград, ныне — заместитель министра транспортного строительства СССР.

В ОБЪЕМИСТОЙ папке вечерней почты оставалось непрочитанным только одно письмо, когда часы на Красной площади пробили восемь. Собственно, сейчас он скорее угадал, нежели услышал бой курантов, донесшийся сюда, на тринадцатый этаж высотки, едва слышной мелодией, заглушенной шумом и грохотом тысяч колес и гудков. Лишь далеко за полночь, когда Москва ненадолго засыпает, в кабинете заместителя министра отчетливо раздается бой часов Кремлевской башни.

Но сегодня не придется засиживаться допоздна, подумал Тенгиз Гогичашвили, раскрывая последний конверт с пометкой «лично».

«Сравнительно скоро мы будем отмечать 200-летие добровольного соединения Грузии с Россией, — сказал Л. И. Брежнев на юбилейных торжествах, посвященных 60-летию победы Советской власти в Грузии и образования Коммунистической партии республики. — Верный выбор сделали наши предки 200 лет назад. Дружественные узы, соединившие русский и грузинский народы, разрослись, стали намного крепче за шесть социалистических десятилетий Грузии. В этом, кстати, историческая миссия социализма — сближать и роднить народы. Утверждать между ними согласие и мир».

В словах Леонида Ильича Брежнева содержится глубокая оценка интернациональной сущности социализма, сближившего и породнившего все народы нашей страны, объединившего их в единую семью. Крепкие братские узы объединяют представителей различных националь-

«Дорогой Тенгиз Андреевич! Не знаю, помните ли Вы еще меня...»

Он взглянул на подпись: главный инженер мостопосада Николай Фурсенко. Имя казалось незнакомым.

«...Но Вы, я уверен, не можете забыть строительство пути Макат—Актау—Узень, прорезавшего легендарный Мангышлак».

Да, на всю жизнь осталась в памяти эта стройка. Отнюдь не только потому, что удостоился за нее высшей правительственной награды — ордена Ленина. И не только потому, что гордился сознанием своей причастности к огромным свершениям, происшедшим на этой земле, где ныне, в соответствии с решениями XXVI съезда, развивается мощный производственный комплекс, разрабатываются огромные месторождения нефти и газа, угля и меди, кобальта и фосфора. Он запомнил эту стройку еще и потому, что именно здесь, в невыносимо тяжелых условиях пустыни, укрепилась в нем вера в силу и мощь труда человеческого, убедился он в величии людей, способных одолеть стихию, страшную, могучую, неодолимую.

...Пять суток подряд дул злой горячий ветер, сбрасывая на людей тучи песка и пыли. Мириады раскаленных песчинок больно хлестали по лицу, забивались в уши, легкие, скрипели на зубах, засыпали глаза. Сквозь невидимые щели они проникали повсюду — в палатки, кабины машин, герметически закрытые вагоны, цистерны — нигде нельзя было спастись от их жгучих уколов.

Глядя на это бесконечное бушующее море песка с огромными волнами барханов, простирающихся далеко за горизонт, ощущая постоянную непроходящую жажду, изнывая от нестерпимого палящего зноя, люди переставали верить, что где-то существует лес, журчат ручьи, где-то высятся горы, веет прохладой от зеркальной глади озер... Здесь всюду была пустыня, загадочная, угрюмая, беспощадная.

ностей. Это наглядно видно на примере нашей республики, где живут и бок о бок трудятся русские и грузины, украинцы и армяне, эстонцы и курды, латыши, белорусы, азербайджанцы.

А сколько наших земляков обрело вторую родину в самых различных уголках нашей необъятной страны. Их труд, их талант, их самоотверженное служение Родине по достоинству оценены народом. И сегодня, в первом номере 1982 года, в преддверии знаменательных юбилеев — 200-летия со дня подписания Георгиевского трактата и 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик, — мы публикуем очерки о наших земляках, прославляющих республику во всех уголках страны. О тех, кем по праву гордится народ — и русский, и грузинский.

За многие столетия она привыкла к безмолвию и единовластию и не желала уступать людям, пришедшим сюда, чтобы навсегда лишить ее покоя. Она обрушивала на них, сушеви и ураганы, опалила жгучим зноем, насылала полудиаволевых тварей. Но они продолжали греметь экскаваторами и бульдозерами, метр за метром прокладывая стальной путь. Они не уступали стихии, несмотря ни на что.

На шестой день ветер стих так же неожиданно, как и начался. Тихо опустились сумерки. Небо постепенно темнело, наливаясь крутыми звездами. Повеяло прохладой — и люди, уставшие от долгой борьбы, вдруг почувствовали неизъяснимую прелесть пустыни. Это было не просто чувство удовлетворения от того, что удалось выстоять в этих невыносимых условиях, и даже не ощущение победы. Нечто иное возникало каждый раз в тихие ночи, здесь, среди безмолвных барханов. Это было ощущение чего-то нереального, фантастического, что наполняло все существо непонятым восторгом. И люди, несмотря на страшную усталость, еще долго не ложились спать.

— Такое чувство, что сейчас появится Маленький принц, — услышал Тенгиз девичий голос.

— Смотри, как бы не выскочила змея, — ответил бас, не подверженный, видимо, эмоциональному воздействию пустыни. Долго еще слышались всплески смеха, шепот. Мелькали тени.

А на рассвете тишину неожиданно прорезал крик боли. Все бросились на зов — и увидели скорчившегося от боли Колю Фурсенко. На бедре студента адела, все увеличиваясь, большая опухоль.

— Скорпион, — догадался Тенгиз.

— Сыворотку! Немедленно!

Через несколько минут товарищи увезли Колю в макатскую больницу. По рельсам, проложенным вчера...

Как же он запомнил? Так значит, Коля все же вернулся в коллектив. А ведь не собирался. И уже начальник мостопоезда. Сколько же лет прошло? Пожалуй, больше десяти. Летит время. Для него, Тенгиза Гогичашвили, уже со скоростью курьерского.

А ведь кажется, совсем недавно был студентом он сам, высокий, худой — кожа да кости, плохо одетый, полуголодный. Нелегко приходилось в первые послевоенные годы. Отец погиб на фронте. Матери приходилось ставить на ноги четверых детей. Тенгиз понимал, как тяжело достается ей каждая копейка. Дома оставались еще трое ребят, а она хитрялась посылать в Тбилиси посылки, деньги, несмотря на решительные протесты сына. Ночами Тенгизу Гогичашвили удавалось подрабатывать на станции, разгружая вагоны. Утром он шел на лекции, не пропуская ни одной, каким бы усталым ни был. Учился хорошо, получал повышенную стипендию.

А приезжая домой, в Гори, раскладывал перед матерью гостинцы и рассказывал о баснословно дешевых обедах в студенческой столовой и невероятно низких ценах на тбилисских рынках. Но мать грустно смотрела в его запавшие глаза и

продолжала, как могла, помогать, пока Тенгиз не защитил диплом.

Да и потом, где бы он ни работал — на Украине, в Сибири, в Средней Азии и Казахстане, в Белоруссии и даже в Москве — всюду постоянно шли посылки от матери из Гори с душистыми персиками, сочными яблоками.

По распределению Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта Тенгиза Гогичашвили направили на Украину восстанавливать разрушенные войной мосты и тоннели. Здесь он впервые воочию увидел все ужасы, принесенные войной. Изуродованные взрывами фермы мостов, тоннели, забитые глыбами камней, щебнем и трупами людей.

Работали больше вручную. И строительному мастеру не раз приходилось брать в руки кирку или лопату, чтобы самому расчистить очередной завал. Было трудно не только физически. Плохо налаживались контакты с рабочими: мешал языковой барьер. Не хватало практических навыков в работе. К счастью, начальником мостопоезда был грузин, Илья Рухадзе. К нему и обращался молодой специалист в критических ситуациях.

Шли месяцы, а с ними приходили навыки работы, знание русского языка. Так что, когда Т. Гогичашвили назначили прорабом, дело наладилось быстро. Свой первый мост под Балаклавой в Крыму он сдал досрочно и на оценку «отлично».

Потом возводил мосты в Севастополе, Кривом Роге, других городах Украины, потом работал в Белоруссии, где разруха была еще больше, страшнее. А когда последствия войны были ликвидированы, мостопоезд перебросили в Сибирь.

Здесь, в районе поселка Камень-на-Оби, Тенгиз Гогичашвили прошел самую строгую аттестацию на инженера и руководителя. Он, уже начальник мостопоезда, возвел уникальное сооружение через сибирскую реку. Это был мост длиной в 127 метров, смонтированный совершенно новым методом — навесным способом, без промежуточных временных колонн, что дало большую экономию времени и материалов.

Тот, кому довелось видеть, как огромная всемиугольная ферма, поддерживаемая только стальными оттяжками и противовесами, продвигается к месту стыка, был потрясен не только мощностью современной техники, но и филигранной инженерной работой. Прогиб пролетного строения достигал полутора метров, а стальная ферма должна была подойти к стыку с точностью до одного миллиметра. Чтобы достичь этого, были необходимы точнейший расчет инженера и не менее точное управление людьми, замершими у лебедок.

За строительство этого моста Тенгиз Андреевич Гогичашвили был награжден орденом «Знак Почета». А местная газета «Заря Алтая» опубликовала стихотворение, посвященное этому событию:

Любуйтесь, смотрите в оба:
Во весь богатырский рост
Встал над широкой Обью
Ажурный красавец-мост.

После Сибири был Казахстан, после стужи — зной пустыни, пекло доменных печей, от которого нет, казалось бы, спасения... И все же у пустыни оказалась своя притягательная сила. Ее Гогичашвили почувствовал не только на себе. Вот и Николай Фурсенко не расстался с казахстанскими просторами, хотя вначале и собирался обратно в родной Киев.

А он сам... Когда у постельки годовалой дочери он увидел раскачивающуюся голову кобры, единственным желанием было бежать. Бежать без оглядки, куда угодно, только подальше от этих страшных мест. Или хотя бы отправить семью. Но жена и старшие девочки наотрез отказались покинуть его даже на короткое время. Рисковать — так всем вместе...

Он не покинул стройку. Более того, проложив железнодорожную магистраль через Макат—Актау—Узень, он снова отправился в пустыню. Строить стальную линию Гурьев—Астрахань.

И вновь вставали проблемы, требующие срочного решения. Он корпел над технической литературой, советовался со специалистами, постоянно находился на трассе. Как бороться с барханами? Как закрепить шпалы, чтобы их не засыпало песком? И снова нашел решение. Дорогу стали закреплять битумом, гранулами, а по краям высаживать саксаул.

Резкий телефонный звонок, неожиданно прозвучавший в кабинете, прервал нить воспоминаний. Он взглянул на часы: восемь семнадцать. Значит, двенадцать минут ушли на воспоминания. Двенадцать драгоценных минут... Он поднял трубку.

— Неужели нам снова обедать без тебя? — в голосе жены прозвучала укоризна.

— Буду ровно в восемь тридцать, — сказал он примирительно. — Уже выхожу...

Пять минут — чтобы составить план на завтра:

8.00—9.00. Почта. Утром он ежедневно просматривает всю почту. Всегда, обязательно, не допуская исключений.

9.00—9.40. Встреча с главным инженером Курганского управления. Сорока минут вполне достаточно, чтобы в деталях обсудить задачи строительства.

9.40—10.20. Оперативка. Сопровождение с начальниками управлений, отделов, некоторых трестов по поводу обеспечения ритмичности строительства.

10.25—13.45. Решение ряда текущих дел и подготовка к докладу у министра.

14.00. Сопровождение у министра. Время не регламентировано.

Предстоит разработать программу развития собственной базы в Алтайском крае, решить вопросы об источниках финансирования, обеспечения кадрами, утвердить штатное рас-

писание, выбить необходимое количество подвижного состава и т. д. и т. п.

После окончания совещания — еще раз проверить целесообразность размещения ресурсов, произвести некоторые инженерные расчеты строительства в Южном Казахстане, чтобы не закралось ошибки, чтобы объекты были вовремя обеспечены четкой документацией, а также стройматериалами, сырьем, техникой. Правительственное задание должно быть выполнено в срок и качественно.

Не хуже, чем в позапрошлом году...

Электрифицированная линия Белорецк—Карломань шла через непроходимые горы. Пробивали тоннели, строили через пропасти мосты. Условия были необычайно трудные. И если бы не внедрили оригинальное предложение молодых специалистов, которое, кстати сказать, Тенгизу Гогичашвили пришлось пробивать во всех инстанциях — доказывать, спорить, ссориться, — строители могли не уложиться в срок. А они сдали объект досрочно. И получили поздравление от самого Леонида Ильича Брежнева.

Конечно, строят они много. И ведь они не только прокладывают дороги и возводят мосты. Миллионы квадратных метров жилой площади сданы только в прошлом году. А сколько построено вокзалов и аэровокзалов, домов культуры и дворцов спорта, театров, административных зданий, железобетонных, вагоноремонтных и электровозостроительных заводов в самых различных городах страны и даже племенные питомники для сел...

Однако пять минут прошли — и пора спешить домой. На столе уже, должно быть, стоит ужин. Жена и три дочери с нетерпением ждут главу семьи, чтобы приступить к традиционной трапезе. Жена всегда обижается, если он запаздывает к ужину. Ведь где бы они ни жили — в палатках или вагончиках, бараках или благоустроенных квартирах — всюду, куда бы ни заносила их судьба, она стремилась сохранить святость семейных и национальных традиций, грузинский язык, который в совершенстве знают его дочери, хотя никогда не жили на родине отца.

...Спустя несколько дней он ехал в поезде. Вместе с министром транспортного строительства СССР Иваном Дмитриевичем Сосновым они отправились в командировку на Дальний Восток. Цель ее — определить на месте возможности развития пропускной способности железнодорожной сети, а также изучить ситуацию на строящихся объектах, выяснив, что мешает работе, кому и какая необходима помощь, как снабжаются механизированные отряды сырьем, материалами, техникой и продуктами питания.

А песка за окном вагона мелькают, сменяя друг друга, то серая пустынная гладь и пылающий малиновый купол неба, то сочная зелень лесов, то горы, взметнувшиеся ввысь, словно на родине, в Картли. И Тенгиз Гогичашвили — в который раз — со смешанным чувством грусти и радости вспоминает

родной дом, оставшийся в Гори, трудное детство, старенькую маму... В этот момент ему страстно хочется вернуться туда, в родные края.

Но он уже не может представить себя без стали, который растет перед глазами, без этих мостов, соединяющих города и людей, без тоннелей, пробивающих горы. Строить их, возводить, сооружать, прокладывать всюду, куда бы ни привели его пути-дороги, — это стало повседневной потребностью и прекрасной мечтой, целью жизни и просто работой Тенгиза Андреевича Гогичашвили.

СЧАСТЬЕ

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Антонина Константиновна Шубладзе посвятила свою жизнь изучению вирусного энцефалита и энцефаломиеелита. Совместно с другими учеными удостоена Государственной премии. А. К. Шубладзе является одним из организаторов первого в мире института вирусологии — ВНИИ имени Д. И. Ивановского.

МЫ СИДЕЛИ в уютной гостиной на Малой Бронной, пили душистый грузинский чай с московскими пирожными. За окном бушевала метель, залепляя стекла причудливым белым узором. И от этого здесь казалось особенно светло, тепло и чисто.

Немолодая обаятельная женщина с тонким лицом и глазами, светящимися той особой радостью, которая бывает только в ранней юности, говорила о себе и о жизни, о необыкновенных людях, встретившихся на ее пути, и о счастье.

Что, собственно, такое счастье? Одни представляют его в виде крупного выигрыша по лотерейному билету. Другие отождествляют с беззаботной жизнью. В лирических песнях нередко счастье — это синоним любви... Конечно же, и любовь — один из атрибутов счастья. Но полное удовлетворение приносит все же победа, добытая трудом, напряжением духовных и физических сил, преодолением бесчисленных невзгод и препятствий, вставших на пути человека, который поставил перед собой прекрасную, благородную цель.

— Думаю, я могу сказать, что прожила счастливую жизнь, — сказала Антонина Константиновна Шубладзе. — Судьба подарила мне много светлых, радостных дней и лет, насыщенных увлекательной работой, яркими событиями, интересными встречами. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю людей, с которыми мне довелось работать. Это были не только выдающиеся ученые, самоотверженно преданные науке, но и верные, надежные друзья, чуткие, добрые, стойкие, мужественные. Страстно увлеченные работой, они «заразили» и меня — много слова не подобрать — всепоглощающим стремлением постоянно искать, анализировать, ставить опыт за опытом, доказывать и опровергать порой и собственное мнение, систематизировать и обобщать результаты экспериментов — и все это в едином порыве до победного конца, не-

сущего счастье тебе самой. И тысячам людей, спасенных от страшного недуга. Вы знаете, что такое энцефалит?

ЭНЦЕФАЛИТ — воспаление головного мозга. При лечении в процесс спинного мозга применяют термин «энцефаломие-лит».

Летальность при разных формах Э. колеблется от 5 до 60%. Возбудитель клещевого Э. выделен в 1937 г. (Л. А. Зильбер, Е. Н. Левкович, А. К. Шубладзе, М. П. Чумаков, В. Д. Соловьев, А. Д. Шеболдаева). Вирусная этиология японского Э. установлена Хаяси в 1933 г. В СССР возбудитель японского Э. выделен в 1939 г. А. А. Смородинцевым, А. К. Шубладзе, В. Д. Неустроевым.

Основной чертой эпидемиологии вирусных Э. является их распространение комарами и клещами.

Из Малой Медицинской Энциклопедии.

В 1937 году об энцефалитах не было известно ничего, кроме того, что во время эпидемий погибали тысячи людей. Немногие выздоровевшие оставались парализованными на всю жизнь. Или слепли, или были неполноценны психически.

Как распространяется болезнь, кто ее переносит, чем она вызвана — это оставалось тайной для ученых всего мира.

Экспедиции, направленной на Дальний Восток, в центр эпидемии, надлежало выяснить все эти вопросы, а также выделить вирус и разработать методы лечения. Причем сделать все это в предельно ограниченные сроки — несколько месяцев. Иначе срывалось намеченное планом пятилетки освоение тайги: эпидемия сотнями выводила из строя лесорубов, геологов, топографов, строителей железных дорог. Люди гибли — и этого не могли допустить ни партия и правительство, ни ученые.

Кроме того, от успеха экспедиции зависело будущее молодой науки — вирусологии. Поэтому руководитель экспедиции Л. А. Зильбер весьма и весьма придирчиво отбирал кандидатов в отряд ученых. В невыносимо тяжелых условиях эпидемии нужны были не столько ученые, обладающие необходимым запасом теоретических знаний, сколько люди самоотверженные, мужественные, выносливые, настойчивые в достижении цели, готовые даже на самопожертвование для дела.

Как это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, но Антонина Шубладзе была зачислена в состав экспедиции без колебаний, хотя хрупкая изящная девушка отнюдь не производила впечатления человека выносливого, тем более мужественного. Но в том-то и заключались незаурядные организаторские способности руководителя экспедиции, что он умел по достоинству оценить человека, увидеть за обманчивой внешностью потенциальные возможности будущего сотрудника. За кажущейся неприспособленностью Антонины Шубладзе Л. Зильбер разглядел характер сильный, волевой, упорный, а жизнерадостность и оптимизм молодого кандидата наук, как выяснилось впоследствии, оказались чертами наиболее ценными в невыносимо тяжелых условиях экспедиции.

Между тем Антонина Шубладзе в свои двадцать с небольшим лет действительно имела весьма смутные представления о неприглядных сторонах жизни. Пожалуй, у нее не было до сих пор даже серьезных огорчений. Как-то слишком благополучно складывались обстоятельства в ее жизни. Умные, тактичные родители, многодетная, дружная семья, между членами которой были неизменно доброжелательные взаимоотношения. В семье Шубладзе каждому ребенку прививали чуткость, доброту, приучали заботиться друг о друге. И это стало основной чертой характера. Здесь, в семье, ее научили любую работу выполнять весело, с удовольствием, какой бы скучной и монотонной она ни была. И это тоже стало чертой характера. Каждый трудился по мере сил и возможностей. Антонина, например, подрабатывала в качестве тапера в кинотеатре, одновременно училась. Родители едва сводили концы с концами, хотя отец Антонины Константин Шубладзе к тому времени был высокооплачиваемым работником — ведь детей было одиннадцать.

Но начинать ему приходилось с чернорабочего. Родом из бедной имеретинской семьи, он в 16 лет покинул родное село и отправился на заработки в Среднюю Азию. Здесь, на строительстве железной дороги, никому не известный грузинский парень проявил незаурядные способности. В короткий срок он освоил русский язык, научился свободно читать и писать, увлекся книгами, без труда постиг все тонкости техники и технологии стальных магистралей. Он был начальником станции, руководил стройками. Окончил свой сорокалетний трудовой путь Константин Шубладзе в качестве ревизора Министерства путей сообщения СССР.

Однако не это было наиболее примечательным в жизни Константина Шубладзе... Шли тяжелые годы гражданской войны, годы разрухи и голода. Всюду — в городах и степях, на станциях и в вагонах встречались осиротевшие голодные, беспризорные дети. Добрый по натуре, Константин Афанасьевич порой до боли чувствовал чужое горе. Испытав в детстве муки голода, он не мог пройти равнодушно мимо голодного ребенка. А ведь в семье росло четверо своих... И время было — двадцатые годы, когда на счету каждый кусок хлеба. Но каждый раз, увидев беспризорного малыша, он вел его домой. Под стать ему оказалась жена Раиса Ивановна. Каждый новый ребенок, принятый в семью, обретал в ней мать. Добрую, умную, тактичную.

Один за другим стали полноправными членами семьи Шубладзе семеро приемных детей. И ни один из них ни разу не почувствовал себя чужим в этой дружной семье. Никому ни разу не пришлось в голову, что между теми четверьмя и этими семью существует какая-то разница.

— Мы все одинаково родные, — ответила Антонина Константиновна на мой, по-видимому, бестактный вопрос.

Вспоминая первое впечатление, оставленное тайгой, А. Шубладзе улыбнулась. Полжизни провела она в экспедициях по тайге. Ее не удивить ни мрачным однообразием бесконечных просторов, ни черными тучами гигантских кома-

ров, свирепо высасывающих кровь, словно сказочные вампиры, ни заунывным воем волков, готовых наброситься же, за околицей дома. Ко всему этому она привыкла.

Но тогда, в первые дни, тайга произвела на нее, да и не только на нее, самое удручающее впечатление. Особенно доносили комары, а никто не мог поручиться, что укусы одного из них не таит в себе опасности страшного энцефалита.

И все же самое страшное впечатление произвела сама болезнь. Палаты были переполнены. Больные прибывали и прибывали. Почти все были без сознания. Многие умирали. Но те, кто выживал, были, пожалуй, несчастнее погибших.

Мальчик лет четырнадцати уже поправился, но остался паралич рук и ног. Жили только глаза, измученные, затравленные. Ему бы только начать жизнь, какой-то месяц назад он мечтал учиться, работать, а болезнь сделала его пожизненным пенсионером.

В психиатрическую больницу увезли геолога, переболевшего энцефалитом. Практически не было шансов, что он когда-нибудь вернется к любимой профессии. Ослепшая девушка. Парализованный лесоруб. Женщина, лишившаяся рассудка. Антонине было страшно. Когда встает вопрос: жизнь или смерть, рисковать легче. Здесь же был выбор между жизнью или полусмертью.

Но профессор Зильбер недаром делал ставку на оптимизм Шубладзе. Через несколько дней Антонина была бодрa и спокойна. А вскоре у нее хватило сил с юмором отнестись к своим злключениям.

Дрезина «Калужанка», как ее называли, шла со скоростью сорок километров, когда местный врач А. Панов — кстати, впоследствии он также стал академиком, крупнейшим специалистом по энцефалиту, — заметил, что водитель пьян.

Не успел он сообщить о своем наблюдении, как дрезина врезалась в сопку. Пассажиры, к счастью, скатились в противоположную сторону, на железнодорожное полотно.

Очнувшись и оглядевшись, Шубладзе расхохоталась. Было смешно вспомнить, как они, распластав руки, летели во все стороны, и радостно, что все окончилось благополучно. Но подняться она не смогла: ее ранило в ногу.

Первым поднялся Зильбер. Он отер с лица кровь и грязь и глубокомысленно произнес:

— Если это наше последнее падение, нам повезло.

Слову «падение» он, вероятно, придал более широкий смысл. Эпидемия была в разгаре, а источник инфекции пока не был обнаружен. Одни предполагали, что переносчиками являются клещи, другие больше склонялись к «комариной» версии. Чтобы доказать ту или иную гипотезу, были необходимы тысячи опытов на мышах, домашних животных, обезьянах. Время шло. Каждый участник экспедиции был по горло загружен работой: ухаживал за больными, внимательно изучая течение болезни, ставил опыты на животных, прививая последним спинномозговую жидкость больных, чтобы выделить, наконец, долгожданный вирус. Но ощутимых результатов пока не было.

Лишь ближе к осени удалось выделить вирус энцефалита. А вслед за первым открытием последовало другое: переносчиками инфекции оказались клещи. Вскоре ученые сумели получить сыворотку. Основная работа была завершена в небывало короткий срок: за несколько месяцев таежной весны и лета, в то время как ученые всего мира тщетно пытались решить загадку энцефалита в течение двадцати лет.

Но когда вирусологи, радостные и счастливые, возвращались домой, случилась беда.

Первым заболел М. Чумаков, ученый, чье имя также впоследствии вошло в анналы науки. Антонина Шубладзе узнала об этом в пути и тотчас сошла с поезда. Помочь заболевшему товарищу могла только сыворотка, то есть кровь переболевшего животного. Оставив больного на попечение коллег, А. Шубладзе поехала в леспромхоз, где обитал козел, кровь которого могла спасти Чумакова.

С трудом получив необходимое количество спасительной крови, Антонина Константиновна поспешила обратно. Но в пути ее ждало еще более тяжкое испытание.

В переполненном вагоне на нее неожиданно надвинулась высокая толстая женщина. Схватив девушку за руку, она пронзительно закричала:

— Ты у меня вещи украла!

Антонина, похолодев, пыталась вырвать руку. Впервые в жизни мир показался ей жестоким и враждебным.

— Пустите, — неожиданно для себя спокойно и властно потребовала Шубладзе.

Не повышая голоса, она рассказала о том, кто такая, куда и зачем едет. Ей сразу уступили место. Стали расспрашивать, сочувствовать. Какая-то женщина даже всплакнула. И Антонина еще раз убедилась, что враждебность исчезнет, если людям спокойно объяснить ошибку.

Сыворотка помогла М. Чумакову победить болезнь. Но... не полностью: на всю жизнь остались у него бессильно свисающие руки и голова.

Уже в Москве Антонина Константиновна узнала, что энцефалит лишил зрения еще одного члена экспедиции — Валентина Соловьева.

Когда А. Шубладзе вместе с А. Шеболдаевой везли во Владивосток для вивария морских свинок, их должен был встретить еще один член экспедиции. Неожиданно им оказался элегантный моряк с пронзательными голубыми глазами. В дороге разговорились. Выяснилось, что Валентин Соловьев, так он представился, прикомандирован к экспедиции как квалифицированный врач. В прошлом он защитил диссертацию в области микробиологии, имеет кандидатскую степень и мечтает заниматься научной работой. Широко эрудированный, разносторонне образованный, остроумный, Валентин Соловьев произвел на Антонину неизгладимое впечатление.

Во время работы виделись они редко, так как находились в разных концах тайги. Но каждая встреча приносила радость, хотя никто из них ни словом не обмолвился о чувстве. Здесь, в центре эпидемии, когда ежедневно десятками гибли люди и никто из них не был гарантирован от заражения, словам

любви не находилось места. Но чувство, большое, сильное, всепоглощающее, все глубже пускало корни.

Он попросил ее стать его женой лишь в самый последний момент, на вокзале, когда Антонина уже садилась в поезд. Она даже не успела ответить тогда...

Это был самый страшный день в жизни Антонины Константиновны Шубладзе, когда она узнала, что любимый человек обречен на вечную темноту. Валентин Соловьев, талантливый, умный, деятельный, не может остаться в стороне от жизни. Он будет продолжать творить, искать, в полную силу работать, ни на день не прекращая заниматься наукой. Она, Антонина Шубладзе, заменит ему глаза, будет ему сиделкой, поводырем, она будет читать ему вслух всю необходимую литературу, будет писать под диктовку его работы, поможет защитить докторскую. Она сделает все возможное и невозможное, чтобы ее муж Валентин Соловьев не почувствовал свою неполноценность. Она будет его женой.

В тот же день Антонина Шубладзе телеграфировала в больницу. Но Валентин Соловьев не мог принять жертву любимой девушки. И отказаться от нее тоже не мог. Выход был только один — прозреть. И он прозрел. Случай, не поддающийся научному толкованию. Единственный в практике медицины. Потом он объяснял этот феномен тем, что у него не было другого выхода, кроме как начать видеть.

Спустя полгода Валентин стоял с огромным букетом роз у дверей московской квартиры Шубладзе. Осунувшийся, похудевший, но... зрячий.

Такого счастья Антонина Константиновна Шубладзе не испытывала за всю свою счастливую жизнь.

— Сейчас мой муж Валентин Дмитриевич Соловьев действительный член Академии медицинских наук СССР, — сказала А. Шубладзе. — Оба мы продолжаем работать над проблемами вирусологии, в частности энцефалитов и энцефаломиелитов. В следующем году мы снова были на Дальнем Востоке, потом еще и еще... Затем была экспедиция в Поволжье. В 1948 году я изучала японский энцефалит в Северной Корее..

В 1939 году А. Шубладзе в числе других ученых удостоилась Государственной премии за открытие возбудителей клещевого и комариного энцефалитов. Они были первыми, кто удостоился этой высокой награды в Советской стране.

Антонина Константиновна Шубладзе посетила 15 стран. Она выступала с лекциями в Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки, делилась опытом борьбы с болезнью, которая, к сожалению, все еще продолжает губить жизни людей на всем земном шаре. Энцефалит многолик и коварен, но это не значит, что человеку не по силам победить его.

— Судьба не обидела меня, — повторила Антонина Константиновна свою мысль в несколько иной форме.

Но счастья добилась она сама. Мужественный человек, большой ученый, прекрасная женщина.

Девять писем

Ипполитова - Иванова

Н АСЛЕДИЕ Захария Палиашвили, его оперы «Абесалом и Этери» и «Даиси», являясь достоянием культуры грузинского народа, вошли в сокровищницу советской музыки, нашли заинтересованного слушателя и за рубежом. Идут годы, но по-прежнему творческая и общественная деятельность Палиашвили, его контакты с представителями других национальных культур остаются для исследователей объектом самого пристального внимания. Поэтому каждая новая находка, проливающая свет на те или иные обстоятельства жизни композитора, судьбу его сочинений, всегда интересна.

К числу таковых относятся 14 писем М. М. Ипполитова-Иванова к З. П. Палиашвили,¹ охватывающие время с 27 июля 1921 года по 11 августа 1924 года и освещающие события, связанные с периодом ректорства З. П. Палиашвили в консерватории, его борьбы за превращение этого учебного заведения в подлинный очаг профессионализма.

Имя М. М. Ипполитова-Иванова, русского композитора, музыкального и общественного деятеля, тесно связано с культурой Грузии. Еще в 1882—1893 годах он возглавлял в Тифлисе отделение РМО и музыкальную школу, дирижируя симфоническими концертами и оперными спектаклями. Сохраняя тесные узы дружбы с представителями культуры Грузии, он с радостью откликается на приглашение З. П. Палиашвили — бывшего ученика и коллеги — принять профессию и ректорство в Тифлисской консерватории в один из сложных периодов ее существования. Письма Ипполитова-Иванова, отражающие подготовку и переговоры по поводу его переезда в Грузию, интересны и как свидетельство его личных теплых чувств к Палиашвили, чье дарование он высоко ценил и прилагал большие усилия для постановки оперы «Абесалом

¹ Оригиналы хранятся в Музее дружбы народов; фотокопии их любезно были предложены автору публикации директором Дома-музея З. П. Палиашвили В. А. Чинчаладзе (расшифровка писем принадлежит автору публикации).

и Этери» в России. Вниманию читателя предлагаются 9 писем М. М. Ипполитова-Иванова как наиболее интересные и вносящие дополнительные сведения в наше представление о З. П. Палиашвили.

27 июля 1921 г.

Дорогой Захарий Петрович!

Ужасно был обрадован вашим письмом, во-первых тем, что удалось, наконец-то, завязать с вами непосредственно переписку, а во-вторых, теми сведениями, которые вы мне сообщаете по вопросу, так нас обоих интересующему. Теперь, конечно, буду ждать еще с большим нетерпением ваших дальнейших писем. Классы, которые вы мне предлагаете, я, конечно, с восторгом возьму и надеюсь, что сумею их хорошо поставить — вышло очень удачно, что эти высшие классы — как контрапункт, fuga — форма и свободное сочинение будут в (лучших) руках, что давно уже сделано в лучших консерваториях Европы и у нас. Это даст возможность образовать музыканта одной школы и направления, в особенности это важно в момент образования первой национальной Грузинской школы.

В настоящее время создается новая контрапунктическая школа на основе народной песни. Старая контрапунктическая школа, в виде нидерландской и итальянской, проходится даже основательно, но только вначале и сейчас же после гармонического фундамента.

Если у вас в Совете приглашение мое и Варв. Мих.! состоится раньше сентября, то это будет самое лучшее решение вопроса — и мы тогда в октябре уже можем распрощаться с Москвой и выехать к вам «насовсем»...

Радуюсь, дорогой, успеху вашей оперы и горжусь вами как первым порядочным грузинским композитором. Горю нетерпением послушать ее. Не огорчайтесь необходимостью ее сокращения. Этой музыкой можно будет воспользоваться и для чего-нибудь другого. Опера требует разнообразия и в построении, и в гармонии, и в инструментовке — а главное, в ритмической структуре. Передайте наш горячий привет Амираджиби, В. Ал. Свигунишвили и Н. Н. Черепнину² и передайте им, что я просто рвусь в милый и дорогой Тифлис. Вар. Мих. шлет вам дружеский привет, я же вас горячо обнимаю.

Ваш М. Ип.-Иванов.

Письма адресуйте через Армянскую миссию — Тер-Григорьяну — для передачи ректору Консерватории. Пишите просто Тер-Григорьяну, а не священнику Тер-Григорьяну, как вы написали.

Ваш М. Ип.-Ив.

¹ Варвара Михайловна Амираджиби — преподавательница музыки по классу фортепиано. Вера Александровна Свигунишвили — скрипачка, член Грузинского музыкального общества;

² Николай Николаевич Черепнин — русский композитор и дирижер, ректор Тифлисской консерватории (1918 — 1921);

Варвара Михайловна Зарудная — супруга М. М. Ипполитова-Иванова, певица и педагог.

2 марта 1922 г.

Дорогой мой Захарий Петрович!

961935920
212-94999

Писал на днях Конст. Мих.³ теперь пишу вам, прошу о том же, т. е. выслать официальное постановление Совета о приглашении Варв. Мих. с визой МУЗО — прислать прямо ко мне, и только тогда я могу начать хлопотать о выезде. Хлопоты протянутся очень долго, и выехать удастся, вероятно, не раньше мая или начала июня, и чем ближе подходит это время, тем больше разбирает нетерпение и желание поскорей перебраться в милый сердцу Тифлис. Относительно моей кандидатуры на пост директора я писал Кон. Мих., что готов ее выставить, если Совет найдет это необходимым для дела — что же касается меня лично, то я предпочел бы быть только профессором и подготовить кадры настоящих грузинских музыкантов для будущей деятельности. Размеры директорской деятельности в Тифлисе, хотя и не так велики, как в Москве, но все же она отнимет много времени от моей личной работы, а так бы хотелось еще поработать для себя и многое закончить. Ну да там, что бог даст!

Передайте дорогим родным и любимым Амираджибг наш привет и надежду скорого свидания.

Крепко вас обнимаем и любим. Буду ждать вестей.

Ваш М. Ип.-Иванов.

Получили ли автографы Глинки, Чайковского и Рубинштейна?

16 мая 1922 г.

Дорогой мой Захарий Петрович!

Спасибо вам за вести, хотя и не совсем утешительные — относительно Вар. Мих., что же касается меня, то я по-прежнему рвусь в Тифлис, и если для Вар. Мих. у вас найдется местечко, подходящая квартирка хотя бы из 3—4 комнат, то я непременно двинусь в путь. Ехать же, не имея квартиры, я прямо считаю невозможным. За лето, может быть, что-нибудь и подвернется. Мы лето думаем провести в Москве — поэтому пишите по адресу Консерватории, если будет о чем писать, если же нет, то значит, не судьба — и на этом успокоимся. В ноябре этого года я думал отпраздновать в Тифлисе 40-летие моей артистической деятельности. В ноябре 1882 г. я в первый раз выступил в качестве официального дирижера на юбилее Э. О. Эпштейна в старом Тифлисском театре, и так хотелось бы через 40 лет опять вернуться и посмотреть, какие плоды дало нами вспаханное поле. Трудно, да и опасно в наши годы загадывать что-либо, но если ничего не случится, то осенью, хоть на несколько дней я (слетаю) посмотреть, что у вас делается. Передайте мой сердечный привет дорогому и неизменно любимому другу Конст. Мих., до

³ Константин Михайлович Алиханов — пианист, один из основателей первой музыкальной школы в Тбилиси.

рогим Варюше и (Наст.) Амираджиби — и всегда милым сердцу Ядвиге Карповне и Марии Захаровне⁴ — это (набор) друзей, без которых Тифлис для меня не существует.

Обнимаем крепко.

Ваш Ипполитов-Иванов.

1 янв. 1923.

Дорогой мой и любимый Захарий Петрович! Не откажите передать Худ. совету Консерватории мою горячую благодарность за теплую приветственную телеграмму, полученную мной в день моего юбилея.

Тифлис и Грузия моя музыкальная родина, там я вырос и окреп и получил свою музыкальную физиономию, и я счастлив, что через меня как передаточную станцию теперь весь мир восхищается перлами народного грузинского творчества. В конце января я еду в Петербург, где Государственная филармония устраивает два моих юбилейных концерта, но нигде я не хочу так отпраздновать свою юбилейную дату, как в Тифлисе. Я глубоко тронут тем вниманием, которое оказали мне власти и публика — уже второй месяц как юбилейные чествования не прекращаются — в среду, 3 янв. у Зимина⁵ идет моя «Измена» как юбилейный спектакль.

Передайте наркому Канделаки, что я бесконечно благодарю его за телеграмму наркому Луначарскому и как только выясню с ним вопрос о командировке — сообщу ему результаты переговоров.

Нельзя ли устроить мой приезд на конец марта или начало апреля, последнее даже лучше? Если бы эти два концерта купили бы мой дорожный расход, я бы большего не хотел. Напишите мне, голубчик, свои соображения на этот счет. Если вам будет удобнее мой приезд на конец февраля, то я постараюсь как-нибудь освободить себя на это время — одно могу сказать, что мне безумно хочется побывать в Тифлисе.

Мою последнюю симфоническую поэму «Мцыри» по Лермонтову я считаю венцом грузинского колорита и так бы хотел подарить ее Тифлису. Я получил от наркома Канделаки телеграмму о том, что он просит наркома А. В. Луначарского командировать меня к вам, — но я до сих пор не могу переговорить с наркомом и получить от него согласие на эту командировку. На днях я его увижу и выясню этот вопрос в окончательной форме.

⁴ Анастасия Михайловна — художница. Ядвига Карповна — Я. К. Стаховская, преподавательница музыки по классу фортепиано в Тифлисской консерватории. Мария Захаровна — М. З. Габашвили — преподавательница музыки по классу фортепиано в Тифлисской консерватории.

⁵ Опера Зимина — частный оперный театр в Москве. Открыт в 1904 г. Существовал до 1924 г. В 1922—24 гг. назывался Свободная опера Зимина.

Напишите мне, дорогой. Передайте А. и В. Амраджоби, что мы горим желанием обнять и поцеловать наших милых сердцу друзей. Крепко вас обнимаю и буду ждать ответно-шевено ваш

М. Ип.-Иванов.

10 окт. 1923 г.

Мой дорогой Захарий Петрович!

Получил ваше письмо, радуюсь вашему приезду и, конечно, сделаю все возможное, чтобы познакомить наш музыкальный мир, в самом широком смысле, с вашими произведениями.

В настоящее время здесь находится Долидзе⁶, который собирается играть свою «Лейлу», так, кажется, называется его опера, и ваш приезд будет очень кстати. Само собой разумеется, что вопрос о постановке вашей оперы у нас может решиться сейчас же, но поставить ее раньше будущего года, т. е. в этом сезоне, едва ли удастся, т. к. есть уже намеченные постановки, во всяком случае я сделаю все возможное, чтобы осуществить ваше желание.

Вы пишете о моем приезде в Тифлис, а между тем я от М. Ант.⁷ до сих пор ничего не получаю определенного. Узнайте, голубчик, получил ли он мое письмо с моими условиями. Затем я ему посылал два учебных плана нашей консерватории, и он ни слова не пишет, получил ли он. Таким образом, как я вижу, в этом году вряд ли мне придется побывать у вас.

Кроме того, я написал еще (С. И. Евлахову)⁸ с просьбой устроить, если возможно это, дирекцией хотя бы два концерта, тогда я приехал бы на месяц в декабре посмотреть милый сердцу Тифлис и повидать дорогих друзей.

Итак, до скорого свидания, дорогой Зах. Петр., — буду надеяться, что вы привезете исчерпывающий ответ на все интересующие меня вопросы, а пока привет и от души вас обнимаем.

Ваш М. Ип.-Иванов.

⁶ В. И. Долидзе — советский композитор, автор музыки и либретто первой грузинской комической оперы «Кето и Котэ».

⁷ М. Ант. — М. А. Баланчивадзе — советский композитор и музыкально-общественный деятель. Автор первой грузинской оперы «Коварная Дареджан».

⁸ С. И. Евлахов — певец, солист Тифлисского оперного театра, держал антрепризу.

8 мая 1924 г.

Москва

Дорогой мой Захарий!

Поджидал вас — подготовил почву, говорил с Суком, Головановым⁹ и репетитором — все очень заинтересованы, хотя и говорят, что новых постановок в будущем году, за отсутствием средств, и не предполагается, но нелишние познаться с новинками. Говорил также с Б. Б. Красиным¹⁰, заведующим муз. частью Большого театра, он говорит, что для формальности необходимо прислать заявление в дирекцию с приложением партитуры, клавира и несколько экземпляров либретто — тогда он официально назначит день для слушанья — теперь только дело за вами. В Петербурге я также говорил с глав. режис. Шкафером¹¹, который также интересуется новой грузинской оперой и, конечно, сделает все, что в его силах. Начались ли экзамены? Я очень просил бы вас, дорогой, назначить теоретические экзамены, да и вокальные тоже, несколько попозже, так, наприм., от 10-го июня, боюсь, что мы отсюда раньше не выберемся — хотя буду стремиться всей душой. Говорил с Блюменфельдом¹², который принципиально согласен приехать на экзамены — фортепиано, но при условии, конечно, если Наркомпрос оплатит ему дорогу в оба конца и содержание там. Поговорите с Мих. Иван. и если нужно, то и с наркомом по этому поводу — а главное, торопите его с квартирой для нас — это необходимо выяснить до нашего выезда.

5 июня 1924 г.

Мой дорогой Захарий!

Выезжаем мы в понедельник 9-го вместо 6-го, как мы предполагали — все места, оказалось, заняли члены (13-го) съезда, и таким образом наши места оказались аннулированными, поэтому, мой дорогой, придется все экзамены с нашим участием отложить до 13-го, я думаю, что беды от этого большой не будет — ведь экзамены могут продлиться и после акта.

Я думаю, что Вар. Мих. нет надобности слушать всех — а только учащихся старших курсов — как вы на этот счет думаете?

⁹ В. И. Сук — чешский и русский дирижер. С 1906 г. по 1933 г. дирижер Большого театра. Н. С. Голованов — советский дирижер, пианист и композитор. В 1919—28 гг. дирижер Большого театра.

¹⁰ Б. Б. Красин — советский музыкальный деятель, председатель правления и директор-распорядитель Российской филармонии (Росфил.).

¹¹ В. П. Шкафер — русский советский певец и оперный режиссер.

¹² Ф. М. Блюменфельд — советский пианист, дирижер, композитор и педагог. С 1922 г. — профессор Московской консерватории.

Блюменфельду я сказал, что получил от вас телеграмму, где сказано, что по распоряжению наркома — фортепьянные экзамены закончены в спешном порядке, и он успокоился.

Завтра Б. Б. Красин передаст мне удостоверение музыкальной части Большого театра о том, что опера ваша «заслушана комиссией, одобрена и принята к постановке», и я (значит) привезу это удостоверение с собой. Цуцунава¹³, очевидно, выедет с нами в понедельник. Немного досадно, что помешали нам выехать 6-го, но зато мы можем остаться подольше; ибо в Ригу я послал (брата), так как не хочется (трепаться) после Тифлиса. О выезде я все-таки пришлю телеграмму. Поклон всем.

Ваш М. Ип-Иванов.

17 июля 1924 г.

Мой дорогой Захарий!

Много раз заходил к Н. Я. Морозову¹⁴, и только вчера, наконец-то, удалось его поймать. Клавир Авессалома¹⁵ в Петрограде, где, по-видимому, ждет разговора о постановке ее там, поэтому Н. Яков. просит тебя телеграфировать, можно ли оставлять клавир в Петрограде еще некоторое время, или он очень тебе сейчас нужен и его необходимо сейчас отсюда вытребовать. На днях я увижу главного режиссера В. П. Шкафера, у которого узнаю относительно их планов и намерений. Буду изо всех сил подбивать его, чтобы Авессалом был там поставлен, здесь в театре идет такой кавардак, что едва ли можно на что-нибудь надеяться. Идет разговор о возвращении Комиссаржевского на смену Лапицкого¹⁶, которого будто бы убирают, но думаю, что все это одни разговоры — во всяком случае, было бы хорошо, если бы в Петрограде поставили Авессалома. Удалось ли тебе вырваться из Тифлиса и уехать куда-нибудь отдохнуть и спокойно поработать? Предполагая, что тебя в Тифлисе уже нет, я решил адресовать на имя Ивана¹⁷, который передаст тебе. Я усиленно засел за «Барсову кожу»¹⁸, которую хотелось бы хоть вчерне закончить к концу сентября, чтобы зимой заняться ее инструментровкой. Виделся и гово-

¹³ А. Р. Цуцунава — известный режиссер грузинского оперного театра, первый постановщик «Абессалома и Этери» З. Палиашвили.

¹⁴ Н. Я. Морозов — режиссер

¹⁵ Речь идет о клавире оперы «Абессалом и Этери» З. Палиашвили.

¹⁶ Комиссаржевский — режиссер И. М. Лапицкий — советский оперный и драматический режиссер, в 1924—25 гг. — директор и режиссер Большого театра.

¹⁷ И. П. Палиашвили — брат З. П. Палиашвили.

¹⁸ «Барсова кожа» — опера Инполитова-Иванова (осталась незавершенной).

рил ли ты с Конст. Ал. Марджанишвили¹⁹ относительно консерваторских дел. Мне кажется, что только он один мог бы парализовать поход против тебя. Вся эта история так мне не нравится, что как мне ни тяжело, а я принял бы ректорство, если бы мне предложили, чтобы не дать восторжествовать кому-то, но ведь это все зависит от Совнаркома Грузии, как он отнесется к назначению негрузина. Мне лично хочется, чтобы ты работал, работал и работал как можно больше. Ты можешь видеть на опыте моем и Глазунова²⁰, что ректорство и сочинительство несовместимы, но мы ведь уже оканчиваем свою карьеру, а ты в расцвете сил, а в этот период «потеря времени смерти подобна». Композиторы совершенствуются только путем непрерывного писанья, и необходимо, чтобы правительство Грузии поставило тебя в такие условия, что не мешало бы твоему творчеству, и надобно, чтобы друзья твои этого добились, и мне кажется, что больше всех в этом направлении может сделать К. А. Марджанишвили, с которым и советую поговорить, а если ты не хочешь поднимать об этом разговор, то поручи мне это сделать и о своем решении напиши мне. В Москве я пробуду безвыездно до конца сентября, т. е. до своего отъезда в Тифлис, куда я предполагаю выехать между 15—20 сентября. В Москву доехали мы чудесно, а здесь застали дожди и холода — вспоминаем Тифлис, ваш балкон и всю милую компанию, которой шлем сердечный привет.

Поцелуй ручки Юлии и Лидии Мих.²¹ и обними Ивана. Буду писать тебе письма.

Твой М. Ип.-Иванов.

11 авг. 1924 г.

Мой дорогой Захарий!

Письмо Мелитону²² и наркому отправляю одновременно с этим письмом. Написал горячо и убедительно, как мне кажется, но что из этого выйдет, аллах ведает! Думаю, если Дав. Владим.²³ любит Грузию и желает процветания ее музыки, он должен внять моим доводам и поступить так, как я прошу. Шкафер был экстренно вызван в Ленинград, а потому у меня не был. Я написал ему письмо и жду ответа — вчера слышал, что будто бы на днях он опять приедет в Москву — надеюсь, что теперь он не надует и зайдет ко мне. Если с Акад. театром

¹⁹ К. А. Марджанишвили — советский режиссер и театральный деятель, постановщик опер Палиашвили «Данси» (1923) и «Абесалом и Этери» (1924).

²⁰ А. К. Глазунов — русский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. В 1905—1928 гг. — директор Петербургской и Петроградской консерваторий.

²¹ Юлия и Лидия Михайловна — супруги братьев Захария и Ивана Палиашвили.

²² М. А. Баланчивадзе.

²³ Д. В. Канделаки.

ничего не выйдет, а это при отношении Лапицкого к новым авторам вполне возможно, то если ты не захочешь ждать, пока Лапицкий соблаговолит, — можно, наверное, поставить в Зиминском коллективе, который будет продолжать дело в Драматическом театре или в театре Эрмитаж. Конечно, было бы желательно поставить сразу в Ак. театре, но когда этого дождешься, вот вопрос. Я, например, ждал постановки там своей оперы ровно 32 года — правда, я не хлопотал и никого об этом не просил. Подождем ответа от Шкафера и тогда решим, что предпринимать. Из Тифлиса я ничего не имею и решительно не знаю, что и (кто) делается.

Недавно мне немножко нездоровилось, и я немножко (пописал) виолончельный концерт, который сейчас привожу в порядок и понемножку начинаю приниматься за последний акт «Барсовой кожи». Последнее время на меня напал композиторский зуд и целыми днями сижу за работой. Бери пример с меня, старичка, и не обращай внимания на дразги и делай свое дело — и поверь, к тебе придут и поклонятся. Твой отъезд из Тифлиса куда бы то ни было я положительно не одобряю. Пережди — перемелется, мука будет! Обними своих братьев и поцелуй ручки у дам. Вар. Мих. шлет всем привет. Я же просто тебя и Ивана обнимаю.

Твой М. Ипполитов-Иванов.

Публикация и комментарий
Надежды ДИМИТРИАДИ

Заза АБЗИАНИДЗЕ

ЖДЕМ ГЛАВНОГО...

МИР слухами полнится. Воля ваша, верить им или нет, но театр — дело другое! В театре вы просто обязаны к ним прислушиваться, ибо театр — единственное место в мире, где слухи, как правило, оправдываются.

Вот и у нас — начали поговаривать, что главного режиссера (по-нашему «главрежа») меняют, и действительно — сменили. Не станут же его по голове гладить после грандиозного провала «Небывалой удачи»!

Приходит новый. Встреча с труппой в репетиционном зале. Ну и, естественно, программная речь...

— Друзья! Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки. Нет, дорогие мои, театр начинается еще до гардероба! И это не метафора, ибо театр начинается с афишной тумбы! Удивительно, как это вы годами проходили мимо нашего, с сегодняшнего дня нашего, театра и не замечали, что у вас квадратная тумба! Где в мире вы видели квадратную тумбу?! Или, может быть, это — претензия на модери?! Модерн в театре, вся эстетика которого держится на классике?! Я никогда не смогу понять своего предшественника! Нет, я ничего не хочу сказать о нем плохого, но, видимо, он не считал театр своим домом. А афиши?! Вы прекрасные актеры, но у вас нет никакой рекламы. В таком театре не будет своего зрителя. Да, у нас в зале сидит случайный зритель, который даже не знает, что у каждого уважающего себя театра афишная тумба круглая. Про меня говорят, что я мечтаю о театре режиссера. Нет и еще раз нет! Но раз я стал во главе этого прекрасного театра, то давайте вместе возьмемся за дело. И давайте не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Надеюсь, вы меня поняли — мы сроем это позорище!

Действительно, откуда-то появляются заготовленные впрок ломы и лопаты, и труппа, восторженно вывалившись на улицу, с фанатическим воодушевлением за две минуты превращает тумбу в клумбу. Заказывают новую тумбу, но столяры театральной мастерской мудрят и растягивают работу на год. Словом, гравреж любит себя своим детищем уже из окна троллейбуса, так как после очередного провала окончательно рассорился с труппой, уволился и боится возмездия.

Приходит новый. Встреча все в том же репетиционном зале.

— Друзья мои! Станиславский, великий Станиславский говорил, что театр начинается с гардероба. Нет, друзья мои,

театр начинается еще до гардероба, театр начинается с дверей! Вы когда-либо входили в ваш, простите, наш театр вместе со зрителем, с парадного, а не со служебного входа? Попробуйте, войдите, приглядитесь! Это же ваш дом! Это же не двери, друзья мои, это черт знает что! Какое средневековое — архаичный резной орех в век полимеров и сверхпрочных сплавов?! Где мы — в замке или в современном театре?! Если у вас висят такие архаичные двери, то какова же ваша эстетическая программа — вы думали об этом? Простите за игру слов, но на пороге новой эпохи в жизни нашего театра у нас должен быть новый порог, переступив через который зритель будет знать, что он гость современного театра! И вы достойны именно такого театра!

Труппа в восторге. Актеры аплодируют. На глазах у актрис слезы умиления.

Вскоре резные двери действительно меняют на полиэтиленовые. Но, увы, меняют и режиссера — не станут же его держать в театре после провала «Центрифуги».

Приходит новый. Встреча с труппой в репетиционном зале.

— Друзья мои! Станиславский говорил, что театр начинается с гардероба. Да, друзья мои, да и еще раз да! Но мне горько повторять эти слова! Вы что, никогда не пользовались общим гардеробом?! Что это за богадельня? Эти ваши, простите, наши тети Даши и тети Паши еле двигаются! Я уверен, что половина зрителей уходит домой, так и не дождавшись своей очереди в гардеробе. Потому-то зал полупустой! Ни одна гардеробщица не знает, какой идет спектакль, и даже не знает, кто играет Мерзавцева-Подлянского в «Карликовом пичере». Театр они не считают своим домом, а расплачиваются вы, прекрасные актеры... Подумайте, нельзя же настраивать зрителя против себя еще в гардеробе! Такой не станет аплодировать... Вы спросите — а летом? Лето не счет. Летом у нас, друзья мои, гастролы и отдых.

Актеры расходятся в восторге. Многие бегут в гардероб и бесцеремонно рассматривают озадаченных внезапным вниманием гардеробщиц.

Через год в театре монтируют закупленную на всемирной выставке «Гардероб-75» гардеробную установку «Аристофан» с электронным запоминающим устройством — номеров нет, установка безошибочно выдает зрителям их пальто, плащи и шубы. Естественно, исчезают гардеробщицы, а вокруг «Аристофана» чародействуют смазливые выпускницы Техникума сплошной автоматизации. К сожалению, главреж не может любоваться сим великолепным зрелищем, так как еще до монтажа «Аристофана» был выдворен из театра по неизвестным причинам.

Приходит новый. Встреча с труппой все в том же репетиционном зале.

— Друзья мои! Великий Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки. Нет, друзья, театр начинается с репетиционного зала! Здесь, именно здесь вершится таинство искусства! Как же вы, эстеты, можете репетировать в этой убогой серости?! Это же ваш дом, простите, наш дом! Неуже-

ли в ваших домах нет обоев, картин, цветов? И еще — я прошу прощения у дам, но театр — это также и уборная; да на я говорю не об артистической уборной, а именно о туалете писсуаре, как его еще там... Это же наш дом! Неужели, дорогая наша администрация, вы не могли достать голубой кафель, небольшие изразцы на темы искусства?! Это же театр, а не вокзал или рынок! Здесь все должно быть эстетично! Все!

Труппа в восторге аплодирует. Через год туалет не узнать — голубой кафель и изразцы на самом деле прелестны! Но раскрашенный в мажорные тона репетиционный приходится ремонтировать снова, так как главреж объявил, что облицовка оставшимися от туалета изразцами репетиционного не была согласована с ним и противоречит его эстетическим принципам. Изразцы выламывают, но главреж все же уходит, так и не закончив работу над «Белкой в колесе».

Приходит новый. Встреча в фойе театра, так как репетиционный все еще разгромлен.

— Друзья мои! Станиславский говорил, что театр начинается с гардероба. Обобщим эти слова — театр начинается с фойе! Я удивляюсь, неужели у вас никогда не возникало желания прогуляться в вашем, вернее, нашем фойе?! Это же ужасная безвкусица! О какой эстетической программе можно говорить, глядя на эти серые стены, глядя на ваши фотографии — это же увеличенные фото для паспорта. Что это — театр или провинциальное фотоателье?! Я весьма ценю творчество нашего главного художника, но, друг мой, вы, видимо, забыли, что театр — это ваш дом! Прошу вас, оживите фойе — смените колер, устройте «зеленый уголок», напомните зрителю, что он — дитя природы. И главное, нарисуйте портреты всей труппы, запечатлейте на холсте их прекрасные лица и постарайтесь постичь всю глубину этих прекрасных душ!

Труппа в восторге. Актеры аплодируют, актрисы вытирают слезы умиления. Фойе действительно преобразается: фотографии сменяются парадными портретами актеров; стены увиты плющом: в «уголке природы» — небольшой грот с валунами, ручейком, мхом и лишайниками. У ручейка толчея — зрители почему-то думают, что вода — минеральная. Неподалеку ползает живой удав, а над ним порхают бабочки-махаоны. Зрителей невозможно загнать в зал. Увы, главреж всего этого не видит, так как после провала «Кота в мешке» поскандалил с труппой, уволился и боится физической расправы.

Приходит новый. Встреча в буфете, так как в репетиционном обвалился потолок из-за просочившегося ручейка.

— Друзья мои! Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки. Нет, нет и нет! Театр начинается с буфета! И это не парадокс! Вы думали о том, в котором часу начинаются ваши, то есть наши спектакли и когда кончается работа у основной массы нашего зрителя? К нам приходит изголодавшийся зритель, который в отличие от вас не успел забежать домой и перекусить. И что же мы ему предлагаем? Шампанское с карамелями «Кис-кис»!

Главреж красноречиво смотрит на буфетчика.

— Дорогой мой, не забывайте, что театр — ваш дом! Неужели вы и дома угощаете проголодавшихся гостей этими, как его.. «Мяу-мяу»? Вы же кулинар?! Ах... филолог? Тем более... Вы же читали Анакреонта, ну или же Голсуорси... Это поближе... Приготовьте седло барашка; если это сложно, изобретите что-нибудь свое! Помните, что вы не просто буфетчик, а художник и гостеприимный хозяин в этом прекрасном театре, зритель же ваш личный гость!

Буфетчик подавленно молчит, но труппа в восторге.

Вскоре в буфете действительно происходят грандиозные изменения. Но сам буфетчик, то ли надорвавшись от непосильных забот, то ли вообще изменив взгляды на жизнь, переводится массажистом в Театр оперетты. Уходит и главреж — из-за провала «Сарделек».

Приходит новый. Встреча на сцене, так как в репетиционный временно перенесли террариум, а в буфете невообразимая толчея.

— Друзья мои! Станиславский, великий Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки. Нет, друзья мои, театр начинается со сцены!

Артисты недоуменно переглядываются и начинают ерзать на стульях.

— Да, друзья мои, ваша, вернее, наша сцена унаследовала большие традиции. Но сегодня вы не чувствуете былой легкости и воодушевления. Нет, это не та сцена, потому что это не тот настил!

Труппа облегченно вздыхает.

— Сцена, на которой ставился бессмертный «Бармалей», исчезла! Да, неизвестные нам злые руки разобрали ореховый настил и заменили его сосной! Они променяли искусство на орех! Теперь вы понимаете, почему спотыкаетесь на каждом шагу, забываете текст, волнуетесь и никак не можете войти в образ?! У вас под ногами сырая и неровная сосна! Да, друзья мои, вы — прекрасные актеры, но из-за царившего здесь в недавнем прошлом тлетворного духа вы забыли, что театр — это ваш дом! Вы же не позволили бы какому-нибудь проходимцу унести из вашей квартиры паркет? Но хватит об этом. Мы, вы и я, мы обновим эту сцену. Она будет эстетичной и запомнится каждому из нас, как зеркало наших возвышенных чувств и мыслей.

Актеры восторженно аплодируют, актрисы вытирают слезы умиления. Настил действительно меняют, но меняют и главрежа, который на свой страх и риск истратил на это дело все постановочные деньги.

Позвонили, что с часу на час приедет новый, и велели собрать труппу! Труппа в сборе, ждем у тумбы, в сквере перед театром, так как здание в капитальном ремонте... Да, кстати, ходят слухи, якобы новый главреж сказал, что «круглая тумба — театральная анахронизм!».

В общем, ждем главного...

Перевод с грузинского автора

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

К 75-летию со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева издательство «Сабчота Сакартвело» выпустило в свет юбилейный комплект. В него вошли книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина» и «Воспоминания».

ДОРОГА ВЕЧНОЙ ДРУЖБЫ

В связи с 200-летием Георгиевского трактата создан штаб по оформлению Военно-Грузинской дороги, сыгравшей важную роль в развитии культурных и экономических связей Грузии с Россией.

Украшением дороги станут декоративные родники, восстановленные по рисункам и легендам X—XII веков. Их установят в местах, где останавливались А. Пушкин, И. Чавчавадзе и другие выдающиеся деятели русской и грузинской культуры.

Большая работа будет проведена по реставрации памятников старины. Начата реставрация Анапурского ансамбля, церкви Геретиса цамеба. Всего же будет реставрировано 22 архитектурных памятника прошлого.

В селе Гудаури будет создан музей Военно-Грузинской дороги, восстанавливаются старые почтовые станции и небольшой домик крестьянина Бидаришвили, кото-

рый по приказу царя Ираклия II во время туманов звонил в колокол, помогая путникам найти дорогу.

Будут установлены памятники А. Пушкину, М. Лермонтову, В. Пшавела.

Вблизи села Натахтари будут воздвигнуты монументальные арочные ворота. Над аркой протянется пешеходный мост, задуманный в стиле старинных акведук.

Парадные ворота установят при въезде в древнюю столицу Грузии — Мцхета.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ДОМА ПИСАТЕЛЕЙ

Завершается реконструкция и реставрация одного из интереснейших архитектурных сооружений столицы Грузии — Дома писателей Грузии.

Именно на этом месте в прошлом стоял дом дальних родственников М. Ю. Лермонтова, у которых поэт гостил в 1837 году. Этот дом, построенный по проекту К. Татищева, принадлежал известному меценату К. Сараджишвили. Его называли Дворцом искусств. Именно здесь в 1928 году состоялся первый съезд писателей Грузии.

Дом интересен своими мавританским залом, персидской комнатой, изящными витражами, тщательно восстановлены старинная мебель и люстры.

Скоро Дом писателей Грузии гостеприимно откроет свои двери для гостей со всех уголков мира.

ВЫСТАВКА БОЛГАРСКОЙ КНИГИ

В Тбилиси с успехом прошла выставка болгарской книги, посвященная 1300-летию образования Болгарского государства, XII съезду Болгарской коммунистической партии и 90-летию основания коммунистической партии.

На стендах выставочных залов Грузинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами было представлено книг более 1.000 наименований. Это политическая и художественная литература, книги по искусству и архитектуре, детская литература, словари и энциклопедии.

Особое место занимают произведения классиков марксизма-ленинизма, сборники статей и речей Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, произведения болгарских коммунистов — Д. Благоева,

Г. Димитрова, В. Коларова, Т. Живкова.

Большой интерес вызывает произведение болгарских, русских и советских писателей, а также произведения грузинских писателей Ч. Амирэджиби, Р. Инанишвили, А. Сулакаури и других.

КОНТАКТЫ КРЕПНУТ

В Белградском народном музее с успехом прошла выставка, на которой экспонировались произведения искусств средневековой Грузии из коллекции Государственного музея искусств Грузинской ССР.

На экспозиции было представлено свыше 100 произведений живописи, чеканка, украшения из золота, серебра, драгоценных камней. На красочных фотографиях запечатлены шедевры грузинской архитектуры, фрески.

Открытие выставки в столице Югославии—еще одно свидетельство развивающегося советско-югославского сотрудничества в области культуры.

АБЗИАНИДЗЕ Заза Георгиевич. Род. в 1940 г. Критик. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели. Автор исследования «Концепция человека в современной грузинской лирике» и целого ряда статей, посвященных проблемам современного литературного процесса.

ГВЕРДЦИТЕЛИ Гурам Евстафьевич. Род. в 1930 г. Критик, кандидат филологических наук. Заведующий отделом современных литературных процессов Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Автор ряда книг и монографий—«Образы современников», «Михаил Джавахишвили», «Одоленная высота», «Письма, портреты, эскизы» и др.

ИСАШВИЛИ Светлана Леонидовна. Окончила филологический факультет ТГУ. Член Союза журналистов СССР. Автор многочисленных статей и очерков, опубликованных в республиканской прессе.

НАТРОШВИЛИ Тамаз Георгиевич. Род. в 1937 г. Окончил исторический факультет ТГУ. Автор двух сборников рассказов, ряда критических статей и рецензий, а также книги «От Машрика до Магриба», вышедшей в изд. «Наука» в 1978 г.

ОСИНСКИЙ Владимир Валерианович. Род. в 1932 г. Окончил филологический фа-

культет ТГУ. Печатается с 1952 г. Автор произведений, публиковавшихся в республиканских и союзных изданиях и сборниках. Переводился на японский и венгерский языки. В 1975 г. вышла его книга фантастических рассказов и повестей «Что там?».

СИХАРУЛИДЗЕ Придон Моисеевич. Род. в 1940 г. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея дружбы народов АН Груз. ССР. Работает в области истории культуры, в частности русско-грузинских культурных взаимосвязей.

ХАРАНАУЛИ Бесик Силибистрович. Род. в 1939 г. Первые его стихи были опубликованы в 1956 году в журнале «Дроша». Автор нескольких сборников стихов.

ХИХАДЗЕ Лина Дмитриевна. Литературовед. Доктор филологических наук. Работает в области сравнительного изучения литератур и русской литературы. Автор монографии «Из истории восприятия русской литературы в Грузии (Опыт историко-функционального изучения)».

ХОРГУАШВИЛИ Георгий Гаврилович. Прозаик, автор нескольких сборников рассказов.

ЧИЛАДЗЕ Тамаз Иванович. Род. в 1931 г. Окончил филологический факультет ТГУ. Печатается с 1951 года. Автор многих романов, повестей, рассказов, пьес, сборников стихов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-23, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული მხატვრობა“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

ბაზმდის 1957 წლის ივნისიდან. № 1, იანვარი, 1982 წ.

Сдано в набор 2.XII.81 г. Подписано к печати 6.1.82 г.
УЭ 01204 Формат 84×108^{1/32}. Высокая печать. Печ. л. 7,0—
усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 7.700 экз. Зака:
№ 3050 Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Ленина, 5
Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ»

«МЕРАНИ»

ЛОРДКИПАНИДЗЕ К. «Горец вернулся в горы». Новеллы. Пер. с груз. Тбилиси, 1981. 226 с. 20.000 экз. 85 к.

ТВЕРСКОЙ А. «Георгий Гулиа как он есть». Тбилиси, 1981. 304 с. 2.000 экз. 85 к.

ОНАНИЯ Г. «Преодоление». Стихи. Тбилиси, 1981. 93 с. 2.000 экз. 35 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШАНШИАШВИЛИ С. «Сказка о мальчике Гигле». Рис. М. Амираговой. Москва, 1981. 32 с. 100.000 экз. 15 к. Для младшего школьного возраста.

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТЕХОВ Б. «Тлийский могильник». Комплексы IX — первой половины VII в. до н. э., ч. II. Тбилиси, 1981. 137 с. с ил. 2.000 экз. 1 р. 90 к.

«НАКАДУЛИ»

«КОМСОМОЛУ ГРУЗИИ 60 ЛЕТ». Сборник. Тбилиси, 1981. 105 с. с ил. 1.000 экз. 50 к. На груз. и рус. яз.

65 к

ИНДЕКС 76117

01936544
203900003

